

ISSN 2686-7753

КРИМИНАЛИСТЪ

2026 № 2 (55)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

КРИМИНАЛИСТЪ

2026 № 2 (55)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А.А. Сапожков, заместитель директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Редакционный совет

А.Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; Н.Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Т.А. Ашурбеков, доктор юридических наук; Е.Е. Амлеева, кандидат юридических наук, доцент; И.А. Антонов, доктор юридических наук, профессор; Е.В. Болотина, доктор юридических наук; Н.А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор; И.В. Гончаров, доктор юридических наук, профессор; Л.В. Готчина, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; Н.А. Данилова, доктор юридических наук, профессор; А.А. Дорская, доктор юридических наук, профессор; И.Г. Дудко, доктор юридических наук, профессор; Е.В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор; Е.Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор; Г.П. Ермолович, доктор юридических наук, профессор; В.Н. Исаенко, доктор юридических наук, профессор; А.С. Карцов, доктор юридических наук; Н.П. Кириллова, доктор юридических наук; О.Н. Коршунова, доктор юридических наук, профессор; А.Н. Кузбагаров, доктор юридических наук, профессор; Э.К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор; В.В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; Ю.В. Мишальченко, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; Н.С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; Т.Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор; М.Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор; А.Н. Попов, доктор юридических наук, профессор; С.М. Прокофьева, доктор юридических наук, профессор; Е.Н. Рахманова, доктор юридических наук; Р.А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор; Е.Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент; С.А. Смирнова, доктор юридических наук, профессор; Ю.А. Тимошенко, доктор юридических наук; Н.И. Уткин, доктор юридических наук, профессор; О.В. Чельшева, доктор юридических наук, профессор; В.С. Шадрин, доктор юридических наук,

профессор; Р.Д. Шаранов, доктор юридических наук, профессор; Ю.Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор; В.Ф. Щепельков, доктор юридических наук, профессор; А.А. Эксархопуло, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А.А. Сапожков (главный редактор), кандидат юридических наук, доцент; Д.А. Безбородов (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; М.А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; О.А. Гуреева, кандидат юридических наук; Е.В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент; А.В. Зарубин, кандидат юридических наук, доцент; Н.В. Кулик, кандидат юридических наук, доцент; В.А. Максимов, кандидат юридических наук, доцент; Е.Л. Никитин, кандидат юридических наук, доцент; И.Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции, издательства и типографии:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4. Распространяется бесплатно.

Подписано в печать 04.06.2026. Печ. л. 25,0. Формат 60х84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1 – 160). Заказ 12/26.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации. Дата выхода в свет 22.06.2026.

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2026

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

<i>Андреева А.А.</i> Типичные способы преступлений, связанных с незаконным перемещением товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза.....	3
<i>Арзамасцев М.В.</i> Конституционные требования к уголовно-правовой охране основ конституционного строя.....	11
<i>Бердинских С.В.</i> Особенности уголовно-правовой защиты прокурором публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий.....	18
<i>Бурлаков В.Н.</i> Общественная опасность как явление и понятие.....	26
<i>Голубовский В.Ю.</i> Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды.....	36
<i>Зарубин А.В., Барышников Т.А.</i> Уголовно-правовой анализ беспомощного состояния военнослужащего при добровольной сдаче в плен.....	42
<i>Игнатенко Е.А.</i> Ретроспективный анализ уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности в России (XI — начало XX в.).....	49
<i>Кардашевская М.В.</i> Объект криминалистики: развитие представлений и современные подходы к его определению.....	57
<i>Кунц Е.В.</i> Исследование мотивов преступлений, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.....	64
<i>Курилова Е.Н., Готчина Л.В.</i> Об опасности сильнодействующих веществ и моменте окончания их сбыта.....	69
<i>Никуленко А.В.</i> Новые возможности необходимой обороны при защите жилища.....	75
<i>Огарь Т.А.</i> Особенности криминализации и пенализации составов преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, содержащих административную преюдицию.....	83
<i>Писаревская Е.А.</i> Уголовно-правовая регламентация ответственности за вандализм: проблемы применения нормы и направления совершенствования.....	92
<i>Тюнин В.И.</i> Отдельные вопросы квалификации незаконного образования юридического лица.....	101

<i>Хромов Е.В.</i> Вопросы квалификации преступлений, совершаемых при оказании юридических услуг.....	108
<i>Чельишева О.В.</i> Вещественные доказательства (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты).....	117
<i>Шадрин В.С.</i> Современные проблемы истины в уголовном судопроизводстве.....	125

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

<i>Булгакова Л.С.</i> Эффективные охранные зоны особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации: административно-правовой вакуум и модель его преодоления.....	131
<i>Корнева Т.С.</i> Признаки системы принципов организации и деятельности российской прокуратуры.....	138
<i>Лавров В.В.</i> Губернская прокуратура Российской империи 1762 — 1775 гг.	147

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

<i>Разуваев Н.В.</i> Уэсли Хофельд и аристотелевская традиция в американской философии права.....	159
<i>Честнов И.Л.</i> Перспективы развития идей Л.И. Петражицкого в постклассической юриспруденции.....	167

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Максимов В.А., Тарасевич К.А.</i> Канцелярия прокурора Международного уголовного суда: институционально-правовой анализ структуры и функций.....	174
---	-----

**РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ**

<i>Кулик Н.В., Сычев Д.А., Кононенко М.М.</i> Обзор IV Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс: от истоков к современности (проблемы уголовно-процессуального доказывания)».....	183
<i>Серова Е.Б., Елагина Е.В.</i> Обзор научно-практического семинара «Криминалистические чтения» (посвященного памяти В.С. Бурдановой) «Особенности судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и коррупционной направленности».....	192

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.3/7

ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Алиса Андреевна АНДРЕЕВА

*Северо-Западная транспортная прокуратура, Санкт-Петербург, Россия,
andreevaalisa2013@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены типичные способы контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, и предложена их классификация. Исследование позволило прийти к выводу, что данные преступления совершаются одними и теми же способами, имеющими тесную связь с предметами и обстановкой преступлений. Сформировано мнение о значимости данных о способе преступления для установления иных элементов преступных деяний и планирования расследования.

Ключевые слова: незаконное перемещение товаров, способ преступления, предмет преступления, таможенные платежи, таможенная граница

Для цитирования: Андреева А.А. Типичные способы преступлений, связанных с незаконным перемещением товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 3 – 10.

Original article

TYPICAL METHODS OF COMMITTING CRIMES RELATED TO ILLEGAL MOVEMENT OF GOODS ACROSS THE CUSTOMS BORDER OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Alisa A., ANDREEVA

*North-Western transport prosecutor's office, St. Petersburg, Russia,
andreevaalisa2013@yandex.ru*

Abstract. The article examines common methods used in smuggling and evading customs payments by legal entities or individuals, and proposes a classification for these methods. The research concludes that the offences in question are committed using recurrent methods inherently linked

© Андреева А.А., 2026

to the nature and circumstances of the offences. It has been recognized that information concerning the modus operandi of a crime holds considerable significance for establishing other constituent elements of criminal offences and for the strategic planning of investigative proceedings.

Keywords: illegal cross-border movement of goods, crime method, subject matter of the crime, customs payments, customs border

For citation: Andreeva A.A. Typical methods of committing crimes related to illegal movement of goods across the customs border of the Eurasian Economic Union. *Criminalist*. 2026;2(55):3-10. (In Russ.).

В условиях существующих в наши дни вызовов и угроз в сфере национальной безопасности возрастает важность своевременного выявления и пресечения трансграничных преступлений, посягающих на стабильное функционирование экономики страны, безопасность населения, здоровье граждан.

В таможенной сфере к такой категории преступлений (исходя из их сущности) прежде всего относятся контрабанда, т. е. незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС) определенных законодателем товаров или иных предметов (ст. 200.1, 226.1, 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации; далее — УК РФ), и уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ; далее — уклонение от уплаты таможенных платежей).

Контрабанда составляет около 75 % выявляемых таможенными органами преступлений: 1448 в 2024 году из 1914 и 1337 в 2023 году из 1822. Почти половина преступлений (826 в 2024 году и 740 в 2023 году) квалифицированы по ст. 226.1 УК РФ. Следующим по частоте выявления таможенными органами следует признать уклонение от уплаты таможенных платежей (за 2024 год возбуждено 301 уголовное дело, в 2023 году — 285)¹. Таким образом, наблюдает-

ся тенденция к росту числа зарегистрированных фактов контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей.

В 2024 году незаконно перемещены через таможенную границу Евразийского экономического союза стратегически важные товары и ресурсы на сумму 5,2 млрд рублей (в основном морепродукты, драгоценные металлы и камни, ювелирные изделия, табачная продукция, культурные ценности, виды животных и растений, подпадающих под действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения — объекты СИТЕС²), не уплачены таможенные платежи на сумму свыше 5,9 млрд рублей (в основном за автотранспорт, предметы народного потребления, мебель и бытовую технику)³.

Несмотря на то, что предметы контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей неидентичны, анализ законодательства и данных правоприменительной практики позволил прийти к выводу, что контрабанду и уклонение от уплаты таможенных платежей объединяет способ совершения преступле-

сии за 2024 год // Федеральная таможенная служба : офиц. сайт. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2025-03/14/itog_doklad_2024.pdf (дата обращения: 19.08.2025).

² Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения : закл. в г. Вашингтоне 3 марта 1973 г. // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml (дата обращения: 20.08.2025).

³ Итоговый доклад...

¹ Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС Рос-

ния — незаконное перемещение товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза.

В Уголовном кодексе Российской Федерации не приводятся конкретные способы совершения контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей. В этой связи для верной квалификации указанных преступных деяний необходимо обращаться прежде всего к таможенному законодательству, где раскрыто понятие «незаконное перемещение товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза» и названы противоправные действия — недекларирование, перемещение с сокрытием от таможенного контроля и пр.¹ Однако цели рассматриваемых преступлений различны. При уклонении от уплаты таможенных платежей занижают таможенную ставку, применяют льготы по уплате таможенных платежей и пр.[1], а при контрабанде основная цель — переместить через таможенную границу ограниченные (запрещенные) в обороте товары или иные предметы, перечни которых определены на законодательном уровне.

В подтверждение мнения о сходстве способа контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей можно привести примеры из практики.

У одной российской компании возникла задолженность перед иностранным контрагентом по поставке лесоматериалов, в связи с чем для продолжения коммерческих взаимоотношений было решено подавать в таможенные органы Российской Федерации декларации на меньший объем «балансов березовых...», чем фактически поставлено за границу. Общая стоимость незадекларирован-

ных стратегически важных ресурсов составила свыше 5,6 млн рублей, в связи с чем возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ. В рассматриваемом примере преступник для исполнения договорных обязательств, в целях надлежащего таможенного оформления в другой стране, представлял на склад получателя товарно-сопроводительные документы, в которых был отражен реальный объем поставленных материалов². Истребование в ходе расследования указанных документов и их сопоставление с имеющимися в распоряжении таможенных органов Российской Федерации позволило установить способ преступления.

Схожим способом совершено уклонение от уплаты таможенных платежей при перемещении с территории Итальянской Республики «плит и слэбов из натурального камня». Два сотрудника российской компании на основе полученных от отправителя товаров оригинальных экспортных документов организовали изготовление с использованием доступной компьютерной техники поддельных товарно-сопроводительных документов, содержащих недостоверные сведения о стоимости товаров ниже реальной, и представили их в комплекте к декларации для создания видимости законного декларирования продукции. Преступление удалось выявить в ходе таможенной проверки после выпуска товаров и получения от организации-поставщика оригинальных документов, в которых содержались сведения о цене товаров, отличные от заявленных в представленных в таможенный орган документах³.

Такой элемент криминалистической характеристики, как способ преступления, в науке понимается неоднозначно.

² Уголовное дело № 1-753 // Архив Кировского районного суда Санкт-Петербурга. 2024.

³ Уголовное дело № 1-629/2024 // Архив Кировского районного суда Санкт-Петербурга. 2024.

По мнению автора, наиболее полное определение приведено А.А. Бессоновым, который полагает, что способ преступления — это система объединенных единым преступным замыслом (для неосторожных преступлений — единым отношением к последствиям) действий преступника (его соучастников) по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями его обстановки, объектом (предметом) посягательства и психофизиологическими свойствами личности, представляющих совокупность приемов, орудий, средств и находящихся свое отражение в объективной реальности в виде следов, обуславливающая методику его расследования и установление ретроспективной модели совершенного преступления [2, с. 172].

В рассматриваемых нами преступлениях именно предмет и обстановка посягательства являются системообразующими для выбора способа противоправного деяния, что объясняется неидентичными требованиями к перемещению конкретных товаров в разное время.

Отличия связаны со свойствами перемещаемых товаров и таможенной процедурой, под которую они помещаются. В частности, от этого зависят вид и ставка таможенных платежей, применение запретов и ограничений, часто изменяющихся для стабильности экономики страны.

При безграничном множестве товаров, перемещаемых через таможенную границу, прежде всего предмет преступления, или товар (с учетом его характеристик и назначения, ограниченности в обороте, стоимости, привлекательности для преступника и пр.), и (или) платежи, которые необходимо уплатить за него (при уклонении от уплаты таможенных платежей), определяют конкретный способ преступления.

Исходя из характеристик товара, который требуется незаконно переместить

через таможенную границу, преступник определяет место и время его приобретения, принимает меры к получению документов для придания законности перемещения, скрывающих реальную стоимость и свойства товара.

В зависимости от обстановки совершения планируемого деяния и невозможности законного получения необходимых для осуществления таможенных операций документов злоумышленник приискивает места сокрытия товаров, поддельную документацию и пр., т. е. определяет способ совершения и сокрытия преступного деяния с учетом действующих в это время таможенных правил, продумывает версии защиты.

Например, К., прибыв с территории иностранного государства в аэропорт Санкт-Петербурга, имея при себе наркотическое средство общей массой 0,95 г, в целях сокрытия его от таможенного контроля заблаговременно поместил предмет преступления в прозрачную колбу вытянутой формы с полимерной крышкой черного цвета и убрал в ручную кладь. Он вошел в «зеленый коридор» зоны таможенного контроля, заявив тем самым об отсутствии у него подлежащих декларированию, а также запрещенных предметов и веществ, чем совершил незаконное перемещение наркотического средства через таможенную границу Евразийского экономического союза. Указанное вещество было обнаружено должностным лицом таможенного органа при проведении досмотра¹.

В следующем примере избрание такого способа совершения преступления, как сокрытие от таможенного контроля, с учетом характеристик (прежде всего объема) перемещаемых товаров явилось бы весьма затруднительным, в связи с чем преступление совершено путем предоставления в таможенный орган недействительных документов.

¹ Уголовное дело № 1-272/2025 // Архив Московского районного суда Санкт-Петербурга. 2025.

Так, два сотрудника предприятия, действуя в составе организованной группы, приискали незаконно заготовленные лесоматериалы и подделали документы, подтверждающие законность их приобретения. Предоставив в таможенный орган подложные документы о происхождении лесоматериалов, злоумышленники незаконно переместили через таможенную границу Евразийского экономического союза на территорию иностранных государств свыше 740 куб. м древесины на общую сумму около 20 млн рублей¹.

Деление способов преступлений на группы и виды помогает следователю в построении версий и определении хода расследования.

В науке имеется множество подходов к классификации способов совершения контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей.

Следует согласиться с авторами, которые подразделяют их на две группы: совершение преступления вне таможенного контроля и с учетом его наличия [3, с. 212 – 218]. Аналогичным образом можно подразделить способы совершения таких преступлений исходя из предоставления/непредоставления неприемимых документов и пр.

Представляется важным деление способов совершения преступлений, предложенное профессором Г.Г. Зуйковым, на «полноструктурные» (включают подготовку, совершение и сокрытие преступления) и «неполноструктурные» (при которых один или два элемента, подготовка либо сокрытие, отсутствуют) [4, с. 116 – 117].

Конкретные способы совершения рассматриваемых нами преступлений на квалификацию преступных деяний

¹ В Краснодарском крае следователи полиции окончили расследование уголовного дела о контрабанде древесины // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/news/item/49843721/> (дата обращения: 20.08.2025).

не влияют. Вместе с тем их определение играет важную роль с криминалистической точки зрения для планирования расследования.

Целесообразно выделить следующие типичные способы совершения вышеуказанных преступлений:

1) перемещение товаров или иных предметов (далее – перемещение товаров, перемещение) при несовершении таможенными органами необходимых операций:

вне мест перемещения товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза (пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации), иных определенных законодательством стран – членов Евразийского экономического союза мест;

в нерабочее время таможенных органов в местах перемещения товаров;

без разрешения таможенного органа, которое является обязательным условием такого перемещения (например, при перемещении товаров через границы зон таможенного контроля);

при несоблюдении порядка совершения таможенных операций в отношении товаров:

а) недоставка товаров в определенные при помещении под таможенную процедуру таможенного транзита место и время;

б) получение (изъятие) без разрешения таможенных органов товаров, находящихся под таможенным контролем (например, со складов временного хранения);

2) перемещение с сокрытием от таможенного контроля:

с использованием тайников, т. е. специально изготовленных непосредственно для незаконного перемещения товаров мест либо намеренно сконструированных или приспособленных для их сокрытия (например, в нише, не предусмотренной конструкцией транспортного средства);

с приданием товару вида другого товара (например, перемещение психотропных веществ в консервах);

с физическим сокрытием (в теле человека, животного);

с использованием иных способов, затрудняющих обнаружение предметов, т. е. размещение в местах, не предназначенных для обычной транспортировки, доступ в которые затруднен (например, в колесах автомобиля)¹;

3) перемещение товаров с сообщением таможенному органу не соответствующих действительности сведений, необходимых для таможенных целей²:

предоставление недостоверных сведений о наименовании и характеристиках товаров;

неверное описание товаров;

сообщение недостоверных сведений о коде товаров по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза;

предоставление неверных сведений о таможенной стоимости товаров;

сообщение неверных данных о стране происхождения товаров;

сообщение неверных сведений о целях ввоза товаров (для личного пользования или перепродажи);

несоблюдение запретов и ограничений в отношении конкретных видов товаров;

необоснованное заявление сведений о наличии в отношении товаров льгот и преференций;

несоблюдение условий таможенных процедур, под которые помещены товары;

4) перемещение с несообщением о перемещаемых товарах таможенному органу:

незаявление всего товара или указание данных о другом товаре;

незаявление части товара (например, при перемещении однородных товаров не сообщаются сведения о перемещении продукции нескольких конкретных артикулов);

5) перемещение с использованием не подлежащих применению документов:

документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, т. е. об их характеристиках (наименование, стоимость и пр.);

поддельных документов (изготовленных фиктивных документов, оригинальных документов, в которые внесены изменения);

документов, полученных незаконным путем (например, путем предоставления органам, их выдающим, недостоверных документов и сведений);

документов, относящихся к другим товарам, транспортным средствам;

документов, не имеющих юридической силы (например, документов, выданных неправомочным органом);

6) перемещение с использованием не подлежащих применению средств идентификации:

с использованием поддельного средства таможенной идентификации;

с использованием средства таможенной идентификации, неприменимого к перемещаемым товарам (транспортным средствам);

без необходимых средств идентификации.

Необходимо отметить, что проведенное нами в 2025 году анкетирование 49 государственных обвинителей различных регионов страны, проходивших обучение по дополнительным профес-

¹ О методических рекомендациях : Письмо ФТС России от 28 июня 2013 г. № 18-12/27777 // Альта-Софт : Все для декларантов и участников ВЭД : сайт. URL: <https://www.altar.ru/tamdoc/13p27777/> (дата обращения: 14.08.2025).

² О судебной практике по делам о контрабанде : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 : текст с изм. и доп. на 11 июня 2020 г. П. 7 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/15985/> (дата обращения: 28.08.2025).

сиональным программам в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации, показало, что именно перемещение товаров или иных предметов с сокрытием от таможенного контроля является наиболее частым способом совершения контрабанды. Представляется, что указанный результат анкетирования связан с ограниченностью в обороте большинства предметов контрабанды (наркотические средства и пр.).

Наиболее характерной схемой уклонения от уплаты таможенных платежей, по данным ФТС России, является недостоверное заявление базы для их исчисления (невключение в структуру таможенной стоимости обязательных при перемещении конкретных товаров платежей, манипуляции с кодом товаров по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза)¹. Рассматривая способы совершения преступлений, связанных с незаконным перемещением через таможенную границу Евразийского экономического союза товаров или иных предметов, следует отметить, что преступниками активно используются достижения науки и техники.

Например, сотрудники правоохранительных органов Китайской Народной Республики задержали контрабандистов, перемещавших с использованием беспилотных летательных аппаратов зо-

лото через границу с Россией [5], т. е. без совершения необходимых таможенных операций.

В свою очередь, правоохранительные органы Российской Федерации также используют достижения науки и техники для предотвращения нелегального перемещения товаров или иных предметов, в том числе применяют средства обнаружения предметов (например, анализаторы металлов и сплавов), обязательной маркировки продукции (в отношении меховых изделий, алкоголя и пр.).

Так, в одном из торговых центров таможенным органом обнаружено 180 меховых изделий без контрольных идентификационных знаков. После проверки представленных таможенному органу документов установлено, что владельцем товара не уплачено около 5 млн рублей таможенных платежей, т. е. совершено уклонение от уплаты таможенных платежей. Реализуемые товары ввозились под видом товаров для личного пользования².

Способ преступления, помимо тесной взаимосвязи с предметом преступного посягательства и обстановкой, зависит от личности преступника. В частности, неполноструктурный способ контрабанды при прохождении таможенного контроля без необходимых документов указывает на неподготовленность преступника, отсутствие у него связи с должностными лицами таможенных органов, возможную наивность, вызванную внутренними субъективными факторами (проецирование преступником ситуаций из фильмов и литературы про «легкость» совершения контрабанды, попадание в среду контрабандистов и пр.). При этом заявление в таможен-

¹ Выявленные схемы уклонения от уплаты таможенных пошлин, налогов и иных платежей, взимание которых возложено на таможенные органы Российской Федерации, за 2023 год // Федеральная таможенная служба : офиц. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/activity/kontrol-naya-deyatel-nost-profilaktika-narushenij-obyazatel-nyx-trebovanij/vyyavlennye-sxemy-ukloneniya-ot-uplaty-tamozhennyx-poshlin,-nalogov-i-inyx-platezhej,-vzimanie-kotoryx-vozloženo-na-tamozhennye-organy-rossijskoj-federaczii/document/563435> (дата обращения: 15.08.2025).

² Находкинские таможенники обнаружили в торговом центре меховые изделия без КИЗов стоимостью 16 млн рублей // Логистикс.ру : Агрегатор услуг ВЭД и логистики для вашего бизнеса : сайт. URL: <https://logistics.ru/tamozhnyia-i-ved/nakhodkinskie-tamozhenniki-obnaruzhili-v-torgovom-centre-mekhovye-izdeliya-bez> (дата обращения: 15.09.2025).

ной декларации недостоверного кода товара по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза с предоставлением неприменимых документов, наоборот, указывает на наличие у преступника своего рода профессиональных знаний и подготовку к преступному деянию.

Направленность умысла на конкретный предмет посягательства также определяется особенностями личности преступника (перемещение дорогостоящей продукции для наиболее выгодного осуществления предпринимательской деятельности или запрещенных товаров для лечения).

Способ совершения преступления указывает на примененные преступником приемы, орудия и средства совершения и сокрытия преступного деяния, его следы (например, при незаконном пере-

мещении товаров или иных предметов с сокрытием от таможенного контроля используются нестандартные отсеки в транспортном средстве, а при подделке документов — отличные от оригинальных печати и штампы, подчистки и пр., которые укажут на примененные методы и средства при их изготовлении), а также на обстановку его совершения (какие в момент совершения деяния действовали запреты и ограничения, подвергался ли товар таможенному контролю и пр.).

Таким образом, способ преступления, его выбор и реализация детерминированы внешними объективными и внутренними субъективными факторами. Получение достоверных данных о способе преступления позволяет определить иные элементы преступления и направить ход расследования в верную сторону.

Список источников

1. Азаренкова Е.А, Осипов В.А. Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей: проблемы правоприменения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 80—83.
2. Бессонов А.А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 171—173.
3. Янин С.А. К вопросу о способах совершения контрабанды культурных ценностей // Юрист-Правовед. 2023. № 4 (107). С. 212—218.
4. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : дис. ... д-ра юрид. наук / Зуйков Георгий Георгиевич. Москва, 1970.
5. Гайфутдинов В.А. О рисках использования беспилотных летательных аппаратов для контрабанды отдельных товаров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. № 4 (88). С. 9—12.

Информация об авторе

А.А. Андреева — заместитель Санкт-Петербургского транспортного прокурора Северо-Западной транспортной прокуратуры.

Information about the author

A.A. Andreeva — Deputy of the St. Petersburg transport prosecutor of the North-Western transport prosecutor's office.

Научная статья
УДК 342.41:343.32

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Максим Васильевич АРЗАМАСЦЕВ

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
m.arzamastsev@spbu.ru*

Аннотация. Основы конституционного строя играют особую роль в конституционном праве, в связи с чем требуют повышенной уголовно-правовой охраны. Исходя из их содержания предлагается авторское понимание видового объекта преступлений, как включенных в главу 29 УК РФ, так и смежных. Раскрывается направленность этой главы на реализацию специальных запретов, обозначенных в ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации. В статье на основе правовых позиций органа конституционного правосудия обосновывается необходимость признания новыми обстоятельствами, исключающими преступность деяния, осуществления субъективного права, исполнения закона и материально-правовых иммунитетов (в частности, парламентского и журналистского). Также анализируются особенности ответственности за разглашение государственной тайны, за совершение преступлений по распространению экстремистской и иной информации, отрицающей конституционные ценности. Обосновывается, что основы конституционного строя, требуя уголовно-правовой охраны, выступают и пределами усмотрения государства в части признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. Устанавливая систему запретов и наказаний за их нарушение, законодатель должен находить оптимальный баланс между конституционными правами и безопасностью государства.

Ключевые слова: основы конституционного строя, уголовная ответственность, разглашение государственной тайны, экстремизм, правовой иммунитет, осуществление конституционных прав, безопасность государства

Для цитирования: Арзамасцев М.В. Конституционные требования к уголовно-правовой охране основ конституционного строя // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 11 – 17.

Original article

CONSTITUTIONAL REQUIREMENTS FOR THE CRIMINAL-LAW PROTECTION OF THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER

Maksim V. ARZAMASTSEV

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, m.arzamastsev@spbu.ru

Abstract. The foundations of the constitutional order play a crucial role in constitutional law, necessitating enhanced criminal law protection. Based on their content, the article proposes an original interpretation of the specific object of offences, encompassing both those outlined in Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation and related offences. It is revealed that this chapter aims to enforce special prohibitions established in Part 5 of Article 13 of the Constitution of the Russian Federation. Drawing on legal opinions from the constitutional justice body, the article argues for the recognition of new circumstances, that may prevent an act from being con-

sidered criminal, the exercise of a subjective right, compliance with the law, and substantive-law immunities (including parliamentary and journalistic immunities). Specific aspects of liability for disclosing state secrets and committing crimes involving the dissemination of extremist and anti-constitutional information denying constitutional values are also examined. It is argued that while the foundations of the constitutional order require criminal-law protection, they simultaneously serve as constraints on state authority by recognizing the human being, their rights, and freedoms as the supreme value. In establishing a system of prohibitions and penalties for violations, legislators must strike a balance between constitutional rights and state security.

Keywords: foundations of constitutional order, criminal liability, disclosure of state secrets, extremism, legal immunity, exercise of constitutional rights, state security

For citation: Arzamastsev M.V. Constitutional requirements for the criminal-law protection of the foundations of the constitutional order. *Criminalist*. 2026;2(55):11-17. (In Russ.).

Уголовный закон призван защищать наиболее важные ценности, среди которых особое место занимают основы конституционного строя, поскольку они закрепляют предпосылки и гарантии для жизни каждого человека, для общего социального развития и прогресса. Конечно, любое государство создает уголовное право «под себя, под свое понимание мира и своего места в нем, под свое представление о собственной безопасности внутренней и внешней» [1, с. 699]. Но актуально сказанное более века назад: с одной стороны, «всякое государство строже всего карает те преступления, которые угрожают его особому жизненному принципу» [2, с. 43], а с другой — «карательная репрессия осуществляется не в одних только собственных интересах власти, а в общих интересах всей народной жизни» [3, с. 13]. Попробуем обозначить ту роль, которую играют основы конституционного строя в конституционном праве и которая влияет на развитие и применение уголовного законодательства.

Согласно ст. 16 Конституции Российской Федерации положения ее главы 1 составляют основы конституционного строя, которые помимо прочего защищены от изменения на весь период действия Конституции (ст. 135). В конституционной науке сложилось не менее четырех вариантов понимания анализируемых основ. Это может быть просто «способ организации государства, закреп-

ленный в его конституции» [4, с. 76] (т. е. любой государственный строй); форма (способ) устройства конституционного государства (подчиненного праву) [5, с. 29]; принципы организации государства и общества, их взаимоотношений с личностью, обеспечивающие конституционный правопорядок, режим конституционализма [6, с. 4]; принципы устройства общества и государства, обеспечивающие его подчинение праву и устанавливающие пределы его вмешательства в жизнь гражданского общества [7, с. 948]. Очевидно, что в зависимости от выбранного варианта меняется и представление о видовом объекте преступлений, посягающих на такие основы.

Кроме того, сами основы включают в себя политические, социально-экономические, духовные составляющие [6, с. 5; 7, с. 948]. Действительно, краткий обзор положений главы 1 Конституции Российской Федерации показывает, что в ней закреплены устройство России как демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления (ст. 1), признание человека высшей ценностью (ст. 2), народовластие и суверенитет (ст. 3), который распространяется на всю территории страны (ст. 4), где действует единство экономического пространства, поддерживается конкуренция, защищаются все формы собственности (ст. 8), а также иные положения. Им соответствуют

выделение в структуре Особенной части уголовного закона в качестве первоочередных родовых объектов личности и экономики. Следовательно, указанные выше основы конституционного строя охраняются самостоятельно, а не главой 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

В основах конституционного строя есть внутренняя отсылка к защите их самих — в ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Сопоставление конституционно запрещенного поведения и уголовно-правовых запретов в главе 29 УК РФ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, видовой объект преступлений, предусмотренных нормами этой главы, не охватывает те основы конституционного строя, которые охраняются нормами других глав, а потому должен трактоваться узко. Во-вторых, такой объект не сводится только к предложенному В.В. Палий пониманию его как национальной безопасности [8, с. 55], поскольку включает в себя и (общее) человеческое достоинство, которому угрожает всякая, особенно насильственная, вражда по признакам расы, национальности, религии и т. д. В-третьих, глава 29 УК РФ предназначена для реализации преимущественно положений ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации. Таким образом, видовой объект преступлений в этой главе представляет собой безопасное функционирование федеративного правового государства, распространяющего на всю территорию свой суверенитет (исключающий создание незаконных вооруженных формирований) и власть, которая формируется демократическим

путем и признает человека — исключительно в силу человеческого достоинства и независимо от социальной, расовой, национальной и религиозной принадлежности — высшей ценностью.

Из предложенного понимания видového объекта следует, что он является объектом преступлений, сегодня включенных в другие главы уголовного закона. Так, лишь схожестью с бандитизмом (ст. 209 УК РФ) можно объяснить отношение к преступлениям против общественной безопасности деятельности (организации или участия) в составе незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ). Против безопасности государства (ее информационной составляющей) направлено неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ). Территориальной целостности также угрожает противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации (ст. 323 УК РФ). На смежные непосредственные объекты посягают и имеют сопоставимую общественную опасность как демонстрация экстремистской символики или атрибутики (ст. 282.4 УК РФ), так и надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации (ст. 329 УК РФ). Представляется, что необходимо дополнительное рассмотрение возможности переноса в главу 29 УК РФ перечисленных норм, поскольку запрещаемые ими деяния посягают прежде всего на основы конституционного строя и безопасность государства.

Сама по себе охрана конституционных ценностей еще не легитимизирует уголовно-правовые предписания. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в 1995 году ограничил возможность ответственности за государственную измену, указав, что правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не может рассматриваться как нанесение ущерба

суверенитету Российской Федерации, обороне страны и безопасности государства¹. Хотя сегодня ст. 275 УК РФ включает оценочный (наполняемый с учетом фактических особенностей конкретной ситуации) признак — «оказание иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности», однако он не может пониматься расширительно. Его пределом как раз и выступает правомерное осуществление лицом своих прав, которое следует понимать как обстоятельство, исключаящее преступность деяния [9].

В практике конституционного правосудия рассматривались различные аспекты противодействия анализируемым преступлениям (например, особенности участия в религиозной организации, отделившейся от экстремистской²). Здесь ключевую роль играет сохранение (сходство) символики, целей и программы запрещенной структуры и производного от нее движения.

Хотя нельзя лишать полипатрида его гражданства [10], однако совершение преступлений, нацеленных на подрыв основ конституционного строя, может служить допустимым основанием для отмены решения о приобретении лицом гражданства³.

Вопрос о правомерности ограничения прав граждан нередко возникает в связи с привлечением к уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную тайну. Так, конституционность ст. 283 УК РФ

не была поставлена под сомнение ни в связи с наказанием сотрудника МВД России за передачу сведений из дела оперативного учета руководителю администрации главы субъекта Российской Федерации⁴, ни в контексте последствий разглашения секретных данных после инициирования прокурором проверки сотрудника ФСИН России в связи с его обращением о фактах коррупции⁵. Возможно и привлечение судьи к уголовной ответственности за включение в текст открытого судебного решения сведений, имеющих на момент рассмотрения дела гриф секретности⁶. Из сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций следует, в частности, что ни цели борьбы с коррупцией, ни последующее рассекречивание информации не оправдывают предшествующее ее разглашение, поскольку сотрудники правоохранительных органов не лишены возможности реализовать указанные цели с соблюдением действующего режима государственной тайны. Однако формальное нарушение такого режима еще не свидетельствует о криминальной степени общественной опасности, поскольку не исключается малозначительность анализируемого деяния.

В 2025 году были затронуты вопросы о соотношении гарантий осуществления полномочий депутата и публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации⁷, дискредитации их использования для защиты интересов нашей страны и российских

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 г. № 17-П. Здесь и далее законодательные и судебные акты приводятся по справочно-правовой системе «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2018 г. № 2019-О.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 183-О.

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2020 г. № 805-О.

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 г. № 1852-О.

⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2025 г. № 3195-О.

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2025 г. № 1260-О.

граждан¹. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по этому аспекту наказуемости действий депутатов предполагают, что такие гарантии не распространяются на случаи злоупотребления своим статусом (положением), когда вместо конструктивной критики (указания на наличие конкретных недостатков) или выражения собственного мнения человек сообщает под видом достоверных заведомо ложные факты и обстоятельства, особенно не имеющие отношения к деятельности конкретного выборного органа.

Недавно Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что деятельность государственных органов, органов местного самоуправления или политических деятелей носит публичный характер и может стать объектом общественной дискуссии и критики, что предполагает более высокий уровень допустимости сообщаемой информации².

Следует напомнить, что наряду с парламентским иммунитетом³ имеются и другие специальные предписания об исключении ответственности того или другого лица. В частности, ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Поскольку такая гарантия адресована государству, то федеральный законодатель установил в ст. 6 Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 года) «О порядке рассмотрения обращений

граждан Российской Федерации» запрет преследования гражданина за его обращение в любой орган, осуществляющий публично значимые функции.

Поэтому обращение в орган публичной власти, если оно обусловлено целью получения содействия в реализации прав и свобод гражданина, не может рассматриваться как неправомерное распространение или разглашение сведений⁴. Поскольку не исключено наличие в обращении признаков экстремистской информации, то указанная правовая позиция может быть применена и для квалификации преступлений против основ конституционного строя.

В статье 57 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 (ред. от 31 июля 2025 года) «О средствах массовой информации» закреплён «журналистский иммунитет», который тесно связан с провозглашённой в ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации свободой массовой информации⁵. Сведения, не подлежащие отнесению к государственной тайне, перечислены в ст. 7 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 (ред. от 8 августа 2024 года) «О государственной тайне», на основании которой не предполагается наказуемость разглашения таких данных, даже если в их отношении вынесено формальное (но по сути противоправное) решение о засекречивании.

Анализ приведенных законоположений и решений Конституционного Суда Российской Федерации позволяет утверждать, что наряду с процессуальным иммунитетом (невозможностью привлечения некоторых категорий должностных лиц к уголовной ответственности без согласия соответствующего органа) существует материально-правовой им-

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 г. № 2087-О.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2025 г. № 43-П.

³ Статья 18 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»; ч. 9 ст. 29 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 3272-О.

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2025 г. № 2603-О.

мунитет, который также должен быть признан элементом системы (института) обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Материально-правовой иммунитет характеризуют следующие признаки. Во-первых, он вытекает из конституционных гарантий (защищающих человека от произвола власти) и, как правило, зафиксирован в специальном регулятивном законе. Во-вторых, он не совпадает ни с осуществлением субъективного права (которое реализуется свободно — без установления нормативного порядка), ни с исполнением закона (которое возлагается в качестве обязанности на уполномоченных лиц). В-третьих, пределом иммунитета является его цель (обычно реализация конституционных гарантий), при отступлении от которой может обнаруживаться злоупотребление правами теми или иными субъектами (депутатами, журналистами или в целом гражданами). В-четвертых, уголовно наказуемое злоупотребление предполагает обнаружение признаков выхода за пределы, о чем, в частности, может свидетельствовать причинение вреда другим лицам или безопасности государства.

Таким образом, несмотря на то что основы конституционного строя имеют наибольшее конституционное значение, это не означает возможность применения произвольной или ничем не ограниченной уголовной ответственности за посягательство на них. Хотя системы национального законодательства существенно различаются по применяемым уголовно-правовым мерам, однако именно в этой сфере большинство современных конституций обнаруживают значительное сходство, закрепляя наиболее сильные гарантии прав граждан. Например, в Германии сегодня существует особая напряженность между соблюдением основных прав человека и уголовно-правовой охраной государственной безопасности [11, s. 6]. Конечно, только сильная публичная власть может гарантировать

права граждан, но эти права должны соблюдаться самой властью. Именно основы конституционного строя, с одной стороны, требуя своей уголовно-правовой охраны, служат, с другой стороны, ограничению усмотрения государства.

В частности, О.С. Гузеева указывает, что «цель конституционализации уголовного права состоит в достижении оптимального баланса ценностей свободы и безопасности в процессе противодействия преступности» [12, с. 10]. Однако такое балансирование (как метод конституционного правопонимания и правоприменения) осуществляется в конституционных рамках, ограничивающих законодательную и судебную дискрецию. Нельзя считать балансом умаление основных прав человека (которые в силу ч. 2 ст. 17 и ст. 18 Конституции Российской Федерации являются неотчуждаемыми и определяют смысл деятельности всех органов публичной власти).

Абсолютизация одной из этих конституционных ценностей (свободы или безопасности) с очевидностью означает отказ от другой, поэтому уголовно-политическое решение не может ориентироваться только на одну из них. Однако степень ограничения свободы в интересах безопасности определяется прежде всего усмотрением законодателя, хотя и может быть проверена с точки зрения соразмерности (пропорциональности).

В силу ч. 1 и ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации граждане обязаны соблюдать Конституцию и законы, которые сами не должны противоречить Конституции, но которые презюмируются как конституционные. Каждый человек вправе поставить перед Конституционным Судом Российской Федерации вопрос о конституционности нормы уголовного права, примененной в его деле (в деле с его участием). До разрешения этого вопроса действует презумпция конституционности уголовного закона. А потому и человек, находящийся

под юрисдикцией государства, обязан соблюдать уголовный закон, презумпция конституционности которого не опровергнута в установленном порядке, а иначе он может быть подвергнут

уголовной ответственности. Именно в таком понимании и построена сегодня система уголовно-правовых норм, охраняющих основы конституционного строя и безопасности государства.

Список источников

1. Козлов А.П. Понятие преступления. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 819 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. Юрид. центр).
2. Иеринг Р. Борьба за право / пер. С.И. Ершова. Москва : Изд. М.Н. Прокоповича, 1907. 96 с.
3. Коркунов Н.М. Тридцать пятая глава Проекта уголовного уложения. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1896. 39 с.
4. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России : учебник. Москва : Юрист, 1998. 520 с.
5. Невинский В.В. Основы конституционного строя. Обеспечение достоинства личности. Конституционные принципы публичной власти : избранные научные труды. Москва : Формула права, 2012. 752 с.
6. Кравец И.А. Конституционное право как метаотрасль: роль конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 3 – 8.
7. Нарутто С.В. Основы конституционного строя Российской Федерации и ее субъектов в решениях Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8. С. 947 – 957.
8. Палий В.В. Особенности объекта преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы : материалы секции уголовного права и криминологии V Междунар. науч.-практ. конф. «Кутафинские чтения» : сб. докладов / Московский гос. юрид. ин-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Москва : Проспект, 2014. С. 53 – 57.
9. Арзамасцев М.В. Уголовно-правовая оценка осуществления субъективного права и злоупотребления им // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 177 – 203. DOI 10.17323/2072-8166.2021.2.177.203.
10. Арзамасцев М.В. Допустимость лишения гражданства и экстрадиции полипатрида, совершившего преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 3. С. 14–27. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.302.
11. Wilfert M.V. Strafe und Strafgesetzgebung im demokratischen Verfassungsstaat: der Einfluss des grundgesetzlichen Demokratieprinzips auf Straftheorie und Strafgesetzgebung am Beispiel ausgewählter Staatsschutzdelikte. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. 280 s.
12. Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права : монография. Москва : Проспект, 2021. 448 с.

Информация об авторе

М.В. Арзамасцев – доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

M.V. Arzamastsev – Associate Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg State University, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 347.963

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРОКУРОРОМ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Светлана Владимировна БЕРДИНСКИХ

*Второй отдел (апелляционно-кассационный) (с дислокацией в г. Санкт-Петербурге)
апелляционно-кассационного управления Главного гражданско-судебного управления
Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
berdinskix@mail.ru*

Аннотация. Автором на основании судебной практики определен круг преступлений, влекущих причинение ущерба особо охраняемым природным территориям. Рассмотрены особенности квалификации, подлежащие установлению обстоятельства по уголовным делам, выявлено единство фактических обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Исследованы особенности подготовки процессуальных документов. С учетом единства фактических обстоятельств предложены единые подходы к организации и осуществлению защиты прокурором публичных интересов в сфере особо охраняемых природных территорий.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, режим, публичные интересы, ущерб, должностное преступление, прокурорская деятельность, полномочия

Для цитирования: Бердинских С.В. Особенности уголовно-правовой защиты прокурором публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 18 – 25.

Original article

SPECIFIC FEATURES OF CRIMINAL-LAW PROTECTION OF PUBLIC INTERESTS BY THE PROSECUTOR IN THE SPHERE OF USE AND CONSERVATION OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS

Svetlana V. BERDINSKIKH

Second Department (Appeal and Cassation) (based in St. Petersburg) of the Appeals and Cassation Directorate of the Main Civil and Judicial Directorate of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, berdinskix@mail.ru

Abstract. Based on judicial practice, the author identifies the range of crimes causing damage to specially protected natural areas. The article examines specific features of legal qualification, circumstances subject to be established in criminal cases, and reveals the unity of factual circumstances constituting the subject matter of proof. It further analyses specificities of drafting procedural documents. Taking into account the unity of factual circumstances, unified approaches are proposed for organizing and implementing the prosecutor's protection of public interests in the sphere of specially protected natural areas.

Keywords: specially protected natural areas, protection regime, public interests, damage, official crime, prosecutorial activity, powers

For citation: Berdinskikh S.V. Specific features of criminal-law protection of public interests by the prosecutor in the sphere of use and conservation of specially protected natural areas. Criminalist. 2026;2(55):18-25. (In Russ.).

© Бердинских С.В., 2026

Развитие системы особо охраняемых природных территорий (далее также — ООПТ) в строгом соответствии с их целевым предназначением является одним из механизмов сохранения природной среды, в том числе естественных экологических систем, объектов животного и растительного мира и, соответственно, обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации¹.

В настоящее время в Российской Федерации существует 11 845 ООПТ общей площадью 244,6 млн га (почти 14 % площади государства), из них 297 — федерального значения, 10 557 — регионального, 991 — местного². При реализации национального проекта «Экология»³ за шесть лет создано 25 новых ООПТ; площадь федеральных ООПТ увеличилась почти на 5,6 млн га⁴.

Результаты анализа официальной статистической отчетности ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2017 — 2024 годы свидетельствуют о снижении зарегистрированной экологической преступности в целом⁵. За 2024 год зарегистрировано 13,6 тыс. экологических

преступлений, что на 16,1 % меньше, чем в 2023 году (в 2023 году — 16,2 тыс., в 2022 году — 19,1 тыс., в 2021 году — 20,3 тыс., в 2020 году — 22,7 тыс., в 2019 году — 22,2 тыс., в 2018 году — 23,9 тыс., в 2017 году — 24,4 тыс. экологических преступлений)⁶.

Снижение статистических показателей не свидетельствует о достижении высокого уровня законности в сфере ООПТ, так как экологическая преступность характеризуется высокими показателями латентности [1]. Специфика преступлений в этой сфере такова, что даже единичный факт является грубым вмешательством в экосистему и может повлечь утрату, порой невозможную, уникальных природных объектов, их комплексов и иных входящих в экосистему объектов.

В связи с этим сохраняют актуальность исследования, посвященные различным аспектам противодействия преступным проявлениям в сфере ООПТ.

Авторами рассматриваются особенности привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере ООПТ по ст. 262 «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) в рамках работ об экологических преступлениях. Реализация прокурором полномочий в уголовном судопроизводстве исследуется исходя из видового объекта преступлений, в частности применительно к экологическим преступлениям.

Вместе с тем судебно-прокурорская практика свидетельствует, что ущерб ООПТ может быть причинен не только преступлениями, предусмотренными

¹ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г. // Президент России : офиц. сайт. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/15177> (дата обращения: 25.11.2015).

² Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 25.11.2025).

³ Паспорт национального проекта «Экология» : утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.mnr.gov.ru/> (дата обращения: 25.11.2025).

⁴ Национальные проекты России : сайт. URL: <https://национальные.проекты.рф/> (дата обращения: 25.11.2025).

⁵ Сведений о видовом спектре экологических преступлений в официальной статистической отчетности не содержится.

⁶ Информация о состоянии преступности в России за 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг. / подготовлена ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 25.11.2025).

ст. 262 УК РФ¹, но и должностными преступлениями. Причинение ООПТ ущерба и его размер являются обязательными признаками составов преступлений, совершенных при использовании и охране ООПТ, с учетом обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; далее — УПК РФ).

Подход к исследованию преступных проявлений при использовании и охране ООПТ в аспекте деяний, влекущих причинение ущерба ООПТ, ранее не применялся. Такой подход представляется важным использовать в связи со следующим.

Знание того, какие преступления влекут причинение ущерба ООПТ, специфики квалификации и предмета доказывания необходимо для эффективных организации и осуществления защиты публичных интересов в сфере ООПТ от преступных посягательств (для планирования и проведения «общенадзорных» проверок, в частности проверки законности распорядительных решений при использовании и охране ООПТ на поднадзорной территории, их уголовно-правовой оценки, подготовки обоснованных мер прокурорского реагирования, при осуществлении прокурорского надзора на досудебных стадиях, при участии прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства по делам данной категории). Специфика составов этих преступлений предопределяет особенности защиты ООПТ.

Публичные интересы в сфере ООПТ — это признанные государством и урегулированные правом интересы, направленные на обеспечение экологической безопасности и сохранение благоприятной окружающей среды. Содержание публичных интересов в сфере ООПТ, защищаемых в уголовном судопроизводстве, учитывая положения ст. 6 УПК РФ и теоретические подходы

¹ Иные экологические преступления в статье не рассматриваются, поскольку к сфере использования и охраны ООПТ не относятся.

[2, с. 12; 3], составляют, на наш взгляд, обеспечение экологической безопасности и защита права лиц и общества на благоприятную окружающую среду, привлечение виновных лиц к уголовной ответственности, восстановление нарушенного преступлением права на благоприятную окружающую среду, возмещение причиненного ущерба, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

При применении ст. 262 УК РФ требуется учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, приведенные в постановлении от 18 октября 2012 года № 21 (ред. от 15 декабря 2022 года) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»².

Нарушение режима ООПТ может выражаться в незаконных, вопреки установленному режиму охраны, строительстве, движении транспортных средств, уничтожении, повреждении природных объектов (их комплексов), использовании природных ресурсов.

При доказывании требуется установить факт распространения режима охраны на место совершения деяния (нормативно-правовой акт, определяющий статус и утверждающий границы и режим ООПТ, расположение земельного участка в границах ООПТ), какие конкретно требования режима ООПТ нарушены и в чем действия выразились. Режим ООПТ устанавливается нормативными правовыми актами уполномоченных органов в отношении каждой ООПТ [4, с. 28 — 30].

² О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 : текст изм. и доп. на 15 дек. 2022 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8308/> (дата обращения: 10.03.2026).

Названные обстоятельства должны быть отражены в мотивированном постановлении прокурора о направлении материалов в порядке подп. 2 п. 2. ст. 37 УПК РФ. Эти же юридически значимые обстоятельства должен указывать дознаватель — в обвинительном акте¹, суд — в приговоре².

Значительность причиненного ущерба является обязательным признаком состава рассматриваемого преступления³. Понятие значительного ущерба в законе не определено, это оценочная категория, устанавливаемая с учетом конкретных обстоятельств, категории ООПТ, ее экологической и экономической значимости, возможности дальнейшего использования территории, например как курорта. Отсутствие законодательной четкости в этом вопросе снижает уровень защиты ООПТ.

Требуется установить причинно-следственную связь между нарушением режима ООПТ и последствием в виде причинения значительного ущерба.

Субъектом преступления является физическое лицо, достигшее шестнадцати лет.

¹ Неуказание данных обстоятельств в обвинительном акте является основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. См., напр.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 3 декабря 2014 г. по уголовному делу № 10-16591/14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 : текст изм. и доп. на 15 дек. 2022 г. // Вушховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8308/> (дата обращения: 10.03.2026).

³ Отсутствие обязательного признака является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления. См., напр.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 5 декабря 2013 г. по уголовному делу № 10-11132. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Преступление может быть совершено умышленно и по неосторожности.

Предварительное расследование осуществляется в форме дознания (ст. 150 УПК РФ).

Ущерб ООПТ может быть причинен вследствие злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ)⁴, превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ)⁵, халатности (ст. 293 УК РФ)⁶.

Преступные деяния выражаются в принятии незаконных и повлекших причинение ущерба ООПТ решений, например о сплошной рубке лесных насаждений в границах ООПТ⁷, согласовании в границах ООПТ строительства, проведения иной деятельности, непосредственно связанной со строительством, вопреки режиму ООПТ⁸, не-

⁴ Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11 июля 2023 г. № 77-1195/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 мая 2022 г. № 77-2190/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21 февраля 2023 г. № 77-361/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2023 № 77-361/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Главный государственный инспектор Агентства по охране, воспроизводству и использованию объектов животного мира и лесов Калининградской области осуждена по ч. 1 ст. 293 УК РФ за необоснованное подписание акта о сплошной санитарной рубке леса, преимущественно породы дуб, в выделах лесничества на ООПТ природный парк «Выштынецкий», необходимость сплошной рубки не подтверждена, оздоровление леса могло проводиться и с помощью выборочных рубок.

⁸ Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11 июля 2023 г. № 77-1195/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Главный государственный инспектор осужден по ч. 3 ст. 285 УК РФ за то, что он вопреки интересам службы, из иной личной заинтересованности, в отсутствие положительного заключения государственной экологической экспертизы, согласовал в границах заказника

исполнении должностных полномочий, допущении и непересечении фактов совершения грубых нарушений режима ООПТ¹.

По данным категориям дел требуется руководствоваться постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 (ред. от 11 июня 2020 года) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»².

строительство помещения и иной деятельности, непосредственно связанной с указанным строительством. Впоследствии, зная о проводимых работах с использованием материалов, объективно нарушающих режим ООПТ, желая скрыть факты нарушения режима ООПТ, мер по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений в границах заказника не предпринимал. Объектам животного мира, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и Красную книгу Еврейской автономной области, иным объектам животного мира и среде их обитания, дендрофлоре и почвенному покрову заказника причинен вред, ущерб составил более 8 млн рублей (рассчитан исходя из необходимости устранить последствия нарушения режима ООПТ).

¹ Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 9 апреля 2024 г. по делу № 77-663/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Эксперт осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ за то, что из корыстной и иной личной заинтересованности, используя свое должностное положение, вопреки интересам службы, находясь на территории Красноборского района Архангельской области и Шиловского государственного природного биологического заказника регионального значения, достоверно зная о совершаемых другими лицами на территории ООПТ грубых нарушениях режима ООПТ, включая незаконную охоту на лосей, такие факты не пресекал, лиц не задержал, в правоохранительные органы не доставил, материалы о нарушениях ими законодательства не составил и для решения вопроса о привлечении этих лиц к установленной ответственности в правоохранительные и иные компетентные органы не направил, мер к привлечению их к ответственности не принял.

² О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 : текст с изм. и доп. на 11 июня 2020 г. // Верхов-

При решении вопроса о наличии (отсутствии) состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, необходимо установить круг и характер служебных прав и обязанностей должностного лица, закрепленных в законодательных и иных нормативных правовых актах, уставах, положениях, инструкциях. В уголовно-процессуальных документах должны содержаться ссылки на правовые акты, в силу которых должностное лицо наделено полномочиями, злоупотребление которыми вопреки интересам службы ставится ему в вину (4, с. 540 – 542).

В отношении превышения должностных полномочий нужно выяснить, каким законом либо иным нормативным правовым актом регламентированы полномочия должностного лица и в чем конкретно выразилось их противоправное превышение. Отсутствие такого обоснования исключает ответственность по ст. 286 УК РФ [4, с. 546 – 549].

Уголовно наказуемая халатность предполагает, что исполнение обязанностей входило в круг полномочий должностного лица, закрепленных в конкретном законе либо ином нормативном правовом акте, а также в должностной инструкции, приказе, распоряжении. Требуется установить причинно-следственную связь между противоправными действиями (бездействием) должностного лица и наступившими последствиями (причинением крупного ущерба) [5, с. 564 – 566].

Существенность нарушения прав и законных интересов граждан либо охраняемых законом интересов общества или государства, тяжкие последствия (по ст. 285, 286 УК РФ), крупный ущерб (по ст. 293 УК РФ) предопределяются размером ущерба ООПТ.

В нормах о должностных преступлениях, как и в ст. 262 УК РФ, конкретный размер ущерба не указан, он опреде-

ный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8117> (дата обращения: 10.03.2026).

ляется исходя из конкретных обстоятельств дела.

Если действие (бездействие) повлекло нарушение режима ООПТ, необходимо в том числе установить фактические обстоятельства нарушения режима ООПТ и отразить их в уголовно-процессуальных документах.

Субъектами преступлений являются должностные лица.

Злоупотребление должностными полномочиями совершается путем действия (бездействия), превышение — действия, умышленно, халатность — действия (бездействия), по неосторожности.

Предварительное расследование осуществляется в форме следствия (ст. 150 УПК РФ).

Совершение одного и того же действия, например принятие решения о сплошной рубке лесных насаждений в границах ООПТ вопреки установленному режиму ООПТ, в зависимости от обстоятельств дела может быть квалифицировано как злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий либо как халатность.

К единым фактическим обстоятельствам, подлежащим доказыванию по данным уголовным делам, относятся: 1) наличие нормативно-правового акта, определяющего статус и утверждающего границы и режим охраны ООПТ; 2) факт запрета совершения деяния нормативным правовым актом; 3) факт совершения деяния в границах ООПТ, конкретные требования режима ООПТ, которые нарушены, в чем действия (нарушение) выразились; 4) субъект, допустивший нарушение; 5) факт причинения ущерба и его размер.

Едиными подходами к организации и осуществлению деятельности по защите публичных интересов в сфере ООПТ от преступных посягательств являются следующие.

С целью своевременной и полной фиксации факта нарушения при использовании и охране ООПТ при обна-

ружении нарушения следует составлять акт прокурорской проверки, в котором фиксировать фактические обстоятельства правонарушения. Документ уполномоченного органа, содержащий сведения о причинении ущерба и его размере (информация, справка), возможно приобщать к акту проверки как письменное доказательство.

Важным является привлечение специалиста для установления факта совершения деяния в границах ООПТ и для расчета размера ущерба.

Прокурору надлежит убедиться, что расчет размера вреда произведен в соответствии с подлежащими применению таксами и методиками. Нарушение норм материального права при расчете размера ущерба повлечет отмену судебного акта.

В связи с тем, что одним из признаков составов преступлений является причинение ущерба ООПТ, в качестве единого подхода при организации и осуществлении защиты публичных интересов в сфере ООПТ следует рассматривать принятие прокурором мер, направленных на возмещение ущерба.

УПК РФ предоставляет прокурору комплекс таких полномочий на каждой стадии процесса [6, с. 17–23].

Прокурором по уголовному делу предъявляется иск о возмещении причиненного ООПТ ущерба в порядке ч. 3 ст. 44 УПК РФ. При его подготовке требуется учитывать постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»¹.

В случае оставления иска без рассмотрения в уголовном судопроизводстве прокурору необходимо добиваться вынесения законного и обоснованного су-

¹ О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documrnts/29308> (дата обращения: 10.03.2026).

дебного постановления в гражданском судопроизводстве.

Установление размера ущерба, имущества, на которое возможно наложить взыскание, инициирование принятия обеспечительных мер, прокурорский надзор за исполнением судебных актов необходимы для обеспечения фактического исполнения решения о возмещении причиненного ООПТ ущерба.

Особенности исковой работы прокурора по возмещению вреда, причиненного природным объектам и комплексам в границах ООПТ, в порядке гражданского судопроизводства ранее освещены автором настоящей статьи в иной публикации [7].

Пример привлечения виновного лица к уголовной и гражданско-правовой ответственности за причинение ущерба особо охраняемой природной территории: Восьмым кассационным судом общей юрисдикции¹ оставлены без изменения судебные акты, которыми бывший руководитель Республиканского агентства лесного хозяйства

признан виновным по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Должностное лицо, зная о запрете сплошных рубок лесных насаждений и добычи полезных ископаемых, превысив свои должностные полномочия, утвердил заключение государственной экспертизы проекта освоения лесов на лесном участке в центральной экологической зоне Байкальской природоохранной территории, а также в водоохранной зоне озера Байкал. Участок передан в аренду юридическому лицу для разработки месторождений полезных ископаемых. Незаконные действия повлекли существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства, поскольку причинили вред лесному участку и привели к невосполнимому вреду уникальной экосистеме озера Байкал.

Причиненный озеру Байкал ущерб на сумму более 28 млн рублей вступившим в законную силу решением суда взыскан с осужденного по иску заместителя прокурора Республики Бурятия в интересах Российской Федерации².

Список источников

1. Антонян Е.А., Афанасьева О.Р. Экологическая преступность: основные тенденции развития и предупреждения // *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 80–89. URL: <https://pravojournal.ru/> (дата обращения: 05.05.2025).
2. Багаутдинов Ф.Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Багаутдинов Флер Нуретдинович. Москва, 2004. 56 с.
3. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина [и др.] ; отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. 448 с.
4. Бердинских С.В. Применение достижений криминалистики при фиксации доказательственной информации о нарушениях режима особо охраняемых природных территорий // *Законность*. 2020. № 11. С. 28–30.

¹ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 мая 2022 г. № 77-2190/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 марта 2023 г. № 88-2128/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В.П. Верин, О.К. Зате-лепин, С.М. Зубарев [и др.] ; отв. ред. В.И. Радченко ; науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. Изд. 2-е. Москва : Проспект, 2008. 699 с.

6. Бердинских С.В. Полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве по возме-щению вреда, причиненного преступлением // КриминалистЪ. 2023. № 2 (43). С. 17 – 23.

7. Бердинских С.В. Особенности исковой работы прокурора по возмещению вреда, при-чиненного природным объектам и комплексам в границах особо охраняемых природных территорий // Законность. 2022. № 8. С. 11 – 14.

Информация об авторе

С.В. Бердинских – прокурор Второго отдела (апелляционно-кассационного) (с дислокацией в г. Санкт-Петербурге) апелляционно-кассационного управления Главного гражданско-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

S.V. Berdinskikh – Prosecutor of the Second Department (Appeal and Cassation) (based in St. Petersburg), Appeals and Cassation Directorate of the Main Civil and Judicial Directorate of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ И ПОНЯТИЕ

Владимир Николаевич БУРЛАКОВ

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
parus348@mail.ru*

Аннотация. В связи с отсутствием в уголовном праве легального понятия общественной опасности наблюдается разная трактовка этого явления на практике и в доктрине, что порождает ряд проблем. В частности, встречается необоснованная законодательная криминализация деяний; формируется так называемая правоприменительная криминализация в деятельности органов правосудия; возникает неоднозначная практика применения некоторых институтов уголовного права, например малозначительности деяния, вины; допускаются ошибки в приговорах при назначении наказания и др. Для того чтобы устранить эти проблемы, предлагается уточнить в законе легальное понятие общественной опасности и ее объективный (деяние) и субъективный (личность виновного) аспекты. Обоснована позиция о замене в Уголовном кодексе Российской Федерации института малозначительности деяния на институт состава с административной преюдицией (ст. 14 УК РФ). Сформулированы предложения, уточняющие содержание целей наказания с позиции субъективного аспекта общественной опасности (ст. 43 УК РФ), а также предложена совокупность признаков (показателей) личности виновного как одного из критериев, предусмотренных в общих началах назначения наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Ключевые слова: субстанциональная сущность общественной опасности, криминологическая теория общественной опасности, объективное и субъективное содержание общественной опасности

Для цитирования: Бурлаков В.Н. Общественная опасность как явление и понятие // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 26 – 35.

Original article

PUBLIC DANGER AS A PHENOMENON AND CONCEPT

Vladimir N. BURLAKOV

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, parus348@mail.ru

Abstract. The absence of a statutory definition of «public danger» in criminal law has led to divergent interpretations of this phenomenon in judicial practice and legal doctrine, resulting in a number of systemic problems. Specifically, these problems include unjustified legislative criminalization of certain acts, the development of so-called law-enforcement criminalization in the activities of judicial authorities, inconsistent application of certain criminal law institutions, such as the insignificant act and guilt, and errors in sentencing. To address these issues, the author proposes legislative clarification of the legal definition of public danger, which should encompass both its objective element (the act itself) and subjective element (the personality of the offender). The article provides justification for replacing the current institution of the insignificant act under Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation with an alternative model based on

© Бурлаков В.Н., 2026

administrative prejudice. Additionally, the author formulates recommendations for refining the purposes of punishment in light of the subjective aspect of public danger (Article 43), and suggests a set of indicators characterizing the offender's personality as one of the criteria to be considered under the General Principles of Sentencing (Part 3, Article 60 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: substantive essence of public danger; criminological theory of public danger; objective and subjective content of public danger

For citation: Burlakov V.N. Public danger as a phenomenon and concept. Criminalist. 2026;2(55):26-35. (In Russ.).

Состоявшийся в мае 2024 года XIV Российский конгресс уголовного права был посвящен теме общественной опасности, что свидетельствует о неизменной актуальности этой темы для науки и практики¹. До настоящего времени в доктрине нет согласия относительно многих аспектов общественной опасности, в том числе ее сущности, содержания, легального понятия, а также значения для законодательства и правоприменительной деятельности. Категория общественной опасности значима для уголовного законодательства в целом, поскольку затрагивает институты Общей части уголовного права, а также влияет на содержание статей Особенной части, предусматривающих конкретные составы преступлений.

Признак общественной опасности указан в понятии преступления, изложенном в ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также — УК РФ), где сказано, что преступление — это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания. Из всех признаков преступления, названных в законе, признак общественной опасности не раскрывается, хотя является сущностным (субстанциональным) признаком, отграничивающим преступление от иных правонарушений.

¹ Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2024 г. / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2024. 557, [1] с.

Никакое иное правонарушение им не обладает и обладать не может. Как подчеркивал проф. В.С. Прохоров, именно благодаря общественной опасности преступление, подобно раковой клетке, проникает в общественные отношения, изнутри разрушает их [1, с. 36].

Отсутствие легального определения общественной опасности порождает разнообразные проблемы и их последствия.

Одной из них является проблема так называемой двойной ответственности за одно правонарушение. О ней в теории уголовного права издавна ведется дискуссия. В 2025 году она стала предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации. Поводом послужило обращение Ивановского районного суда в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности некоторых статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации. Проблема возникла в связи с рассмотрением дорожно-транспортного происшествия вследствие столкновения автобуса с двумя легковыми автомобилями, в результате которого погиб один из водителей, а другому был причинен легкий вред здоровью. Сначала виновника аварии привлекли к административной ответственности, а затем встал вопрос о возбуждении уголовного дела. Ивановский суд усомнился, не приведет ли это к двойной ответственности. Конституционный Суд пришел к выводу, что «когда одно и то же нарушение указан-

ных правил обусловлено совершением одних и тех же действий (бездействия), это может, с учетом степени тяжести наступивших последствий и их масштаба, повлечь привлечение виновного одновременно и к административной, и к уголовной ответственности». По сути, Конституционный Суд разрешил привлекать виновников дорожно-транспортного происшествия и к административной, и к уголовной ответственности за одно нарушение правил дорожного движения, если оно привело к разным последствиям для потерпевших¹.

Полагаем, что с этой позицией Конституционного Суда Российской Федерации можно согласиться, если дополнить ее следующим условием: кроме случая, когда разные последствия дорожно-транспортного происшествия охватываются одним составом транспортного преступления, например тяжкий вред здоровью и смерть потерпевшего, как в ст. 264 УК РФ. Но если вследствие дорожно-транспортного происшествия были причинены разные по тяжести последствия, как в случае в Ивановской области (смерть и легкий вред здоровью), и последнее последствие отсутствует в ст. 264 УК РФ, то такая позиция возможна. В доктрине, правда, предлагается применять вместо двойной ответственности правило поглощения менее тяжкого последствия более тяжким последствием, если они предусмотрены в одной юрисдикции, чтобы избежать двойной ответственности и не нарушать принцип *non bis in idem*, т. е. ответвен-

ности без правонарушения, что недопустимо в правовом государстве.

В правоприменительной практике возникает разноречивость при установлении малозначительности деяния. В части 2 ст. 14 УК РФ содержится это понятие, а именно сказано, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Можно ли признать безукоризненной эту формулировку закона? Поставим вопрос так: может ли преступление формально быть общественно опасным? Вспомним известную шутку про женщину, которая чуть-чуть беременна. Для юриста, как и врача, такой вывод является неприемлемым. Сегодня в судебной практике крайне редко отказываются от уголовной ответственности по признаку малозначительности деяния. Это отмечает проф. М.Г. Жилкин, сравнивая количество прекращенных уголовных дел о мелких хищениях (ст. 158.1 УК РФ) с количеством прекращенных в судах дел о кражах, мошенничестве, присвоениях, растратах и даже грабежах [2, с. 32]. Хотя применение института малозначительности деяния не ограничено в законе ни категорией, ни характером совершенного преступления. В части 2 ст. 14 УК РФ даже не сказано об отсутствии последствий. Поэтому ответ на поставленный нами вопрос будет отрицательным.

Далее, разноречивость в понимании общественной опасности и малозначительности деяния на практике способствовал возникновению, по образному выражению проф. В.В. Лунеева, так называемой правоприменительной криминализации [3, с. 339]. В одном из своих постановлений Пленум Верховного Суда Российской Федерации, хотя и не называя такое понятие, фактически его признал. Речь идет о разъяснении по делам о хи-

¹ По делу о проверке конституционности части 1 статьи 12.24, пункта 7 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и части третьей статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского районного суда Ивановской области : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. № 38-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.02.2026).

щении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, в котором Верховный Суд посчитал, что если действия лица, связанные с нарушением правил хранения или ношения оружия, их продажи, несвоевременной регистрацией, содержат признаки и уголовно наказуемого, и административно наказуемого деяния, их нужно квалифицировать как административное правонарушение¹. Эту позицию нельзя признать бесспорной. В отличие от «двойной ответственности» за одно правонарушение здесь идет речь о выборочной ответственности, т. е., по сути, декриминализации деяния.

Отсутствие однозначной трактовки общественной опасности преступления может повлечь (и влечет) увеличение числа уголовно-правовых запретов, т. е. избыточную криминализацию. И часто «раздувание» Уголовного кодекса Российской Федерации может не коррелировать не только с реальной общественной опасностью криминализируемых деяний, но и с уровнем и динамикой преступности.

Для примера сравним два кодекса: УК РСФСР 1960 года и УК РФ 1996 года, и увидим, что в настоящий момент объем действующего Кодекса в полтора раза превышает объем предыдущего. Как оценить этот факт? Сравним число статей в Уголовных кодексах с числом выявленных преступлений. В УК РФ 1996 года предусмотрена 361 статья (фактически больше с учетом нумерации статей с добавлением индекса 1...6), а в УК РСФСР 1961 года их было 269. В 1995

году, т. е. в последний год действия УК РСФСР, число выявляемых преступлений составляло 2 088 487, тогда как в 2024 году их было всего 1 911 300, т. е. стало меньше. Если следовать формальной логике, то можно предположить, что чем больше статей в Уголовном кодексе, тем больше должно быть и выявленных преступлений. В нашем случае имеет место иная картина. И аргумент о том, что нормы уголовного права могут реализовываться и без привлечения к уголовной ответственности, путем общей профилактики, здесь не срабатывает. Поэтому возникает парадокс, который нуждается в объяснении, так как появляется резонный вопрос: зачем искусственно расширять Уголовный кодекс Российской Федерации, если уровень выявляемой преступности не коррелирует с числом уголовно-правовых запретов?

Появился в последнее время даже специальный термин «новая» криминализация, о которой пишут многие ученые [4, с. 256]. В доктрине критически оценивают «новую» криминализацию, которая затронула многие главы УК РФ. Критика уместна еще и потому, что нередко сначала деяние криминализируется, а спустя короткое время декриминализируется (например, так случилось с оскорблением, лжепредпринимательством, контрабандой алкогольной и табачной продукции и не только). Сегодня, например, предлагается частичная декриминализация некоторых преступлений сексуального характера, в частности проституции и порнографии несовершеннолетних лиц [5, с. 190]. Эти и другие примеры поспешной криминализации свидетельствуют о неточной оценке в законе общественной опасности этих деяний.

Неоднозначное понимание общественной опасности преступления создает неопределенность в толковании некоторых институтов уголовного права, например вины. В статье 25 УК РФ

¹ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 : текст с изм. и доп. на 11 июня 2019 г. П. 8 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/7959/> (дата обращения: 10.02.2026).

сказано, что умышленным признается преступление, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), а в ст. 26 УК РФ говорится, что неосторожным признается преступление, если лицо предвидело наступление общественно опасных последствий своих действий, но самонадеянно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, но должно было и могло их предвидеть. Отсутствие указания на осознание общественной опасности в понятии неосторожного преступления может наводить на мысль, что деяние в неосторожном преступлении не обладает общественной опасностью и приобретает это качество только вследствие наступления общественно опасных последствий. Как известно, преступления без последствий не бывает, так как объекту уголовно-правовой охраны всегда причиняется вред. Так, причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) является преступлением не только потому, что последствие — причинение смерти, но также потому, что последствие наступает благодаря совершению действия (или бездействия), которое само по себе общественно опасно, а не является общественно полезным или нейтральным. Просто это действие обладает меньшей степенью общественной опасности по сравнению с деянием в ст. 105 УК РФ, предусматривающей ответственность за убийство. Или, например, в диспозиции ст. 264 УК РФ, описывающей неосторожное преступление, сказано, что последствия наступают вследствие неосторожной вины, но в отношении самого нарушения правил движения или эксплуатации транспортных средств вина не конкретизирована. Можно ли считать, что само нарушение правил не является общественно опасным? Нет, нельзя! И такое нарушение может быть как сознательным (умышленным) так и небрежным, но от этого

не становится нейтральным. Итак, неопределенность понимания общественной опасности преступления может приводить к парадоксальной мысли, что общественной опасностью обладает не только преступление, но и его состав, что, по сути, их отождествляет, а это уже нонсенс.

Пробел в законе относительно понятия общественной опасности и, как следствие, неоднозначная трактовка общественной опасности на практике порождают проблему оценки эффективности отдельных институтов уголовного права. Так, в УК РСФСР было предусмотрено два института — наряду с малозначительностью деяния был институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности. Сегодня в судебной практике крайне редко принимают решение об отказе от уголовной ответственности по признаку малозначительности деяния. Второй институт, т. е. освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности, в УК РФ не вошел. Хотя, по нашему мнению, он сегодня положен в основу законодательной конструкции состава преступления с административной преюдицией, и эти составы в УК РФ постепенно стали занимать значительное место [6, с. 160]. Например, их можно встретить в главах 16, 27, 29 (в главе 29 особенно часто), 30, 32 УК РФ. Полагая, что эта модель состава не допускает двойственности в толковании сущности общественной опасности, не порождает многие из перечисленных проблем, особенно «правоприменительной» криминализации, поэтому может стать альтернативой институту малозначительности деяния, который было бы целесообразно исключить из УК РФ.

Одной из причин неадекватного понимания общественной опасности мы считаем отсутствие приемлемой теории,

которая могла бы дать ключ к пониманию сущности этого явления, способствовала бы однозначному пониманию общественной опасности и развенчанию бытующего мнения среди практиков, да и ученых, что общественной опасностью обладают не только преступления, но и административные правонарушения. Представляется, что ею может быть теория социальной дезорганизации (Эмиль Дюркгейм). В ней сущность общественно опасного, или отклоняющегося, поведения, в том числе преступности, раскрывается в нормативном и криминологическом содержании. Нормативное содержание общественной опасности выражается в причинении вреда объекту посягательства как совокупности отношений, охраняемых уголовным законом. Криминологическое содержание общественной опасности констатирует появление факторов (причин), которые порождают аномию, влекущую разрушение или дестабилизацию общественных отношений, т. е. нормального функционирования социума. Одним из постулатов этой теории является утверждение, что в обществе, в котором существует социальная сплоченность и человеческая солидарность, преступность находится на низком уровне. Если же под воздействием негативных факторов бесконтрольного социального прогресса и чрезмерной меркантильности человека начинают ослабевать фундаментальные нравственные чувства, на которых основаны социальные нормы, объединяющие общество, то эти чувства перестают сдерживать человеческие страсти и воцаряются беспорядок и социальный хаос. Это состояние в теории и было названо аномией [7, с. 21]. Поскольку в этой теории преступность рассматривается как явление общественно опасное, постольку она может быть теоретической основой для понимания сущности общественной опасности в уголовном праве.

В контексте этой теории также можно обосновать криминологическое и правовое противодействие посягательствам, направленным против традиционных духовно-нравственных ценностей, которое сегодня актуализировалось¹. Эти посягательства способствуют усилению состояния аномии в обществе и приводят к увеличению общественной опасности преступности в целом. Рекомендации относительного такого противодействия могут включать комплекс мер психологического и педагогического характера [8, с. 154], не исключением являются и уголовно-правовые меры [9].

С учетом вышеизложенного предлагается следующее понятие общественной опасности: это такое массовое совершение деяний, которое состоит в нарушении стабильности общественных отношений вследствие негативного воздействия на социум и требует для восстановления стабильности введения уголовно-правовых запретов. Такое понятие может стать основой для легальной дефиниции общественной опасности, которую можно включить в УК РФ.

Известно, что неточности, допущенные в понятийном аппарате уголовного права, нежелательны [10, с. 192], потому что они приводят к неопределенности соотношения общественной опасности и целей наказания. Выше было отмечено, что общественная опасность имеет объективное (деяние) и субъективное (личность виновного) содержание. О двух аспектах общественной опасности в доктрине известно давно [11, с. 54]. Классикой уголовно-правовой науки остается аксиома, что преступление не только деяние, но и деятель, ответственность

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873> (дата обращения: 10.02.2026).

возлагается хотя и за преступление, но применяется к лицу, его совершившему. Проф. Н.С. Таганцев писал, что применение наказания всегда представляло деятельность по поводу совершившегося и ввиду будущего, оно всегда было двуликим Янусом. Поскольку наказание относится к прошлому, оно представляется отплатой, лишением, актом более рефлексивным, чем целесообразным. Поскольку наказание относится к будущему, оно является средством для достижения известных целей, рассматривается как осуществление права государства, которым последнее должно пользоваться на разумных основаниях [12, с. 324]. И тогда возникает необходимость в иной трактовке целей наказания в контексте субъективного содержания общественной опасности.

Если проанализировать цели, указанные в ст. 43 УК РФ, то мы увидим, что две из них — исправление осужденного и предупреждение нового преступления, относятся к субъективному содержанию общественной опасности, поэтому нуждаются в уточнении. Цель исправления состоит в способности наказания уменьшать или элиминировать общественную опасность виновного, а цель предупреждения — в способности угрозой наказания удерживать «неустойчивых» граждан от совершения преступления (общая превенция) или содействовать разрушению сформировавшейся установки у осужденного на совершение нового преступления (специальная превенция).

Третья цель — восстановление социальной справедливости, тяготеет к объективному содержанию общественной опасности. Мы полагаем, что правы те ученые, которые эту цель понимают, исходя из того, что преступлением нарушается существующий в обществе и поддерживаемый государством баланс правоохраняемых благ [13, с. 990], т. е. трактуют ее «как разумный баланс интересов потерпевшего и преступника,

общества и государства, которые находятся в определенном противоречии» [14, с. 368]. Поэтому цель восстановления социальной справедливости можно рассматривать с позиции объективного содержания общественной опасности, т. е. как способность наказания восстанавливать и поддерживать устойчивый баланс интересов между потерпевшим и преступником, обществом и государством, баланс в пользу устойчивого развития общества.

Проблемным остается способ оценки общественной опасности (конечно, если ее не отождествлять с категорией преступления). Речь должна идти о показателях, основаниях, критериях криминализации, которые давно успешно разрабатываются в доктрине [15, с. 250], поэтому на них останавливаться не будем. Мы же обратимся к оценке показателей субъективного содержания общественной опасности, важных для судебной практики назначения наказания. То есть попытаемся уточнить перечень показателей личности виновного, отражающих субъективное содержание общественной опасности.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам назначения уголовного наказания некоторые показатели перечислены¹. Однако нельзя признать этот перечень исчерпывающим. Также неясен алгоритм конвертации их в общую оценку личности виновного как одного из критериев, предусмотренных в ч. 3 ст. 60 УК РФ.

Итак, к показателям субъективного содержания общественной опасности предлагается отнести группу признаков, характеризующих личность виновного.

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 : текст с изм. и доп. на 23 дек. 2025 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 10.02.2026).

Во-первых, это криминологические показатели:

1) криминальная активность — на основе информации о совершении в прошлом антиобщественных действий, за которые лицо подвергалось мерам административного или общественного воздействия, и преступлений, их количестве (однократное, повторное, систематическое);¹

2) степень вины — в зависимости от времени формирования преступных намерений и объема их реализации;

3) мотив преступления — в зависимости от степени его антисоциальности. Например, при совершении преступлений против собственности корыстный мотив может быть корысть-нужда, корысть-паразитизм, корысть-стяжательство. При совершении преступлений против личности насильственный мотив дифференцируется как защитная агрессия (конфликтная криминогенная ситуация, инициированная потерпевшим), личностно мотивированная агрессия (в ссоре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникших на почве личных отношений), немотивированная жестокость;

4) отношение лица к совершенному преступлению — в зависимости от сте-

пени раскаяния, осознания противоправности совершенных действий, явки с повинной учитывается как полное раскаяние, частичное раскаяние, отсутствие раскаяния;

5) нравственное состояние преступника — учитывается склонность к алкоголю, наркотикам, пренебрежение к традиционным нравственным ценностям;

6) криминальная роль в совершении преступления — в зависимости от соучастия и вклада в достижение преступного результата: второстепенный участник; пособник, подстрекатель; непосредственный участник: исполнитель, соисполнитель; особо активный участник: организатор, руководитель совершения преступления.

Также в группу субъективных признаков общественной опасности нужно включить признаки, относящиеся к морально-нравственным качествам виновного:

1) отношение к труду — трудовой стаж, стремление к повышению квалификации и уровня образования, достигнутые производственные показатели;

2) социальная активность — участие в работе общественно-политических организаций, волонтерство, наставничество;

3) бытовая характеристика — семейное положение, отношение к семейным обязанностям, наличие несовершеннолетних детей, поведение по месту жительства;

4) сведения о заслугах, поощрениях, государственных и иных наградах, почетных званиях, участии в Великой Отечественной войне, боевых действиях, ликвидации общественных бедствий;

5) психофизический статус — состояние здоровья, наличие заболеваний, их характер и тяжесть;

6) поведение во время отбывания уголовного наказания — встал на путь исправления; идет по пути исправления; не встал на путь исправления, злостно

¹ Верховный Суд Российской Федерации разъясняет, что исходя из положений ч. 6 ст. 86 УК РФ суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей. С криминологических позиций такой вывод нельзя считать бесспорным. Срок погашения судимости зависит исключительно от воли законодателя, а избавление лица от криминальной активности (криминогенности) может не уложиться в этот срок, так как определяется исключительно личностью преступника. В этой связи можно вспомнить п. 8 ч. 1 ст. 57 «Погашение судимости» УК РСФСР 1960 года, в которой законодатель проявил понимание и указал, что формальный срок судимости не всегда совпадает с исправлением осужденных.

нарушает порядок отбывания наказания.

Механизм конвертации перечисленных показателей в интегративную оценку состоит из типологии личности виновного, позволяющей ориентировать суд, с учетом целей наказания, на выбор справедливого и обоснованного наказания [16, с. 121]. Данный механизм способен верифицировать решение суда и устранить из практики назначения наказания ошибки, на которые указывают ученые. Так, М.М. Лапунин приводит следующие результаты исследования

кассационной и надзорной практики по уголовным делам судов восьми субъектов Российской Федерации за 2008–2011 годы и распределение судебных ошибок. Из 1004 судебных решений проблемы квалификации выявлены в 31, 27 % случаев (в абсолютном значении – 314), т. е. менее одной трети. В 47, 71 % (479 решений) сложности возникали при применении норм о назначении наказания [17, с. 36; 8]. Поэтому миф о том, что только суду ведомо, какое наказание является истинным, нужно изменить. Все-таки судья не апостол закона!

Список источников

1. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. 136 с.
2. Жилкин М.Г. Криминализация деяния с административной преюдицией: роль общественной опасности и критерии уголовной ответственности // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2024 г. / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва : Юрлитинформ, 2024. С. 29–33.
3. Лунеев В.В. Преступность XX века : Мировые, региональные и российские тенденции : Мировой криминалистический анализ. Москва : Норма, 1997. 497 с.
4. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург : Sapientia, 2020. 256 с.
5. Гусарова М.А. Общественная опасность преступлений сексуального характера: частичная декриминализация и уточнение наказания за отдельные деяния // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2024 г. / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва : Юрлитинформ, 2024. С. 189–193.
6. Хилпота В.В. Административная преюдиция в уголовном праве : (теоретико-прикладное исследование) : монография. Москва : Юрлитинформ, 2024. 155, [1] с.
7. Криминология : учебник / В.Н. Бурлаков, В.В. Вандышев, И.В. Волгарева [и др.] ; под науч. ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. 3-е изд., перераб. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2025. 386 с.
8. Бурлаков В.Н., Плоткина Л.Н. Педагогические, психологические и правовые основы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., 07 декабря 2023 года / С.-Петерб. акад. Следственного комитета Российской Федерации. Санкт-Петербург : С.-Петерб. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 150–157.
9. Чирков Ф.В. Теоретические основы уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Чирков Филипп Викторович. Краснодар, 2025. 34 с.
10. Благоев Е.В. Уголовно-правовые категории : монография. Москва : Юрлитинформ, 2025. 192 с.
11. Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Избранные труды. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008.

12. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1. Вып. 2. Учение о преступлении. Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1878. 324, VIII с.
13. Егорова Т.И. Справедливость наказания: теоретический формат и правоприменительная практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 4. С. 984 – 1002.
14. Уголовное право России. Общая часть : учебник / М.В. Арзамасцев, В.Н. Бурлаков, В.В. Векленко [и др.] ; под ред. Н.М. Кропачева, Н.И. Пряхиной, В.Ф. Щепелькова. 4-е изд. испр. и доп. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2025. 644 с.
15. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 250 с.
16. Бурлаков В.Н. Назначение наказания и личность преступника. Теоретические, правовые и методические вопросы. Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2017. 198 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. юрид. центр).
17. Лапунин М.М. Распространенные проблемы применения уголовного закона в свете судебной практики субъектов Российской Федерации // Уголовное право. 2011. № 6. С. 35 – 41.
18. Филатова А.Н. Ошибки, допускаемые судами при назначении наказания за причинение вреда здоровью // Вестник Тамбовского университета. 2009. № 2 (70). С. 208 – 213.

Информация об авторе

В.Н. Бурлаков – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Information about the author

V.N. Burlakov – Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg State University, Doctor of Science (Law), Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.3/7

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОЗБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ, РАСОВОЙ ИЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ ВРАЖДЫ

Владимир Юрьевич ГОЛУБОВСКИЙ

НИЦ-5 по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания ВНИИ МВД, Москва, Россия, 63wladimir@mail.ru.

Аннотация. В период существования Советского Союза общепринятым было мнение, что в стране полностью ликвидировано какое-либо неравенство наций и народностей. Совершение преступления, посягающего на национальное равноправие, являлось исключительно редким случаем. Для такого рода уголовных дел была характерна преждевременная и не имеющая в своей основе достаточного объема достоверных данных публичная оценка обстоятельств преступления и действий предполагаемых его участников. Следует отметить, что процесс национального возрождения народов совпал с высоким уровнем социальной напряженности в обществе и приобрел в некоторых субъектах Российской Федерации националистическую и сепаратистскую направленность, в связи с чем и возникла необходимость юридически закрепить предупреждение подобных явлений уголовно-правовыми средствами. Сравнительный анализ развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды выявил тенденцию усиления уголовного наказания, что свидетельствует о повышении общественной опасности данного преступления.

Ключевые слова: возбуждение, вражда, нация, преступление, раса, религия, уголовный закон, уголовная ответственность

Для цитирования: Голубовский В.Ю. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 36 – 41.

Original article

THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR INCITEMENT OF NATIONAL, RACIAL, OR RELIGIOUS HATRED

Vladimir Yu. GOLUBOVSKY

Research center No. 5 for the study of crime investigation issues by preliminary investigation and inquiry bodies, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russia, 63wladimir@mail.ru.

Abstract. During the existence of the Soviet Union, it was widely accepted that all forms of inequality among nations and ethnic groups had been entirely eliminated within the country. The commission of criminal offences infringing upon the principle of national equality was consid-

© Голубовский В.Ю., 2026

ered an exceptionally rare occurrence. Criminal cases of this nature were typically characterized by premature public assessments of the circumstances surrounding the offence and the conduct of alleged perpetrators — assessments not grounded in a sufficient body of reliable evidentiary data. It should be noted that the process of national revival among various people coincided with a heightened level of social tension within society and, in certain constituent entities of the Russian Federation, acquired nationalist and separatist orientations. In this context, there arose a pressing necessity to legally codify, through criminal law instruments, preventive measures aimed at countering such phenomena. A comparative analysis of the evolution of domestic criminal legislation concerning liability for incitement of national, racial, or religious hatred has revealed a trend toward the strengthening of criminal punishment, indicating an increase in the social danger posed by this category of offence.

Keywords: incitement, hatred, nation, crime, race, religion, criminal law, criminal liability

For citation: Golubovsky V.Yu. The development of domestic criminal legislation on liability for incitement of national, racial, or religious hatred. Criminalist. 2026;2(55):36-41. (In Russ.).

В сознании любого гражданина Российской Федерации укоренилось, что Россия с исторически давних времен является федеративным многонациональным и многоконфессиональным государством [1, с. 6].

Принцип равноправия граждан в отечественном уголовном законодательстве является результатом развития общего подхода к основным правам человека, которые закреплены во Всеобщей декларации прав человека¹. В связи с провозглашением гласности и демократии в общественной жизни во второй половине 80-х годов XX века усилился интерес к познанию проблемы взаимоотношений государства и личности в зависимости от национальности, пола, религии, расы.

В первые годы после Октябрьской революции 1917 года советская власть стала осуществлять меры, направленные на регулирование отношений между государством и религией. 20 января 1918 года Совнарком РСФСР принял декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», впоследствии получивший название «Об отделении церкви от государства и школы от церк-

ви»². Реализация этого декрета оказалась невероятно сложной, ибо против него выступили духовенство и религиозные центры, а местной власти не хватало выдержки и хладнокровия. Декрет давал большие полномочия представителям местной власти [2, с. 14].

В период 1988 — 1991 годов рост национального самосознания народов являлся закономерным прогрессивным процессом. Однако этот процесс проходил неоднозначно. Успехи и неудачи в этой области во многом связаны с уровнем и характером религиозности. Сужение сферы религии, свойственное всему СССР, породило чувство национального «ущемления», ощущение забвения культурного наследия, игнорирования этнических особенностей региона [2, с. 36].

Определение преступлений, направленных на возбуждение национальной, расовой вражды, можно рассматривать с трех научных позиций: уголовно-правовой, психологической и социальной. Если посмотреть их определение в ретроспективном аспекте в отечественном уголовном праве, то оно было достаточно ограниченным. В современном уголовном законодательстве преступления,

¹ Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 17.01.2026).

² Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах : принят СНК РСФСР 20 января (2 февраля) 1918 г. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/religion.htm> (дата обращения: 17.01.2026).

направленные на возбуждение национальной, расовой вражды, определяются как действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Определением, даваемым в психологической науке, охватывается политическая природа мотивации лиц, совершающих анализируемые преступления. Для субъектов данных преступлений это можно обозначить как средство для достижения высшей идеологической цели, которая формулируется преступником при совершении преступления.

Представители социологической науки пытались раскрыть уголовно-правовую оценку преступлений, направленных на возбуждение национальной, расовой вражды, используя объективные критерии, к которым относили социальное окружение, а также внешние обстоятельства, способствующие тому, чтобы стать потерпевшим (жертвой).

Из ретроспективного анализа проблемы следует, что у жертв рассматриваемых преступлений нередко наблюдается посттравматический синдром, который выражается в том, что их не покидает мысль о возможности опять стать жертвой преступления. Прослеживается сознательный отказ от принятой манеры поведения, общения, лицо проявляет минимальный интерес к установлению социальных контактов, пытается изолировать себя от социального окружения, усиливаются физические последствия стресса, например бессонница, ослабление концентрации внимания.

Необходимо признать, что подобные преступления совершались, совершаются и будут совершаться, пока не будет разрешена проблема, которая породила данное противоречие.

Разумеется, причины этих конфликтов не сводятся к одной. Они имеют множество аспектов, ответвлений и оттенков [3, с. 187].

Применительно к современной России, демократическому, правовому, социальному государству, под возбуждением национальной, расовой или религиозной вражды понимается любое общественно опасное, противоправное, социально вредное (опасное), виновное, затрагивающее интересы демократического государства поведение лица, которое с помощью преступных методов и средств пытается добиться своих целей, нарушить конституционные права человека и гражданина.

В зарубежных странах в XVIII—XIX веках уголовное право использовалось для ограничения права гражданина на свободу выражения мнения, что не было характерно для российского государства. Следует отметить, что пределы права гражданина на свободу выражения своего мнения были обозначены неконкретно. Граница между реализацией законного права и преступным поведением была недостаточно четкой. Лицо, совершающее противоправное деяние, стремилось посеять между людьми разных национальностей, рас, религиозных конфессий взаимное недоверие, развить на основе тенденциозных, оскорбительных либо клеветнических суждений взаимные отчуждение, подозрительность, переходящие в устойчивую враждебность.

Преступления, совершаемые по мотиву национальной, расовой или религиозной вражды, это не только юридическая конструкция, это категория преступлений, которые определяются не одной лишь мотивацией лиц, совершивших преступление. Данные преступления очевидно направлены на расовую, национальную и религиозную принадлежность жертвы. Для окружающих главным в данном случае явля-

ется социальная значимость поведения субъекта преступления. Лица, которые совершают преступления по мотиву национальной, расовой или религиозной вражды, преследуют цель завоевания лидерства внутри группы, имеют разную мотивацию: одни преступления совершаются от имени большинства для подавления интересов меньшинства, другие планируются организованными группами и совершаются от имени высшей инстанции, идола, идеологического руководителя. Следует выделить четыре типа преступников, совершающих анализируемые преступления: 1) преступники, совершающие преступления ради сенсации; 2) лица, считающие, что на них возложена особая миссия; 3) лица, реагирующие просто на само присутствие «чужих»; 4) организованные в группы преступники. Первая группа преступников совершает преступления из желания причинить страдания другому человеку. В качестве жертвы избирается любая часть населения. Вторая группа оправдывает свои противоправные действия тем, что «пришлые» создают угрозу их собственному стилю жизни, они полагают, что им принадлежат «их работа», «их окружение», а некоторые личности посягают на это право, поэтому они должны защищать свое окружение. Преступники нападают на жертвы только потому, что последние пользуются реально принадлежащими им конституционными правами. Третья группа стремится, как они считают, освободить мир от зла. Представители этой группы хотели бы уничтожить всех, кто угрожает их вере. В людях другой культуры они видят тех, кто способен на разрушение местной национальной культуры, экономики. Они считают, что их действия предопределены свыше: богом, вождем, поручившим им уничтожить часть человечества. Четвертая группа — лица, совершающие преступления в группе, число которых в последнее время суще-

ственно возросло, однако количество совершаемых ими групповых преступлений невелико.

В предупреждении преступлений, совершаемых по рассматриваемому мотиву, главную роль играют образовательные организации. Необходимо развивать у учащихся желание и готовность жить вместе с людьми другой расы, культуры, вероисповедания и уважать их. В этих организациях должен быть создан климат, в котором нет места вражде, ненависти. Следует формировать навыки и умение мирного урегулирования возникающих конфликтов.

В ходе культурологического обучения сотрудники правоохранительных органов и судьи должны овладеть информацией о наличии на подведомственной им территории представителей разных культур. В этой связи они знакомятся с обычаями и нравами этих народов, их образом жизни, манерой поведения, их представлениями о ценностях. Участие в семинарах, посвященных осознанию этой проблемы, способствует лучшему пониманию нужд представителей национальных, расовых и религиозных меньшинств.

Ужесточение наказания за рассматриваемое преступление эффективности не дает. Оно приводит не только к длительной изоляции от общества преступника, к предоставлению меньших шансов на нормальную жизнь после освобождения, но еще больше укрепляет в нем установку на неприязнь, враждебность.

К уголовной ответственности должны привлекаться лица, планирующие преступления на почве национальной, расовой или религиозной вражды и подстрекающие к их совершению. Необходимо понимать, что речь идет не о криминализации того, как человек думает, а о том, что имеет место подготовка преступлений, совершаемых на почве национальной, расовой или религиозной вражды. Так, в Интернете, в печат-

ных изданиях специфической направленности можно найти призывы и даже требования совершать эти преступления или же, наоборот, столкнуться с оправданием или непризнанием фактов их совершения.

Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды нарушает конституционные права потерпевших, подрывает основы демократического, социального, правового государства. Причина возникновения этих преступлений в своем большинстве — социальная. Исследователи придерживаются точки зрения, состоящей в том, что причина заложена в социальном процессе, определяющем поведение. В целях осуществления эффективного социального контроля за данными преступлениями следует усилить роль правоохранительных органов, что будет подтверждать неотвратимость и неизбежность уголовного наказания. Необходимо работать над тем, чтобы отучить преступника от установок и предубеждений, связанных с проявлением ненависти и вражды, а не только наказывать.

Главная задача, которая сейчас стоит перед работниками правоохранительных органов, — это своевременно, законно, наступательно применять уголовно-правовые нормы [4, с. 173].

Статья 282 УК РФ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), предусматривающая ответственность за возбуждение ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства, имеет ряд существенных недостатков, которые вызывают критику в правовом сообществе

и обществе. Диспозиция статьи содержит размытые формулировки: что именно считается «ненавистью» и «враждой», какие действия провоцируют эти состояния; что подразумевается под «достоинством группы лиц» и как его можно унижить. Отсутствие четких определений создает риск произвольного толкования нормы и злоупотребления полномочиями.

В статье речь идет о социальной группе, но ее определение не раскрыто. Федеральным законом от 27 декабря 2018 года № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» введена административная преюдиция: повторное совершение административного правонарушения, связанного с разжиганием ненависти или вражды, в течение года влечет уголовную ответственность по ч. 1 ст. 282 УК РФ. Однако степень общественной опасности деяния при этом не меняется, что противоречит принципам уголовного права. Такой подход может привести к необоснованному привлечению лица к уголовной ответственности.

Таким образом, для повышения эффективности и устранения недостатков действующей редакции ст. 282 УК РФ необходимо установить критерии разграничения административного проступка и уголовного преступления, а также запретить одному и тому же эксперту проводить первоначальное исследование и основную экспертизу, что позволит обеспечить баланс между защитой общественного порядка и соблюдением прав граждан.

Список источников

1. Голубовский В.Ю., Кунц Е.В. Межнациональные, религиозные отношения и будущее России: конфликты и потенциал гражданского общества. Москва : Проспект, 2017. 234 с.
2. Одинцов М. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917 — 1938 гг.). Москва : Знание, 1991. 63, [1] с. (Новое в жизни и науке. Подписная научно-популярная серия «Культура и религия» ; 11/1991).

3. Кунц Е.В. Преступность на почве межнациональных и религиозных конфликтов и уголовно-правовые меры борьбы с нею : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Кунц Елена Владимировна. Челябинск, 1998. 188 с.

4. Кунц Е.В. Уголовная ответственность за возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды в средствах массовой информации // Вопросы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности : сб. науч. тр. / Челяб. гос. ун-т ; редкол. : Р.А. Сабитов (отв. ред.) [и др.]. Челябинск : ЧГУ, 1998. С. 164—174.

Информация об авторе

В.Ю. Голубовский — главный научный сотрудник отдела по исследованию уголовно-процессуальных проблем НИЦ-5 по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания ВНИИ МВД, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V.Yu. Golubovsky — Chief Research Fellow at the Department for the study of criminal procedure issues, Research center No. 5 for the study of crime investigation issues by preliminary investigation and inquiry bodies, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.3/7

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО ПРИ ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧЕ В ПЛЕН

Андрей Викторович ЗАРУБИН¹, Таисия Александровна БАРЬШНИКОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ Sarubin1@yandex.ru

² taisiya.barishnikova@mail.ru

Аннотация. В статье затронуты некоторые проблемы оценки добровольной сдачи в плен военнослужащих, связанные с определением категории «добровольность», формированием критериев беспомощного состояния военнослужащего с учетом боевой обстановки, а также законодательного отграничения физической беспомощности от психической.

Авторы отмечают актуальность расширительного толкования категории «беспомощное состояние».

Ключевые слова: добровольность, сдача в плен, военнослужащие, беспомощное состояние, психическая беспомощность

Для цитирования: Зарубин А.В., Барышникова Т.А. Уголовно-правовой анализ беспомощного состояния военнослужащего при добровольной сдаче в плен // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 42 – 48.

Original article

CRIMINAL LAW ANALYSIS OF A SERVICEMAN'S STATE OF HELPLESSNESS IN CASES OF VOLUNTARY SURRENDER TO CAPTIVITY

Andrey Viktorovich ZARUBIN¹, Taisiya Aleksandrovna BARYSHNIKOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ Sarubin1@yandex.ru

² taisiya.barishnikova@mail.ru

Abstract. This article explores legal challenges surrounding the voluntary surrender to captivity by military servicemembers. It focuses on interpreting the concept of «voluntariness», establishing criteria for determining a servicemember's state of helplessness in the context of combat situations, and distinguishing between physical and mental helplessness.

The authors highlight the need for a broad interpretation of the legal category of «state of helplessness» within criminal law doctrine.

Keywords: voluntariness, surrender to captivity, military servicemembers, state of helplessness, mental helplessness

For citation: Zarubin A.V., Baryshnikova T.A. Criminal law analysis of a serviceman's state of helplessness in cases of voluntary surrender to captivity. Criminalist. 2026;2(55):42-48. (In Russ.).

© Зарубин А.В., Барышникова Т.А., 2026

Федеральным законом от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Уголовный кодекс Российской Федерации (далее также — УК РФ) был дополнен ст. 352.1 об уголовной ответственности за добровольную сдачу в плен.

Криминализация данного деяния предопределяется сложившейся геополитической ситуацией. Уголовная ответственность за добровольную сдачу в плен ранее предусматривалась ст. 264 УК РСФСР 1960 года («Добровольная сдача в плен»), ст. 28 Закон СССР от 25 декабря 1958 года (ред. от 15 декабря 1983 года) «Об уголовной ответственности за воинские преступления» («Добровольная сдача в плен»), ст. 193.22 УК РСФСР 1926 года («Самовольное оставление поля сражения во время боя, сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой, или отказ во время боя действовать оружием, а равно переход на сторону неприятеля»), ст. 211 УК РСФСР 1922 года («Сдача в плен»).

С принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года возникли проблемы квалификации добровольной сдачи в плен: ее можно было считать как дезертирством (ст. 338 УК РФ), так и государственной изменой (ст. 275 УК РФ), ссылка на которую приведена в ст. 352.1 УК РФ.

Совершенствование законодательства является одним из существенных рычагов воздействия на уголовно-правовую политику государства в области военной службы. Однако стоит отметить, что в данный момент существуют некоторые проблемы правоприменения, которые возникают прежде всего в связи с толкованием норм права.

Дискуссионным остается вопрос применения к военнослужащим положений Уголовного кодекса Российской Федера-

ции об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в том числе при добровольной сдаче в плен, так как не ясно, исключает ли участие в боевых действиях превалирование такого блага, как жизнь, над остальными.

Сходные проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за сдачу в плен возникали и ранее. Так, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело в отношении красноармейца Нутаева, который был осужден, кроме прочего, по ст. 193.22 УК РСФСР 1926 года (сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой). Нутаев заявлял, что добровольно в плен немцам не сдавался. 5 или 6 июля 1941 года недалеко от станции Пугачев (Западная Белоруссия) он в составе группы из четырех человек находился на наблюдательном посту и следил за передвижением немецких войск. Около 19 часов их обезоружили неожиданно напавшие на пост с тыла превосходящие по численности переодетые в красноармейскую форму немецкие солдаты, которых они первоначально приняли за своих. В плену он был лишь одни сутки, трижды допрашивался немецким офицером, однако никаких военных сведений ему не сообщал. Уголовное дело было прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ — за отсутствием в деянии состава преступления¹.

В настоящее время в п. 111 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» указано, что «сдача в плен образует состав преступления только в том случае, если она была добровольной, то есть совершена

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2006 г. № 5-17497/42. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сознательно при наличии возможности оказывать решительное сопротивление противнику и избежать захвата в плен. Если военнослужащий по своему физическому состоянию не способен уклониться от плена, фактический его захват противником не образует состава данного преступления»¹.

При этом в качестве примера в Постановлении Пленума приводится беспомощное состояние, что, на наш взгляд, представляется спорным, так как:

во-первых, категория «беспомощное состояние» не закреплена в уголовном законодательстве как обстоятельство, исключающее преступность деяния;

во-вторых, впервые российский законодатель рассматривает беспомощное состояние именно субъекта преступления, а не потерпевшего. В Уголовном кодексе Российской Федерации беспомощное состояние используется как квалифицирующий признак, характеризующий потерпевшего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ст. 131, 132 УК РФ), а также в качестве отягчающего наказание обстоятельства (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ);

в-третьих, в настоящее время в законодательстве и в теории отечественного уголовного права отсутствует однозначное определение понятия «беспомощное состояние».

Можно ли говорить о психической беспомощности военнослужащего? В доктрине существует два подхода к трактованию беспомощного состояния. Часть исследователей относят психическую беспомощность потерпевших только к болезненным изменениям. Другие считают, что неспособность жертв понимать характер и роль совершаемых с ними действий и их неспособность

оказать соответствующее сопротивление необходимо трактовать более широко [1, с. 22].

В данном контексте оба подхода сводятся к осознанию характера и роли совершающихся действий. На наш взгляд, важен не только юридический критерий, но и медицинский, так как условия боевой обстановки создают возможность развития психической патологии.

О.В. Михайловская выделяет признаки беспомощного состояния: 1) неспособность понимать характер и значение совершаемых с лицом действий; 2) отсутствие у лица возможности принять меры к самосохранению [2, с. 21].

Автор отмечает правовую самостоятельность данных признаков. Следовательно, достаточно лишь одного из них, чтобы признать, что данное состояние лица характеризуется как беспомощное. Если рассматривать их через призму предусмотренного ст. 352.1 УК РФ состава преступления, возникают вопросы отграничения беспомощного состояния субъекта преступления от беспомощного состояния потерпевшего, отграничения психического критерия беспомощности от физического, вопросы формирования критериев беспомощного состояния военнослужащих с учетом обстановки и другие.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» выделяет такие виды беспомощности, как физическая беспомощность, психическая и вызванная иными обстоятельствами. Беспомощное состояние называется и в п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Оно может быть обусловлено возрастом потерпевшего (престарелый, малолетний), его физическими недостатками и другими причинами.

Беспомощное состояние в статье 352.1 УК РФ относится к физическому

¹ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11. П. 11 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/32440> (дата обращения: 12.03.2026).

состоянию человека. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» в качестве примера беспомощного состояния указывается тяжелое ранение или контузия.

В Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495, конкретизированы положения относительно сдачи в плен.

Так, в п. 23 Устава сказано, что «если военнослужащий, находясь в беспомощном состоянии, в том числе вследствие тяжелого ранения или контузии, будет захвачен противником в плен, он должен искать и использовать любую возможность для своего освобождения и освобождения своих товарищей из плена и возвращения в свою воинскую часть.

Военнослужащий, захваченный противником в плен, при допросе имеет право сообщить только свою фамилию, имя, отчество, воинское звание, дату рождения и личный номер. Он обязан сохранять честь и достоинство, не разглашать государственную тайну, проявлять стойкость и мужество, помогать другим военнослужащим, находящимся в плену, удерживать их от пособничества противнику, отвергать попытки противника использовать военнослужащего для нанесения ущерба Российской Федерации и ее Вооруженным Силам»¹.

По нашему мнению, это положение должно быть отражено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11

¹ Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 : текст с изм. и доп. на 24 июня 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&FirstDoc=1&lastDoc=1&nd=102118429> (дата обращения: 12.03.2026).

«О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», так как конкретизирует обязанности военнослужащего при сдаче в плен, но вопрос, позволит ли обстановка соблюдать его в полном объеме, остается, по нашему мнению, открытым.

В Постановлении Пленума упоминается «добровольность», которая является в большей степени оценочным понятием.

Сдача в плен считается добровольной только при наличии субъективного (сознательное совершение преступного деяния) и объективного (наличие возможности оказывать решительное сопротивление противнику и избежать захвата в плен) критериев.

Данное обстоятельство позволяет точно указать на наличие прямого или косвенного умысла на совершение преступления.

В случае установления прямого умысла у правоприменителя едва ли могут возникнуть проблемы при квалификации, но, как справедливо отмечают З.А. Теуважев и В.С. Корженко, «другое, это квалифицировать ли аналогично случаи, в которых военнослужащий сдается в плен по причине отсутствия помощи, боеприпасов либо под угрозой своей жизни. Будут ли являться добровольной сдачей в плен действия военнослужащего, первый раз оказавшегося в зоне проведения боевых действий и просто с испуга сложившего оружие перед противником» [3, с. 256].

Интересно, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» используется формулировка: «Если военнослужащий по своему физическому состоянию не способен уклониться от плена, фактический его захват противником не образует состава данного преступления (например, нахождение

военнослужащего в беспомощном состоянии, в том числе вследствие тяжелого ранения или контузии)» (п. 11).

Непонятно, на основании чего данные состояния дифференцированы. По словарю С.И. Ожегова, «в том числе (и), союз со знач. присоединения, включения — считая, включая»¹. Следовательно, этот союз конкретизирует именно физическую неспособность лица оказать сопротивление. В очередной раз речь идет об объективном критерии, однако, как было упомянуто выше, для категории добровольности важен как объективный критерий, так и субъективный.

Участники боевых действий с вероятностью от 3 % до 11 % получают посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), отмечают ученые НМИЦ психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева. При этом у раненых психические расстройства пограничного уровня развиваются минимум в 30 % случаев [4, с. 43].

Данный факт связан с нервно-психическими нагрузками, с которыми сталкиваются военнослужащие систематически. Судебная практика по ст. 352.1 УК РФ отсутствует, однако средства массовой информации отражают актуальность данной проблемы². Важно, чтобы лицо, совершающее преступное деяние, осознавало характер своих действий и степень их опасности.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации не дает разъяснений относительно психологической беспомощности, в частности возникшей ввиду испуга, эмоционального шока, иных экстремальных состояний.

Однако обратим внимание, что Пленум разграничивает физическую

и психическую беспомощность субъекта преступления, что, на наш взгляд, некорректно, так как они в большинстве случаев взаимосвязаны в преступлениях против военной службы, в частности при добровольной сдаче в плен.

Контузия, например, является одним из самых распространенных болезненных состояний военнослужащих, которое является прежде всего физическим фактором, но здесь важно обратить внимание на суть, предпосылки и последствия рассматриваемого явления.

Контузия является разновидностью черепно-мозговой травмы (ЧМТ). Черепно-мозговые травмы, которые Г.В. Назаренко относит к психическим аномалиям [5, с. 31], получает большинство военнослужащих.

Научно доказано, что экстремальные условия влияют не только на физическое состояние лиц, находящихся в зоне боевых действий, но и на их психическое состояние, что может проявляться как во время отрицательного воздействия различных факторов, так и после такого воздействия, причем продолжительное время после воздействия.

Следует заметить, что ввиду этого все же нельзя дифференцированно подходить к физической и психической беспомощности. Равным образом на физическое и психическое состояние военнослужащих влияет множество факторов, таких как боевой стресс, усталость, монотония, депривация сна, голод, жажда и др. Они оказывают воздействие на эффективность в бою, эмоциональное состояние, выносливость и другие составляющие состояния лица в целом.

А.Г. Караяни, И.В. Сыромятников пишут: «У воинов, длительно находящихся в условиях кумулятивного действия факторов напряжения, происходит утрата оперативности, снижение сопротивляемости неблагоприятным воздействиям» [6, с. 61].

Действительно, у военнослужащих повышается риск упадка сил, потери

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. акад. С.П. Обнорский. М., 1949. 2153 с.

² Они теряют работу и уходят из семьи. Вернувшиеся с СВО военные уже столкнулись с суицидальными мыслями, паническими атаками, непереносимостью общества // Рамблер : сайт. URL: <https://clck.ru/3PRieW> (дата обращения: 26.09.2025).

способности к сопротивлению, когда они попадают в неожиданную опасную ситуацию. Также вышеупомянутые авторы считают, что «усталость порождает дистресс, апатию, пассивность, массовые галлюцинации, недоверие к командирам, способствует развитию панических настроений и действий, дезертирству и сдаче в плен» [6, с. 62].

Таким образом, эти условия приводят к росту в зоне боевых действий случаев, выражающихся в отклоняющемся поведении. Военные психиатры и командиры сходятся во мнении, что психологическими побудителями к сдаче в плен противнику выступают самые различные феномены. По нашему мнению, выделение только физических факторов, упуская из виду психические аспекты, порождает различные правовые проблемы и коллизии.

К.А. Идрисов, исследуя распространенность ПТСР среди взрослого населения Чеченской Республики, отмечает: «Независимо от региона обследования, метода исследования и диагностических инструментов разные исследователи получают одинаково высокие показатели распространенности ПТСР под влиянием военных событий» [7, с. 58].

При этом ученые уже давно выделяют критерии ПТСР: индивид был участником, свидетелем либо столкнулся с событием (событиями), которое включает смерть, или угрозу смерти, или угрозу серьезных повреждений, или угрозу физической целостности других людей (либо собственной); реакция индивида включает интенсивный страх, беспомощность или ужас и др.

Верхняя возрастная граница прохождения военной службы после начала специальной военной операции была отменена, что предоставило возможность подписания контракта представителям старших возрастных групп, в том числе имеющим опыт участия в боевых действиях в «горячих точках».

Данные субъекты более склонны к проявлению беспомощного состояния,

что доказывает актуальность изучения рассматриваемой проблемы.

Отечественные психологи к числу негативных факторов относят психофизическое состояние индивида к моменту эмоционального реагирования, т. е. внутреннее состояние, на фоне которого происходит соответствующая реакция лица. Уголовно-релевантные обстоятельства характеризуются как психические состояния, которые могут быть обрисованы в контексте способности лица к осознанно-волевому поведению во время совершения конкретных деяний.

Интересным представляется то, что психотравмирующая ситуация в зоне боевых действий не отражена в ст. 352.1 УК РФ, но упомянута в ст. 106, 107, 113 УК РФ и др. То есть уголовное законодательство не учитывает ситуацию совершения преступления военнослужащим.

Г.В. Назаренко, рассматривая уголовно-релевантные психические состояния, обращает внимание на то, что «при этом вне поля зрения остаются внешние негативные состояния, вызвавшие это внутреннее состояние» [5, с. 65].

Данный аспект связан с тем, что на практике работают конкретные факты, а не обобщенные модели, однако дедуктивные методы, очевидно, важно также подвергать оценке. Именно через призму неблагоприятных факторов, влияющих на эмоциональную напряженность лица, следует рассматривать преступное деяние.

Необходимость оценки уголовно-релевантных состояний в рамках преступлений против военной службы диктуется тем, что уголовное право России в соответствии с принципами справедливости и гуманизма охватывает множество психических состояний, влияющих на степень сознательно-волевой регуляции во время совершения общественно опасных деяний.

Изолированный же подход к данным состояниям снижает уровень осмысления правовых норм, препятствует совершенствованию уголовного законодательства.

В соответствии с изложенным нуждаются в конкретизации положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», касающиеся обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также беспомощного состояния лица.

Таким образом, анализ проблемных аспектов ст. 352.1 УК РФ позволяет резюмировать, что установление уголовной ответственности за добровольную сдачу в плен является, безусловно, позитивной тенденцией в сфере военно-уголовного законодательства в связи с геополитической обстановкой в настоящее время. Однако текст ст. 352.1 УК РФ нуждается в совершенствовании.

Список источников

1. Шикула И.Р. Дискуссионные вопросы определения беспомощного состояния потерпевшего в уголовном законодательстве // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 20 – 22.
2. Михайловская О.В. Преступления в сфере оплаты труда и социальных выплат по уголовному законодательству Российской Федерации (ст. 145.1 УК РФ) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Михайловская Ольга Валерьевна. Москва, 2022. 224 с.
3. Теуважев З.А., Корженко В.С. Проблемные аспекты правоприменительной практики по статье 352.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «добровольная сдача в плен» // Право и управление. 2023. № 2. С. 255 – 257.
4. Организация оказания медицинской помощи лицам с посттравматическим стрессовым расстройством : метод. рекомендации / Н.В. Семенова, А.Ю. Гончаренко, С.В. Ляшкова, М.Ю. Попов, В.К. Шамрей, Е.С. Курасов, А.А. Марченко, Н.Г. Незнамов. Санкт-Петербург : НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2022. 36 с.
5. Назаренко Г.В. Правовая и криминологическая значимость уголовно-релевантных психических состояний : монография. Орел : Орловский гос. техн. ун-т, 2002. 200 с.
6. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Военная психология : учебник для специалистов психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации. Москва : Военный ун-т, 2016. 500 с.
7. Идрисов К.А. Эпидемиологическое исследование распространенности посттравматических стрессовых расстройств среди взрослого населения Чеченской Республики на разных этапах военной ситуации // Российский психиатрический журнал. 2009. № 1. С. 57 – 64.

Информация об авторах

А.В. Зарубин – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Т.А. Барышникова – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

A.V. Zarubin – Associate Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

T.A. Baryshnikova – Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.3

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ (XI – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Евгений Александрович ИГНАТЕНКО

*Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации,
Москва, Россия, iea13@mail.ru*

Аннотация. Автором осуществлен анализ формирования и развития правовых норм отечественного законодательства о диверсионных преступлениях в период с XI по начало XX века. Акцентируется, что с XI века по 1497 год происходило зарождение норм об ответственности за такой способ совершения диверсии, как поджог, однако дифференциация направленности умысла относительно предмета поджога фактически отсутствовала. Отмечается, что развитие законодательства о диверсионных преступлениях в 1497–1845 годы демонстрирует существенный прогресс, воплощенный в придании уголовно-правовым запретам о поджогах полноправного статуса преступлений против государственной власти, наряду с иными общественно опасными деяниями, такими как посягательство на государя, государственная измена, бунт и др. Констатируется, что период с 1845 по 1922 год является весьма важным в развитии законодательства о противодействии диверсионным преступлениям, поскольку на уровне соответствующих правовых норм окончательно выстроилась архитектура уголовно-правовой охраны имущества, обеспечивающей безопасность государства (ее отдельных компонентов), помимо известного издревле поджога таковыми стали признаваться подтопление, взрыв с использованием общепаспных веществ и иные способы (перечень является открытым).

Ключевые слова: диверсия, уголовная ответственность, диверсионные преступления, диверсионная деятельность, безопасность государства, противодействие диверсионной деятельности, ретроспективный анализ, период развития

Для цитирования: Игнатенко Е.А. Ретроспективный анализ уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности в России (XI – начало XX века) // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 49 – 56.

Original article

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF CRIMINAL-LAW COUNTERACTION AGAINST SABOTAGE ACTIVITIES IN RUSSIA (11TH CENTURY – EARLY 20TH CENTURY)

Evgeny A. IGNATENKO

*Research Institute of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow,
Russia, iea13@mail.ru*

Abstract. The article analyses the formation and development of legal norms within domestic legislation concerning sabotage-related offences from the 11th to the early 20th century. It is emphasized that from the 11th century to 1497, norms establishing liability for arson as a method of

© Игнатенко Е.А., 2026

committing sabotage began to emerge. However, differentiation of criminal intent with respect to the object of arson was virtually non-existent. The study further notes that the development of legislation on sabotage-related crimes during the period 1497–1845 demonstrates substantial progress, particularly in elevating criminal prohibitions concerning arson to the full status of offences against state authority, alongside other socially dangerous acts such as attempts on the life of the sovereign, treason, rebellion, and related crimes. The author states that the period from 1845 to 1922 constitutes a critically important stage in the evolution of legislative frameworks for countering sabotage-related offences. At the level of relevant legal norms, this era saw the final consolidation of the architectonics of criminal-law protection of property ensuring state security (including its constituent components). In addition to the historically recognized method of arson, deliberate flooding, explosions involving substances posing a general public danger, and other methods began to be recognized as forms of sabotage (the list is open).

Keywords: sabotage, criminal liability, sabotage-related offences, sabotage activities, state security, counteraction to sabotage activities, retrospective analysis, period of development

For citation: Ignatenko E.A. A retrospective analysis of criminal-law counteraction against sabotage activities in Russia (11th century – early 20th century). *Criminalist*. 2026;2(55):49-56. (In Russ.).

История отечественного уголовного права свидетельствует о том, что диверсионная деятельность признавалась общественно опасной с тех самых пор, как в правосознании общества укрепилось четкое понимание необходимости не только защиты интересов конкретных физических лиц, но и обеспечения непоколебимости, стабильности государственной власти. Конечно, в каждый исторический период законодательство шло по определенному пути (стагнации либо реформирования), который определялся векторным развитием российской государственности.

Ввиду того, что право было изобретено в качестве универсального регулятора отношений в цивилизованном обществе, новые вызовы неминуемо требовали укрепления государственности посредством переосмысления и переработки соответствующих уголовно-правовых механизмов. Этот процесс фактически можно отнести к рутинному, характерному для всей истории существования Российского государства, поскольку «право и безопасность органически связаны между собой и такая взаимосвязь проявляется в самой сущности права» [1, с. 5].

Вместе с тем существует объективная сложность в идентификации уголов-

но-правовых запретов, содержащихся в правовых памятниках различных времен, в качестве тех, что направлены на обеспечение экономической безопасности и (или) обороноспособности государства. Обусловлено это тем, что на более ранних этапах отечественный законодатель не столь тщательно детализировал понятие «безопасность государства». Лишь с течением времени и развитием общественных отношений приходило понимание необходимости ее обеспечения. Исторически это привело к формированию современного обособленного института норм об ответственности за диверсионные преступления.

В контексте настоящего исследования научной ценностью обладают нормы, регламентирующие уголовно-правовое противодействие диверсионной деятельности в период XI — начало XX века, которые в наибольшей степени схожи по своему уголовно-правовому регулированию, а также по содержанию и конструкции составов преступлений с действующими на текущий момент времени составами диверсионных преступлений. В связи с этим ретроспективный анализ уголовной ответственности за рассматриваемые преступления предлагается производить поэтапно в целях

последующей унификации имеющихся подходов и их комплексной оценки.

В первую очередь обратимся к древнерусскому праву и соответствующим правовым памятникам, в содержании которых можно обнаружить первые упоминания об определенных правовых механизмах по воспрепятствованию отдельным преступлениям, выступающим на сегодняшний день способами совершения диверсии. Речь идет прежде всего о поджоге.

Так, в ст. 83 Пространной редакции Русской Правды (XI век) встречается упоминание о поджоге гумна и двора: «О ГУМНЕ. Аже зажгутъи гумно, поток на грабеж дом его, переди пагубу исплативихю, а в проце князю источити и тако же аже кто двор зажъжетъ» [2, с. 71]. Аналогичный запрет приведен в ст. 13 Краткой редакции Церковного устава князя Ярослава Мудрого (XII век): «Аже кто зажжетъ двор, или гумно, или что иное, епископу 100 гривен, а князь казнить» [2, с. 174] и ст. 14 Пространной редакции Церковного устава князя Ярослава Мудрого: «Аще кто зажжетъ гумно, или двор, или иное что, митрополиту 40 гривен, а опитемию подоимуть, а князь казнить» [2, с. 191]. Данные нормы обеспечивали охрану собственности от преступных посягательств в форме поджога как деяния, обладавшего повышенной социальной опасностью [3, с. 7]. При этом в законе не уточнялось, какой именно «двор» мог пострадать в результате поджога, отметим, что в качестве центра княжеской вотчины существовал «княжеский двор», поджог которого справедливо мог расцениваться в качестве посягательства на безопасность княжеской власти.

Псковская судная грамота (1467 год) содержала две нормы об ответственности за поджог. Так, ст. 7 гласила: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигаглицу тем живота не дати» [2, с. 333], ст. 116 закрепляла ответственность за совершение поджога

неустановленным лицом: «А кто зажоги на ком учнет сочит, а долики ни каковы не будет, ино на волною роту позвать вольно» [2, с. 343].

Согласно ст. 36 Новгородской судной грамоты (1471 год) ответственность за поджог несколько расширяется: «А кому будет дело до владычня человека, или до боярьского, или до житейского, или до купецкого, или до монастырьского, или до кончанского, или до улицкого, в волости о ... пожозе¹, ... что тот человек ... пожегщик ...» [2, с. 308–309].

В качестве потерпевших от поджога закон называл не только мирян, но и архиереев (священнослужителей) и бояр, являвшихся высшим слоем феодального общества Древнерусского государства. В силу этого поджог признавался одним из наиболее опасных преступлений, наряду с изменой, что прямо продиктовано необходимостью защиты интересов господствующего класса.

Таким образом, первый период (XI век – 1497 год) связан с зарождением норм, предусматривавших ответственность за такой способ совершения диверсии, как поджог. Однако дифференциация направленности умысла относительно предмета поджога фактически отсутствовала. Собственность частных лиц и государства от поджогов подлежала одинаковой уголовно-правовой охране, а сам названный способ уничтожения или повреждения чужого имущества расценивался в качестве особо опасного и издревле наказывался весьма сурово (смертной казнью).

Следующий период развития норм об уголовной ответственности за рассматриваемые преступления связан с принятием Судебника Ивана III (1497 год), который совершенно справедливо

¹ Пожоз – поджог (Новгородская судная грамота. 1440–1471 гг. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина : сайт. URL: <http://xn--e1aaejmenosqxq.xn--plai/node/13624#ref-36> (дата обращения: 10.08.2025)).

признается первым кодексом Русского централизованного государства [4, с. 26]. С точки зрения уголовно-правового подхода к регулированию общественных отношений данный правовой акт впервые реализовал давно назревавшую идею о приоритете «общего над частным, государственных интересов над партикулярными» [5, с. 434].

Так, в ст. 9 Судебника 1497 года устанавливалась ответственность за поджог: «А государскому убийце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымицику, и зажигалянику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнию» [6, с. 351].

Поджог здесь назывался наряду с иными преступлениями, направленными против представителей господствующего класса (убийство царя, мятеж, бунт). При этом, хотя из указанной нормы это прямо и не следует, отдельные авторы подчеркивают наличие альтернативной цели поджога — «поджог города с целью сдачи его врагу» [7, с. 38]. Более справедливо утверждение, что «по мере усиления борьбы с великокняжеской властью крупные бояре стали прибегать к прямой измене, заговорам, восстаниям и другим действиям, направленным против власти и жизни самого великого князя» [8, с. 55]. Соответственно, поджог в данных социально-политических условиях впервые стал расцениваться как один из наиболее опасных способов незаконного воздействия на безопасность представителей государства и государственного имущества, за совершение которого предусматривалась смертная казнь.

В статье 61 Судебника Ивана IV, принятого в 1550 году, продолжена традиция закрепления уголовной ответственности за поджог и интерпретации его как особо опасного преступления (также наказывался смертной казнью) наряду с «убийством господина», «сдачей города врагу», «изменой» [9].

Соборное уложение 1649 года сохранило преемственность в части отнесения поджога к преступлениям против государственной власти и впервые включило законодательную дифференциацию поджога в зависимости от предмета преступления и преследуемой цели: «поджог двора» и «поджог города или его части с целью сдачи врагу». Так, в ст. 4 гл. II «О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать а в ней 22 статьи» указывалось: «А будет кто умышлением и изменою город зажжет, или дворы, и в то время, или после того зажигалящик изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма, и его самого эжечь безо всякого милосердия» [10, с. 88].

Артикул воинский, принятый Петром I в 1715 году, предусматривал казнь и сожжение виновного (офицера или рядового солдата либо их соучастников) за умышленные поджоги и разрушение: «Кто из офицеров или рядовых самоволством и нарочно без указа в маршу город, село и деревню или церкви, школы, шпитали и мельницы зажжет, печи или некоторые дворы ломает, також крестьянскую рухледь и прочее что потратит, оный купно с теми, которые помогали, яко зажигалятель и преступитель уложения смертию имеет быть казнен и сожжен» (глава 21, арт. 178) [11, с. 361].

Таким образом, второй период развития законодательства о диверсионных преступлениях (1497 — 1845 годы) демонстрирует существенный прогресс, воплощенный в придании поджогам полноправного статуса преступлений против государственной власти, наряду с иными общественно опасными деяниями (посягательство на государя, государственная измена, бунт и др.). В законодательстве указанной эпохи наблюдается четкая преемственность правовой позиции в части, во-первых, уголовно-правового обеспечения безопасности государства, защиты от поджогов (а с 1715 года еще и разрушения) со-

ответствующего имущества, во-вторых, повышенной ответственности за их совершение (наказание в виде смертной казни).

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, принятое 15 августа 1845 года (далее — Уложение 1845 года), по праву считается первым и наиболее полным кодифицированным актом, включавшим меры ответственности уголовно-правового характера за общественно опасные деяния. В Уложении 1845 года впервые была выделена глава вторая «О истреблении и повреждении чужого имущества», в рамках первого отделения которой предусматривались нормы «о зажигательстве» (ст. 2106 — 2116). Посягательства, предусмотренные данными нормами, получили одну из самых широких дифференциаций, в первую очередь в зависимости от предмета преступления.

В аспекте нашего исследования особый интерес представляет закрепление в качестве предметов поджога:

церкви; принадлежащего государю императору или одному из членов императорской фамилии дворца; города, с намерением распространить пожар по всему городу или по большей его части, хранилища пороха, больницы, в которой находились в это время больные (основной состав преступления, предусмотренный ст. 2107);

«присутственного места»; здания государственного управления, суда, государственного архива, иного «общественного заведения», библиотеки, кунсткамеры, музея, тюрьмы, театра, иного здания, в котором проводятся публичные собрания, в период их проведения; «селения в нескольких местах»; корабля или иного судна, на котором в это время находились люди или поблизости были другие суда; «магазинов жизненных припасов или же военных и морских снарядов» (квалифицированный состав преступления, предусмотренный ст. 2107);

рудника (ст. 2108);

нежилого строения; судна (ст. 2109).

Также была произведена дифференциация соучастников преступления на «зичинщиков», «подговорщиков» и «главных виновных». Уголовно-правовой оценке подлежало недоведение преступления до конца: за покушение на зажигательство ответственность устанавливалась в ст. 2110, а за приготовление «къ учиненію поджога пріисканіемъ, пріобрѣтеніемъ или приспособленіемъ нужныхъ для того матеріаловъ» — в ст. 2111.

Стоит обратить внимание на то, что впервые на законодательном уровне были прописаны другие, кроме поджога, способы уничтожения имущества: взрыв газа, пороха, другого легковоспламеняющегося вещества, потопление и иные способы (ст. 2117 — 2127 отделения второго главы второй «О истреблении и повреждении чужого имущества» Уложения 1845 года). К иным способам, например, можно отнести распространение эпизоотии: «Кто нарочно и съ умысломъ сообщить заразительную болѣзнь чужому скоту, или же употребить какое-либо средство для отравленія корма чужаго скота, тотъ, въ случаѣ если зараза или смертность отъсего въ самомъ дѣдѣ распространилась, подвергается ...» (ст. 2125).

Аналогичный уголовно-правовой подход к установлению ответственности за уничтожение или повреждение имущества был сохранен в ст. 1606 — 1625 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года (далее — Уложение 1885 года). Обеспечивалась сохранность как частной, так и государственной собственности. Особый интерес представляют ст. 1618 и 1619 Уложения 1885 года.

Так, по ст. 1618 уголовно-правовой охране от незаконного подтопления подлежали рудники, подземные соляные или каменные ломки (преступление наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжную работу

на срок от десяти до двенадцати лет). Ответственность усиливалась, если виновный осознавал, что в момент умышленного подтопления в указанных объектах находились рабочие или другие люди. В таком случае каторжные работы могли быть назначены бессрочно.

Считаем, что для рассматриваемого периода времени названные объекты представляли особый государственный интерес, потому что позволяли обеспечивать положительное развитие производства внутри страны, составляли базис для экономического роста и организации внешней экономической политики [12, с. 242]. Отсюда можно сделать вывод, что умышленное повреждение или уничтожение рудников и шахт в современном понимании вполне допустимо относить к разновидности диверсии.

Согласно ст. 1619 Уложения 1885 года устанавливалась ответственность, во-первых, за умышленное подтопление корабля, судна, обитаемого строения или места, в котором находились люди (наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжную работу на срок от восьми до десяти лет), во-вторых, за намеренное «разлитие» воды для подтопления целого города или селения (наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжную работу на срок от пятнадцати до двадцати лет) [13, с. 592–593].

Для второй половины XIX века характерно активное кораблестроение и укрепление морского и военно-морского флота [14, с. 19–20]. Делалось это в целях обеспечения внешней безопасности государства. В связи с этим необходимость уголовно-правовой защиты кораблей и судов от посягательств на их сохранность не вызывала сомнений, тем более что, по мнению экспертов в этой области, «русский флот изначально был обречен на серьезные проблемы как в развитии, так и в применении» [15, с. 145]. Соответственно, случаи умыш-

ленного уничтожения или повреждения кораблей или судов в то время можно было квалифицировать в качестве подрыва обороноспособности страны.

Уголовное уложение 1903 года (далее — Уложение 1903 года) также предусматривало отдельную главу тридцатую «О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов» (ст. 547–570).

Описанные нами ранее предметы, которые подлежали уголовно-правовой охране от уничтожения или повреждения, нашли отражение в нормах главы тридцатой Уложении 1903 года. Помимо них уголовно-правовой охране подлежали:

сухопутные или водные пути сообщения (ст. 549);

сооружение, служащее или приспособленное для обороны страны (п. 3 ст. 550);

государственный или общественный склад предметов продовольствия или склад воинских припасов, снарядов или иных воинских вещей (п. 4 ст. 550);

гидротехническое сооружение значительной ценности, служащее средством сообщения, орошения или предупреждения от наводнения (п. 5 ст. 550);

служащие для общего пользования водный путь, шлюз, водоспуск, плотина, мост или иное сооружение, предназначенное для переправы, судоходства или предупреждения наводнения (ст. 557);

железнодорожные пути или подвижной состав железной дороги (п. 1 ст. 558, п. 1 ст. 564);

предостерегательные знаки, установленные для безопасности железнодорожного движения или судоходства (п. 3 ст. 558, п. 2 ст. 564).

Норма, закрепленная в ст. 551 Уложения 1903 года, заслуживает особого внимания. Ответственность устанавливалась за повреждение водопроводного, газопроводного, нефтепроводного или электропроводного «снаряда» общего

пользования или «снаряда», приводящего в действие чужие завод или фабрику, если такое повреждение повлекло остановку действия «снаряда» или угрожало личной безопасности или целостности имущества.

Совокупный анализ описанных законодательных новелл Уложения 1903 года демонстрирует, во-первых, дальнейшее укрепление правовой позиции относительно необходимости уголовно-правового обеспечения экономической безопасности и обороноспособности страны, во-вторых, зарождение основ уголовно-правовой охраны критической инфраструктуры и транспортной безопасности.

Таким образом, период с 1845 по 1922 год является весьма важным этапом в развитии отечественного законодатель-

ства о противодействии диверсионным преступлениям. На уровне соответствующих правовых норм окончательно выстроилась архитектура уголовно-правового обеспечения безопасности государства (ее отдельных компонентов). Настоящим прорывом этого периода следует признать дифференциацию уголовной ответственности за посягательства на предметы, относящиеся к экономической системе, оборонному комплексу и транспортной инфраструктуре страны, и расширение перечня преступных способов повреждения или уничтожения имущества. Помимо известного издревле поджога, таковыми стали признаваться подтопление, взрыв с использованием общепаспных веществ и иные способы (перечень является открытым).

Список источников

1. Ирошников Д.В. Безопасность как правовая категория : специальность 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки» : дис. ... д-ра юрид. наук / Ирошников Денис Владимирович. Москва, 2021. 596 с.
2. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. А.Г. Маньков ; под общ. ред. О.И. Чистякова. Москва : Юрид. лит., 1984. 432 с.
3. Федорова А.Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... канд. юрид. наук / Федорова Анна Николаевна. Казань, 2005. 192 с.
4. Земцов Б.Н. Судебник Ивана III: цели законодателя // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С. 24 – 32.
5. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. 446 с.
6. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV – XV вв. / под ред. Л.В. Черепнина. Москва : Госюриздат, 1955. 527 с.
7. Штамм С.И. Судебник 1497 года : учеб. пособие по истории государства и права СССР. Москва : Госюриздат, 1955. 112 с.
8. Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. Москва : Юрид. лит., 1985. 520 с.
9. Судебник 1550 г. Перевод В.Б. Цыганова // История России до 1917 года : сайт. URL: https://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 10.08.2025).
10. Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов конца XVI – начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов / под общ. ред. О.И. Чистякова. Москва : Юрид. лит., 1984. 570 с.
11. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков ; под общ. ред. О.И. Чистякова. Москва : Юрид. лит., 1986. 512 с.

12. Глембоцкая Т.В. Горнорудный промысел в Российском государстве // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2009. Т. 14, № 12. С. 238 – 248.

13. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

14. Болтрукевич В.А. Развитие Императорского Российского флота во второй половине XIX века в восприятии военно-морских кругов : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Болтрукевич Василий Анатольевич. Москва, 2014. 33 с.

15. Лебедев А.А. К вопросу о месте флота в русском обществе в XVIII – 1-й половине XIX в. // Пространство и Время. 2017. № 2 – 4 (28 – 30). С. 128 – 146.

Информация об авторе

Е.А. Игнатенко – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E.A. Ignatenko – Senior Research Fellow at the Department for scientific support of prosecutorial supervision over compliance with laws in the implementation of operational-investigative activities and prosecutorial participation in criminal proceedings of the Research institute of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.9

ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИКИ: РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Марина Владимировна КАРДАШЕВСКАЯ

*Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева, Москва, Россия,
kardashewsky@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к определению объекта криминалистики в аспекте их исторического развития. Особое внимание уделено мнению представителей научной школы кафедры криминалистики МГУ. Поддерживается традиционная точка зрения о двуедином объекте криминалистики, а также отмечается перспективность криминалистического изучения судебного следствия.

Ключевые слова: криминалистика, объект, преступная деятельность, криминалистическая деятельность, общественные отношения

Для цитирования: Кардашевская М.В. Объект криминалистики: развитие представлений и современные подходы к его определению // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 57 – 63.

Original article

THE OBJECT OF CRIMINALISTICS: THE DEVELOPMENT OF THEORETICAL CONCEPTIONS AND CONTEMPORARY APPROACHES TO ITS DEFINITION

Marina V. KARDASHEVSKAYA

*Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot,
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow,
Russia, kardashewsky@yandex.ru*

Abstract. The article examines the main theoretical approaches to defining the object of criminalistics from a historical perspective. Special attention is given to the views of scholars from the academic school of the Department of criminalistics at Moscow State University. The author supports the traditional conception of the dual object of criminalistics and notes the promising potential of criminalistic study in judicial investigation proceedings.

Keywords: criminalistics, object, criminal activity, criminalistic activity, social relations

For citation: Kardashevskaya M.V. The object of criminalistics: the development of theoretical conceptions and contemporary approaches to its definition. Criminalist. 2026;2(55):57-63. (In Russ.).

Объект науки представляет собой ту специфическую область реальности, на исследование которой ориентирована данная дисциплина. Анализ историографии криминалистики позволяет

сделать вывод о том, что ее основополагающие дефиниции были сформулированы еще на ранних этапах развития. Так, Ганс Гросс, основоположник современной криминалистики, предложил

© Кардашевская М.В., 2026

дуалистическую концепцию объекта науки криминалистики. С одной стороны, криминалистика изучает способы совершения преступлений, сопровождающиеся образованием материальных и идеальных следов, что в современных терминах можно обозначить как преступную деятельность. С другой стороны, данная наука фокусируется на вопросах расследования и исследования указанных следов, что составляет суть деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [1, с. 21]. При этом Ганс Гросс обосновывал необходимость выделения из уголовного процесса новой науки именно важностью изучения преступной деятельности не с точки зрения уголовного права, а с позиции разработки обоснованных рекомендаций по расследованию этой деятельности, что не могло быть объектом изучения уголовного процесса. Новая наука (криминалистика) была (и есть) пограничная между уголовным правом и уголовным процессом область знаний, способствующая прежде всего оптимизации процесса раскрытия и расследования преступлений, т. е. поиску преступника и доказыванию его вины в совершении деяния, за которое предусмотрена уголовная ответственность, при заданных уголовно-процессуальным законодательством ограничениях и условиях.

Такого представления об объекте криминалистики придерживались и представители научной школы кафедры криминалистики МГУ. Ее первый заведующий И.Н. Якимов, выдающийся представитель отечественной криминалистики, в своей фундаментальной работе «Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике» (1925) сформулировал комплексное понятие объекта криминалистики, детально проанализировав ее предметную область и методологические аспекты. Он определил, что объектом криминалистики является многогранная деятельность,

направленная на выявление, раскрытие, расследование преступлений, а также на исследование и анализ физической и моральной личности преступника.

В рамках предложенной концепции Якимов выделил ключевые элементы, входящие в объект криминалистики.

1. Преступная деятельность лиц, осуществляющих подготовку, совершение и сокрытие общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом под угрозой наказания. Данный аспект включает в себя не только сам процесс совершения преступления, но и предшествующую ему подготовительную фазу, а также последующие действия по сокрытию следов преступления.

2. Судебно-следственная практика, представляющая собой широкий спектр деятельности специально уполномоченных законом должностных лиц, осуществляющих работу по уголовным делам. И.Н. Якимов подчеркивал, что именно практика собирания, исследования, оценки и использования доказательств по уголовным делам имеет первостепенное значение для криминалистики, являясь ее эмпирической основой и источником формирования теоретических положений.

В то же время И.Н. Якимов, рассматривая элементы объекта криминалистики, выделял информацию, возникающую в результате преступления и связанную с ним [2].

Точку зрения о двуедином объекте криминалистики поддерживали и последующие руководители кафедры криминалистики МГУ, естественно, уточняя определения объекта своими представлениями. Так, А.Н. Васильев в своих рассуждениях перешел от анализа судебно-следственной практики к более широкому рассмотрению деятельности, направленной на раскрытие и расследование преступной деятельности, которая нашла свое выражение в конкретном преступлении. Он подчер-

кнул, что данная деятельность является производной от преступной активности, выступает в качестве ее антагониста, но при этом органически и неразрывно с ней связана [3].

Н.П. Яблоков деятельность по расследованию преступлений обозначил как криминалистическую, дополнив ее содержание предупреждением преступной деятельности [4].

И.В. Александров включил в объект криминалистики третий элемент — процесс отражения преступной деятельности в следах [5, с. 15].

Есть и иные подходы к формулированию объекта криминалистики. Все новые конструкции можно условно разделить на два противоположных направления: ограничительное и расширительное.

Представители первого направления, такие как В.Д. Корма, В.А. Образцов и ряд других авторитетных исследователей, ограничивают объект науки криминалистики исключительно когнитивными процессами, характерными для профессиональной деятельности следователя [6, с. 7]. Обосновывая данную позицию, авторы постулировали необходимость строгого следования принципу «одна наука — один объект». В соответствии с этим принципом единственным объектом криминалистики они считали специфическую сферу социальной практики, которую определяли как антикриминальную деятельность уполномоченных должностных лиц, осуществляющих уголовно-правовое противодействие преступности.

Тем не менее рассматриваемая концепция не соответствует общепризнанным критериям объекта научного познания. Один из ключевых критериев, установленных в рамках методологии научного исследования, заключается в том, что любая научная дисциплина может оперировать множеством объектов исследования, каждый из которых

может быть предметом детального анализа и систематического изучения [7, с. 37].

Позиция В.Д. Кормы и В.А. Образцова подверглась обоснованной критике со стороны таких представителей криминалистической науки, как А.М. Кустов [8, с. 59 — 64], Г.М. Меретуков [9, с. 4 — 14], В.Н. Карагодин [10, с. 118 — 126] и др. Г.М. Меретуков подчеркивает категорическую несостоятельность отрицания двуединого объекта криминалистики. Данная научная дисциплина, являясь частью системы юридических знаний, не охватывает всю совокупность преступной деятельности, что является предметом изучения криминологии. Криминалистика фокусируется на отдельных аспектах преступной деятельности, таких как методы подготовки и совершения преступления, механизмы сокрытия следов преступной деятельности, процессы формирования следов, а также характеристики личности подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего. Эти элементы составляют комплексный объект криминалистического исследования, который позволяет более детально и эффективно анализировать и расследовать преступные деяния.

Ввиду того, что оба вида человеческой деятельности — преступная и правоохранительная — находятся в функциональной связи и взаимозависимости, где действия одной из них неизбежно порождают соответствующие ответные действия другой, можно утверждать о существовании двуединого объекта криминалистики. Эта двуединая природа обусловлена диалектическим взаимодействием между преступной деятельностью, представляющей собой совокупность общественно опасных деяний, и правоохранительной деятельностью, направленной на их выявление, расследование и пресечение [11, с. 9].

Действительно, для разработки рекомендаций по осуществлению так

называемой антикриминальной деятельности надо познать криминальную деятельность, понять существующие в ней закономерности, иначе криминалистика просто превратится в псевдонауку, разрабатывающую рекомендации по применению норм уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, криминалистика как наука, изучающая закономерности механизма преступления и методы его расследования, выступает в качестве интегративного знания, объединяющего эти два взаимообусловленных аспекта.

Другим направлением трансформации объекта криминалистики является его расширение, предполагающее интеграцию в него исследовательских аспектов, связанных с деятельностью по рассмотрению административных, гражданских и иных правонарушений. Данная концепция находит поддержку среди ведущих специалистов в области криминалистики, что подтверждается многочисленными научными исследованиями и публикациями. Среди сторонников данной идеи выделяются такие авторитетные ученые, как Т.С. Волчецкая [12, с. 350–363], М.В. Жижина [13, с. 2020–2027], Е.Р. Россинская [14, с. 56–59] и другие представители научного сообщества, активно развивающие методологические основы криминалистики [15; 16, с. 68–75; 17, с. 191–195]. Однако, как справедливо указывает В.Н. Карагодин, применение криминалистических методик в различных сферах правоприменительной практики, направленной на выявление, исследование и изобличение правонарушений, не может служить достаточным основанием для расширения объекта и предмета криминалистики. Скорее, это свидетельствует о высокой востребованности криминалистических рекомендаций в контексте различных видов юридической деятельности [10, с. 118–126]. Кроме того, дополнение криминалистики новыми объектами,

не связанными с преступной деятельностью, превращает ее в метанауку, разрабатывающую рекомендации для всех. Однако для разработки рекомендаций по проведению административного расследования надо быть специалистом и в административном праве (как минимум знать предмет доказывания по тому или иному административному составу), и в административном процессе. В последние годы защищены не одна диссертация по криминалистике, в которых выработаны рекомендации по использованию криминалистических знаний в других процессах [18; 19; 20]. Однако в этих работах подразумевается, что научный вклад вносится не только в криминалистику, но и в административную деятельность, гражданский процесс и т. д. Интересно, а как представители других наук оценивают вклад криминалистов? Представляется, что такие исследования должны быть комплексными, а не исключительно по криминалистике.

Говоря о тенденции расширения объекта криминалистики, следует отдельно выделить судебное следствие. Еще И.Н. Якимов акцентировал внимание на том, что данная дисциплина не ограничивается рамками предварительного расследования, а представляет собой комплексный подход к установлению истины в уголовном процессе. Он подчеркивал, что криминалистический анализ должен осуществляться на всех этапах уголовного судопроизводства, начиная с момента возбуждения уголовного дела и заканчивая вынесением приговора [2].

О том, что познавательная деятельность в рамках судебного следствия является неотъемлемым элементом объекта криминалистики, говорят и такие ученые, как В.Н. Карагодин и А.М. Кустов и другие авторитетные исследователи [21; 22, с. 71–78]. С точки зрения профессора И.М. Комарова, криминалистика выполняет функцию обеспече-

ния эффективного функционирования досудебного производства и частично судебного разбирательства по уголовным делам. Таким образом, судебное разбирательство представляет собой неотъемлемую часть предметной области криминалистической науки, что подтверждается наличием объективных доказательств, свидетельствующих о тесной взаимосвязи между этими двумя аспектами [23, с. 30 – 34].

Действительно, решение задач уголовного судопроизводства не заканчивается вынесением обвинительного заключения (обвинительного акта), поэтому есть все основания для расширения объекта криминалистики в этом направлении.

И еще один спорный вопрос, касающийся объекта криминалистики. В современной криминалистической науке существует дискуссия относительно определения объекта криминалистических исследований. С одной стороны, большинство ведущих ученых, такие как Р.С. Белкин, В.Н. Карагодин, В.Г. Коломацкий, И.М. Лузгин, Л.Д. Самыгин и Н.П. Яблоков, рассматривают преступную деятельность и деятельность по ее раскрытию и расследованию как основные объекты криминалистического анализа. Они подчеркивают, что криминалистика изучает закономерности, связанные с совершением преступлений и методами их выявления, раскрытия и расследования.

С другой стороны, ряд ученых-правоведов, включая представителей школы правоведения, утверждают, что объектом криминалистики являются общественные отношения, возникающие в процессе раскрытия и расследования преступлений. Они рассматривают криминалистику как науку, которая изучает социальные и правовые аспекты взаимодействия между субъектами, участвующими в процессе расследования, а также правовые нормы и институты, регулирующие эти отношения.

Таким образом, существует два основных подхода к определению объекта криминалистических исследований: деятельностный, акцентирующий внимание на конкретных действиях и процессах, связанных с преступной деятельностью и ее раскрытием, и социально-правовой, фокусирующийся на анализе общественных отношений и правовых механизмов, возникающих в ходе расследования преступлений.

То, что при осуществлении деятельности по раскрытию и расследованию преступлений складываются общественные отношения, не вызывает сомнения, поскольку эта деятельность регламентируется уголовно-процессуальным законодательством. Более спорным является отнесение к объекту криминалистических исследований общественных отношений, которые складываются при совершении преступлений. Специалисты в области уголовного права аргументируют, что совершение преступления приводит к возникновению нежелательных для социума девиаций. Преступное деяние дестабилизирует функционирование общественных отношений как сложной системы, что, в свою очередь, вызывает дисбаланс в правопорядке и общественном порядке. Это создает препятствия для граждан в реализации их прав, удовлетворении потребностей и интересов, а также подрывает доверие к институтам власти и правоприменительной системе [24, с. 162 – 168; 25].

А.М. Кустов аргументированно утверждает, что общественные отношения выступают в качестве ключевого объекта познания правовых наук. Это обусловлено необходимостью их последующего нормативного регулирования в рамках соответствующих отраслей права, а также возможностью их уточнения в случае уже существующего законодательного закрепления [22, с. 71 – 78], поэтому они не могут быть объектом криминалистического познания. Таким

образом, объектом криминалистики как науки является только деятельность — преступная деятельность и деятельность предварительного следствия, дознания и суда по расследованию и судебному разбирательству уголовных дел о совершенных преступлениях.

Криминалистика относится к специальности «Уголовно-правовые науки». Данная научная специальность, появившаяся в 2021 году в результате изменения номенклатуры научных специальностей, допускает проведение научных исследований не только в рамках криминалистики, но и затрагивая смежные науки, такие как уголовное право, уголовный процесс, криминология, оперативно-разыскная деятельность, экспертология. Интеграция знаний из различных научных дисциплин помогает глубже понять механизмы преступной деятельности, способствуя комплексному анализу и прогнозированию криминальных явлений. Это дает возможность устранять

пробелы в теоретическом и практическом понимании процессов расследования преступлений.

В то же время объектом перечисленных наук служат общественные отношения, и когда исследователь-криминалист затрагивает те или иные вопросы, изучаемые смежными науками, объектом его исследования становятся общественные отношения, связанные как с преступной, так и криминалистической деятельностью.

Поэтому считаю целесообразным в рамках диссертационных исследований в качестве объекта выделять именно общественные отношения, складывающиеся при совершении преступления и в ходе предварительного следствия, дознания и судебного разбирательства уголовных дел. Это позволит исследователю изучать не только саму деятельность, но и правовые нормы, ее регламентирующие.

Список источников

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики : пер. с нем. 4-е доп. изд. Санкт-Петербург : Н.К. Мартынов, 1908. 1040 с.
2. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Москва : ЛексЭст, 2003. 471 с. (Антология криминалистики).
3. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. Москва : ЛексЭст, 2002. 64 с. (Антология криминалистики).
4. Криминалистика : учебник / Т.С. Волчецкая, В.Л. Крылов, М.А. Лупечкина [и др.] ; отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2001. 718 с.
5. Яблоков Н.П., Александров И.В. Криминалистика. Учебник. В 5 т. Т. 1. История криминалистики / под общ. ред. И.В. Александрова. Москва : Юрайт, 2023. 205 с. (Университеты России).
6. Корма В.Д., Образцов В.А. Проблемы совершенствования парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // Вестник криминалистики. 2013. № 2 (46). С. 7—12.
7. Полякова Я.С. Общие проблемы философии науки : учеб. пособие для аспирантов. Волгоград : ВГАФК, 2011. 297 с.
8. Кустов А.М. Научный взгляд на предмет и объект криминалистики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 59—64.
9. Меретуков Г.М. Еще раз об объекте и предмете криминалистики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 96. С. 633—652. URL: <https://ej.kubagro.ru/2014/02/pdf/44.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).
10. Карагодин В.Н. Современный этап эволюции российской криминалистики: оценки, траектории, качество // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1. С. 118—126.

11. Криминалистика. Полный курс / В.В. Агафонов, И.А. Архипова, А.В. Белавин [и др.] ; под общ. ред. А.Г. Филиппова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2011. 835 с. (Серия: Магистр).
12. Волчецкая Т.С. Современные направления развития криминалистики как науки и как учебной дисциплины // Вестник Башкирского университета. 2015. № 1. С. 350–363.
13. Жижина М.В. Криминалистическое обеспечение методики доказывания в гражданском (арбитражном) судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. С. 2020–2027.
14. Россинская Е.Р. Проблема криминалистического обеспечения гражданского судопроизводства // Проблемы гражданского судопроизводства : материалы Всерос. межвуз. науч.-практ. конф. Москва, 1994. С. 56–59.
15. Лаврухин С.В., Комягина Ю.С. Объекты и предмет криминалистики : монография. Москва : Юрлитинформ, 2013. 470, [1] с. (Библиотека криминалиста : БК).
16. Голованов А.А. Криминалистическое обеспечение административного расследования: основные направления // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2006. № 9. С. 68–75.
17. Рец Д.С. Применение криминалистических методов в административном производстве // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 3. С. 191–195.
18. Нестеров С.Л. Криминалистическое обеспечение административной деятельности органов внутренних дел : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Нестеров Сергей Леонидович. Санкт-Петербург, 2006. 174 с.
19. Фоченкова Н.А. Использование криминалистических знаний при обнаружении и исследовании доказательств в административном процессе: на материалах России и Литвы : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Фоченкова Наталья Анатольевна. Калининград, 2003. 184 с.
20. Авдонин Д.А. Взаимодействие подразделений дознания и административных расследований в борьбе с преступлениями, отнесенными к компетенции таможенных органов : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Авдонин Дмитрий Алексеевич. Москва, 2007. 191 с.
21. Карагодин В.Н. Криминалистика : учебник. Москва : ИНФРА-М, 2026. 598 с.
22. Кустов А.М. Этапы развития предмета и объектов криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3.2. С. 71–78.
23. Комаров И.М. Предмет криминалистики и современные криминальные вызовы // Эксперт-криминалист. 2025. № 3. С. 30–34.
24. Ткаченко И.Н. К вопросу об актуальности общественных отношений как объекта преступления // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. Vol. 3-1 (90). P. 162–168.
25. Иванов Н.Г. Курс уголовного права. Общая часть : учеб. пособие. Москва : Проспект, 2019. 784 с.

Информация об авторе

М.В. Кардашевская – профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

M.V. Kardashevskaya – Professor at the Department of criminalistics of Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Professor at the Department of criminalistics of Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.3/7

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Елена Владимировна КУНЦ

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Москва, Россия, 73kuntc@mail.ru

Аннотация. В настоящее время преступления, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а равно на унижение человеческого достоинства, проявляют себя в обостренной и даже трагически конфликтной форме. Усиление социальной напряженности находит внешнее выражение в учащении этих преступлений. Возникла потребность в системном изучении истоков, мотивов данных коллизий, их природы, что позволило бы выйти на выработку научно обоснованных рекомендаций как по расследованию, так и по профилактике указанных преступлений. Установлено, что увеличение числа подобных преступлений не является следствием демократических процессов в стране, связанных с расширением прав и свобод граждан, в том числе права на свободу вероисповедания, реализацию социальных ценностей. Значение мотивов анализируемого преступления велико. Их знание помогает в значительной мере определить степень общественной опасности как преступления, так и лица, его совершившего.

Ключевые слова: вражда, мотив, ненависть, преступление, субъект, унижение, человеческое достоинство

Для цитирования: Кунц Е.В. Исследование мотивов преступлений, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 64 – 68.

Original article

AN EXAMINATION OF MOTIVES OF CRIMES UNDERLYING THE INCITEMENT OF HATRED OR ENMITY, AND HUMILIATION OF HUMAN DIGNITY

Elena V. KUNTS

Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
73kuntc@mail.ru

Abstract. Currently, motives aimed at inciting hatred or enmity, as well as humiliating human dignity, manifest themselves in increasingly acute and, at times, conflictual or tragic forms. The growing social tension finds external expression in the rising incidence of such crimes. Consequently, there is a pressing need for a systematic study of the origins and motivating factors underlying these conflicts, and their nature, which would facilitate the development of scientifically grounded and practical recommendations for both their resolution and the prevention of such offences. It has been established that the increase in the number of these crimes is not a consequence of the country's democratic processes associated with the expansion of citizens' rights and freedoms, including the rights to liberty, freedom of conscience, and the realization of social values. At the law enforcement level, strict adherence to the Constitution of the Russian Federation

© Кунц Е.В., 2026

and the Criminal Code of the Russian Federation is imperative. The importance of motives in the analysed offense is substantial. They play a crucial role in determining the degree of public danger posed both by the offense itself and by the individual who committed it.

Keywords: enmity, motive, hatred, crime, subject of crime, humiliation, human dignity

For citation: Kunts E.V. An examination of motives of crimes underlying the incitement of hatred or enmity, and humiliation of human dignity. *Criminalist*. 2026;2(55):64-68. (In Russ.).

В демократическом правовом государстве и обществе, если ущемляются конституционные права человека и его достоинство, наносится ощутимый вред отношениям между различными группами и слоями населения. Неправильно утверждать, что возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства не причиняют вреда ни жертве, ни обществу. У гражданина, ставшего жертвой противоправного деяния, возникает чувство страха перед преступностью в целом, а причиненный ему вред сказывается на качестве его жизни в течение длительного времени. Тяжелыми являются и социальные последствия. Жертва утрачивает доверие к своему социальному окружению, пытается держаться в стороне. Нередко у нее возникают трудности межличностного общения. Установление мотива преступления, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, позволит в рамках специальной превенции минимизировать число данных преступлений.

Согласно сведениям официальной статистики, в 2010 году было зарегистрировано 272 преступления, квалифицируемых по ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», в 2015 году — 825, в 2024 году — 120¹.

¹ Данные из формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Сведения о зарегистрированных преступлениях» за 2010—2024 годы // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.02.2026).

Следует отметить, что правовая природа мотива преступления, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, к сожалению, остается вне исчерпывающего правового исследования.

Понятие «мотив» в русском языке происходит от французского *motif*, которое, в свою очередь, произошло от латинского *movere* (*moveo*) — двигать (двигаю) и в обыденном понимании означает побудительную причину действий человека. По своей природе мотив, как и цель, относится к психологическим категориям. Их исследованием занимаются ученые, представляющие различные отрасли науки. Имеют существенное значение они и для уголовного права [1, с. 12].

В настоящее время ставится вопрос о необходимости разработки более конкретного определения понятия мотива при раскрытии признаков преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ.

В целях формулирования четкого и значимого определения понятия мотива преступления следует нейтрализовать желание использовать термин в его общепринятом для ученых-юристов понимании, в частности как внутренняя побудительная причина совершения какого-либо деяния, и обратиться к исследованиям отечественных психологов, объясняющих мотивы, поступки и действия преступника. С одной стороны, это позволит не смешивать мотив со схожими психическими процессами, например потребностями преступника и преследуемыми им целями, с другой стороны, обращаясь к имеющимся ис-

следованиям в области общепсихологической теории, возможно рассмотрение формирования мотива в рамках общих психических процессов, сопровождающих деяние, и окружающей личность обстановки.

По мнению А.Н. Попова, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда в основе имеют соответствующие предрассудки и суеверия, формировавшиеся на протяжении длительного времени [2, с. 888].

Н.Г. Рахматулина под мотивом социальной ненависти или вражды понимает «усиление контраста между различными социальными группами в результате образования класса богатых и класса бедных» [3, с. 11].

Результаты анализа судебно-следственной практики свидетельствуют, что в 14 % уголовных дел, в которых мотив назван как «внезапно возникшие личные неприязненные отношения», на самом деле имел место мотив социальной ненависти [4, с. 66]. Уголовное преследование лиц, совершивших преступление на данной почве, связано с определенными трудностями, поскольку доказательства по делам этой категории в значительной части относятся к сфере умысла, признакам, характеризующим субъективную сторону состава преступления [4, с. 72].

Считается, что в основе мотива лежит конкретное переживание, с которым связано принятие непосредственно субъектом, преступником, решения о совершении преступления [5].

При этом «переживание» понимается, применительно к внутренним сознательно создаваемым обстоятельствам, и как временное эмоциональное состояние лица, и как устоявшиеся свойства личности, которые в большей или меньшей степени могут стать мотивом, а также применительно к внешним обстоятельствам и ситуациям, способствующим реализации противоправного деяния.

Эти внешние ситуационные обстоятельства могут привести к совершению деяния, при этом как совпадать со временем совершаемого деяния, так и найти отражение в биографии преступника и обусловить принятие решения совершить противоправное деяние. При этом движущей силой является не объективно сложившаяся ситуация, а субъективно окрашенная интерпретация внешних условий.

Преимущество данного определения заключается в том, что оно, в отличие от общепринятой дефиниции мотива по Н. Нейсхаузен, более широко трактуящему понятие мотива как вида многофакторной модели, включает в себя прежде всего относящиеся к самой личности факторы, а также внешние ситуативные факторы, определяя тем самым отношение преступника к деянию [5]. Наличие обозначенной проблемы не сводится к разработке общеобязательных правил, поскольку научные исследования проводятся на основе конкретных уголовных дел. Целью таких исследований является выявление мотивообразующих факторов на примере конкретного преступного поведения.

Научный подход к анализу мотивов преступления, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, включает в себя разные методики. С их помощью можно реконструировать периодизацию отдельных этапов жизни преступника и затем выявить содержание субъективного восприятия конкретным преступником жизненных обстоятельств и их взаимосвязь.

Метод личностного познания позволит расширить наблюдаемый предмет, в рассматриваемом случае — круг поведенческих установок лица, совершившего преступление, а также поставить цель выявить его внутренние побуждения. При этом, для того чтобы проанализировать вероятность воздействия на формирование мотива, необходимо

изучить находящуюся в распоряжении лица, производящего предварительное расследование, информацию о личностных данных преступника, условиях и обстоятельствах его жизни, используя при этом все информационные системы правоохранительных органов, показания лиц, имеющих отношение к конкретному преступнику, показания самого преступника, информацию по материалам предварительного расследования, описание содеянного, сведения о времени и месте совершения преступления, о развитии события преступления, информацию о потерпевших, о поведении преступника после совершения преступления.

При составлении общей картины мотивообразующих факторов, имеющих отношение к рассматриваемому преступлению, нельзя забывать о таких категориях, как комплексность мотивов и процесс развития мотивов. Строгое следование названным принципам исследования возможно в рамках изучаемых мотивов преступления применительно к редко совершаемым преступлениям.

Вместе с тем следует отметить, что мощный подъем национального самосознания и сильные тенденции религиозного возрождения выявили различные аспекты влияния религиозных учений, ритуалов, лозунгов на взаимоотношения между нациями, народностями, этническими группами и индивидами. Одновременно они продемонстрировали возможности использования религиозных мотивов для возбуждения и поддержания межнациональных конфликтов. Любая религия имеет мощный идейный потенциал, который всегда может быть обращен во вред межнациональному согласию. Исследование межнациональных конфликтов привело психологов к выводу о том, что они обычно развиваются по определенной схеме. В сознании людей, принадлежащих к определенной этнической группе, возникает образ врага, которым наделяется другая группа

людей, действительно или мнимо ущемляющая интересы первой группы [6, с. 327 – 328].

Другим источником ошибок является возможность фальсификации рассказанных преступником историй из своей жизни в силу развития так называемых субъективных теорий. Лица, находящиеся под контролем правоохранительных органов, мотив преступления в большей или меньшей степени сознательно направляют в сторону социальных желаний. С другой стороны, они предпочитают рассказывать печальные истории, поскольку ожидают снисхождения. В этой связи можно также назвать часто наблюдавшееся стремление преступника рационализировать совершенные им действия, в результате чего, например, соединение мотивов превращает их в правильные аргументы или оправдывающие преступника мотивы.

Наряду с виной установление мотива совершения преступления является основанием для назначения наказания. Мотив преступления находится в зависимости от отношения преступника к деянию и устанавливается, в частности, посредством изучения личности преступника, его социального статуса, занимаемой должности, предшествующего преступлению образа жизни.

Установление мотива преступления играет определяющую роль, поскольку в большинстве случаев сама гипотеза мотива совершения противоправного деяния определяет выбор методики и направленность действий следователя при проведении предварительного расследования. Необходимо подчеркнуть и значимость разработки криминологических методик по конкретному делу, принимая во внимание направленность уголовно-правовой системы, связанную с осуществлением общей и специальной превенции.

Мотив преступления является основополагающим критерием оценки личности преступника и его взаимоотноше-

ний с социальным окружением. Работа по установлению мотива преступления преследует цель применения на практике результатов этой работы в рамках судебного разбирательства, исполнения наказания, прогнозирования поведения преступника в будущем.

Стабильность тенденции увеличения удельного веса преступлений данного вида, низкая эффективность уголовного закона, недостаточная научная обоснованность уголовно-правовых норм, принятие законодателем не всегда удачных решений оказывают неблагоприятное воздействие на эффективность указанных уголовно-правовых норм.

Правоприменителям в анализируемой сфере в качестве руководства правильнее было бы использовать межведомственные нормативно-правовые акты, издание которых позволило

обеспечить единый подход и полноту отображения в формах федерального статистического мониторинга данных касательно состояния преступности данного вида в Российской Федерации.

Если говорить о перспективах научных исследований, связанных с изучением мотивов совершения преступлений, то подход к рассмотрению, анализу конкретного преступления с позиции установления мотивообразующих факторов преступления аналогичен подходу к изучению проблем преступного поведения. Если предстоит изучение нескольких дел, то задача состоит в разработке теоретических положений, касающихся, в частности, исследования участия преступника в совершенных преступлениях, что послужит более углубленному объяснению причин социально отклоняющегося поведения.

Список источников

1. Капинус О.С. Убийства: мотивы и цели. Москва : Изд-во ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. 310, [1] с.
2. Попов А.Н. Убийства приотягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 896 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. Юрид. центр).
3. Рахматулина Н.Г. Убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести: вопросы квалификации и индивидуализации наказания : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Рахматулина Наталья Гаптрахмановна. Ставрополь, 2005. 203 с.
4. Голубовский В.Ю., Кунц Е.В. Межнациональные, религиозные отношения и будущее России: конфликты и потенциал гражданского общества. Москва : Проспект, 2017. 144 с.
5. Kigas V.N. Study of crime motives // Kriminalistik. 2006. No. 2. P. 98 – 102.
6. Шихирев П. Психологические факторы в межнациональных отношениях // Через перестройку — к новому облику социализма: теоретические и методологические проблемы общественных наук : по материалам Всесоюз. науч.-практ. конф. (январь 1989 г.) / АН СССР [и др.] ; редкол.: В.Н. Кудрявцев [и др.]. Москва : [б. и.], 1989. С. 327 – 328.

Информация об авторе

Е.В. Кунц — главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

E.V. Kunts — Chief research fellow at the Department for the development of methodologies for the execution of sentences involving deprivation of liberty and the study of penitentiary crime, Center for the study of security issues in institutions of the penal enforcement system, Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.5

ОБ ОПАСНОСТИ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ И МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ ИХ СБЫТА

Елена Николаевна КУРИЛОВА¹, Лариса Владимировна ГОТЧИНА²

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Белгород, Россия, alikut_91@mail.ru

² Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается момент окончания сбыта сильнодействующих веществ. Согласно норме статьи 234 УК РФ уголовно наказуемые деяния включают любые способы возмездной или безвозмездной передачи другим лицам сильнодействующих веществ, а также иные способы их реализации. Рассматривая судебную практику, авторы приходят к выводу, что суды демонстрируют разную правовую позицию при определении момента окончания поступления, предусмотренного статьей 234 УК РФ. Это создает правовую неопределенность и затрудняет единообразное применение закона. Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием прямого указания в законе, какие именно действия образуют окончанный сбыт. Суды по-разному применяют общие принципы, изложенные в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14.

Ключевые слова: наркотические средства, сбыт, сильнодействующие вещества, момент окончания, судебная практика, преступление

Для цитирования: Курилова Е.Н., Готчина Л.В. Об опасности сильнодействующих веществ и моменте окончания их сбыта // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 69 – 74.

Original article

ON THE DANGER OF POTENT SUBSTANCES AND THE MOMENT OF COMPLETION OF THEIR ILLICIT DISTRIBUTION

Elena N. KURILOVA¹, Larisa V. GOTCHINA²

¹ Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
named after I.D.Putlin, Belgorod, Russia, alikut_91@mail.ru

² St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, gotchina@yandex.ru

Abstract. The article explores the moment when the distribution of potent substances is completed. According to Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal acts include any forms of transferring potent substances to other individuals, whether for payment or free of charge, as well as any other means of distribution. Analyzing of judicial practice, the authors conclude that courts have differing opinions on when the offence under Article 234 CC RF is considered complete. This lack of consistency creates legal uncertainty and impedes the uniform application of the law. The relevance of this research arises from the absence of a clear statutory

© Курилова Е.Н., Готчина Л.В., 2026

provision specifying the actions that constitute the completed act of distribution. Courts interpret the general principles outlined in Resolution No. 14 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15 June 2006 in various ways.

Keywords: narcotic drugs, distribution, potent substances, moment of completion, judicial practice, crime

For citation: Курилова Е.Н., Готчина Л.В. On the danger of potent substances and the moment of completion of their illicit distribution. Criminalist. 2026;2(55):69-74. (In Russ.).

Наркопреступность существует уже длительный период времени, однако мировому сообществу не удается найти эффективный способ борьбы с ней из-за ее масштабного характера. Наркопреступность не только социальное явление, она представляет собой криминологический вызов, затрагивающий основы национальной безопасности, здоровья нации, нравственности и правопорядка. Распространение наркотиков и сильнодействующих веществ подрывает социальную стабильность, способствует деградации личности, разрушению семейных ценностей и росту показателей преступности, что делает противодействие наркопреступности приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации.

Необходимо отметить, что данная проблема имеет не «региональный окрас», а уже давно устоялась как международная. Так, в ежегодном докладе Международного комитета по контролю над наркотиками (МККН) за 2024 год отмечается, что «наблюдаемый в последние годы быстрый рост масштабов изготовления и употребления синтетических наркотиков и сильнодействующих веществ создает значительные проблемы для систем здравоохранения и международной системы контроля над наркотиками»¹. Этим МККН обращает внимание

государств на необходимость совершенствования методов борьбы с такого рода преступлениями, их предупреждения и профилактики во избежание еще большего использования населением наркотических средств и сильнодействующих веществ.

Большая «популярность» наркотиков среди населения говорит об увеличении доли незаконного их оборота, как следствие, можно утверждать о крайне высоких темпах роста показателей этой преступности. Это подтверждает и официальная статистика: в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 года № 733, отмечается, что одной из ключевых угроз национальной безопасности является рост производства и распространения синтетических наркотиков внутри страны, а также рост числа потребителей психоактивных веществ без медицинских показаний. Отдельно подчеркивается тенденция к увеличению числа случаев незаконного употребления лекарственных препаратов психоактивного действия, что создает угрозу расширения границ наркомании и увеличения числа полинаркоманов².

¹ Распространение синтетических наркотиков приводит к перестройке рынков / Новости ООН // Организация Объединенных Наций : офиц. сайт. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/03/1461846> (дата обращения: 20.11.2025).

² Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 : текст с изм. и доп. на 16 февр. 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&LastDoc=1&nd=102915685> (дата обращения: 12.04.2026).

В СМИ и профилактических кампаниях доминирует тема наркотиков. О них пишут статьи, снимают документальные фильмы. Разработана законодательная база, регулирующая их оборот. На этом фоне сильнодействующие вещества остаются в тени, хотя и несут сопоставимую угрозу общественной безопасности и здоровью граждан.

Согласно Докладу о наркоситуации в России за 2024 год, особое внимание необходимо уделять профилактике, выявлению и пресечению преступлений и административных правонарушений, связанных с «аптечной наркоманией» и незаконным оборотом сильнодействующих веществ¹.

Так, в 2024 году:

общее число преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков увеличилось на 3,7 % и составило 198 043 случая;

преступления, связанные со сбытом наркотиков, составили 68,2 % от общего числа наркопреступлений. Их количество увеличилось на 7 % — с 126 159 до 134 998 случаев;

число преступлений, связанных с незаконным оборотом сильнодействующих веществ, увеличилось на 43,5 %;

зарегистрирован прирост показателя числа преступлений, связанных с контрабандой запрещенных веществ, на 37,5 %, производством наркотиков — на 11,1 % и легализацией доходов от преступной деятельности — на 23,7 % [1].

Сбыт сильнодействующих и ядовитых веществ — уголовно наказуемое деяние, квалифицируемое по ст. 234 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Наказание варьируется от штрафа и обязательных ра-

бот до лишения свободы на длительный срок, в зависимости от обстоятельств совершения преступления. Ответственность по ст. 234 УК РФ наступает только за незаконный оборот веществ, не относящихся к наркотическим средствам и психотропным веществам.

Список сильнодействующих веществ утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 года № 964 (ред. от 1 ноября 2025 года). В него входят, например:

анаболические стероиды (тестостерон, оксандролон, метандиенон);

некоторые психотропные препараты (прегабалин);

вещества, используемые в спортивной индустрии (норкlostебол, норэтандролон)².

Крупный размер сильнодействующих веществ определен в вышеуказанном Постановлении Правительства Российской Федерации.

Федеральным законом от 1 марта 2012 года № 18-ФЗ внесены принципиальные изменения в оценку размеров наркотических средств, установлена их трехуровневая система: значительный, крупный и особо крупный размеры³. До его принятия были лишь две категории — крупный и особо крупный размеры. Количественные и качественные параметры вещества влияют на

²Список сильнодействующих веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964 : текст с изм. и доп. на 1 нояб. 2025 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902081356> (дата обращения: 01.12.2025).

³О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ : текст с изм. и доп. на 3 июля 2016 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902332158> (дата обращения: 01.12.2025).

¹Доклад о наркоситуации в России за 2024 год // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://35kichgorodeckij.gosuslugi.ru/netcat_files/607/2719/Doklad_o_narkosituatsii_v_RF_v_2024_g.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

квалификацию деяния. Законодательные изменения, при всей их сложности, стимулировали совершенствование правоприменительной практики и отразились на оценке степени общественной опасности деяния.

Размер вещества предусмотрен и диспозицией нормы ст. 234 УК РФ об ответственности за незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ. Так, согласно ч. 3 ст. 234 УК РФ уголовная ответственность наступает за «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в отношении сильнодействующих веществ в крупном размере». То есть, в отличие от ряда других статей УК РФ, регламентирующих незаконный оборот запрещенных веществ, здесь фигурирует единственный квалифицирующий признак по объему — «в крупном размере». Формулировка однозначна: иные размеры в диспозициях норм не предусмотрены.

Уголовная ответственность наступает только при наличии цели сбыта. Если вещества хранились для личного употребления, состава преступления по ст. 234 УК РФ нет. Умысел на сбыт может подтверждаться крупным размером веществ, их расфасовкой, наличием оборудования для расфасовки и другими доказательствами.

В диспозиции ч. 1 ст. 234 УК РФ незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ определяется как незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а равно незаконный сбыт сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, либо оборудования для их изготовления или переработки. То есть незаконный оборот

сильнодействующих и ядовитых веществ — это оборот указанных предметов, осуществляемый в нарушение законодательства Российской Федерации [1, с. 306]. Детальное перечисление альтернативных деяний не является гарантией единообразного толкования судами момента окончания преступления при его квалификации.

Так, согласно кассационному определению Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2022 года № 77-1651/2022, нельзя согласиться с доводами жалобы адвоката о переквалификации (с ч. 3 ст. 234 на ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 234 УК РФ) действий П., которая, желая заработать, оплатила через сеть «Интернет» сильнодействующее вещество с целью сбыта, однако не смогла довести преступление до конца по независящим от нее обстоятельствам, поскольку была задержана сотрудниками полиции на выходе из почты с посылкой. Кассационный суд обратил внимание, что состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 234 УК РФ, является формальным, т. е. преступление следует считать оконченным с момента приобретения сильнодействующих веществ. Судом установлено, что П. незаконно приобрела в целях последующего сбыта неопределенному кругу лиц сильнодействующее вещество в крупном размере, получив его в почтовом отделении. Задержана при выходе из почтового отделения. Таким образом, с момента получения данного сильнодействующего вещества П. выполнила объективную сторону данного преступления в полном объеме. Установив фактические обстоятельства преступления, суд правильно квалифицировал действия П. по ч. 3 ст. 234 УК РФ¹.

¹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2022 г. по делу № 7У-2639/2022

Однако, согласно приговору Свердловского районного суда г. Белгорода № 1-117/2022, действия П.Е.Г., которая забрала посылку с сильнодействующими веществами, расфасовала их для дальнейшего сбыта и получения материальной выгоды, но не смогла довести свои преступные действия до конца по независящим от нее обстоятельствам, поскольку была задержана сотрудниками полиции, были квалифицированы как покушение на сбыт сильнодействующих веществ в крупном размере¹.

Противоречия между решениями судов по аналогичным делам связаны с отсутствием единообразного толкования законодателем момента окончания преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» упоминается о сильнодействующих веществах в нескольких пунктах. Один из ключевых — пункт 35, в котором речь идет о назначении наказания за преступления, связанные с этими веществами. Подчеркивается, что при определении наказания суд должен учитывать требования ст. 60 УК РФ и рассматривать обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность².

[77-1651/2022] // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/76o9oAlFPRI/> (дата обращения: 21.10.2025).

¹ Приговор Свердловского районного суда г. Белгорода от 5 декабря 2022 г. по делу № 1-117/2022 // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/75672296> (дата обращения: 01.12.2025).

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федера-

Как показывает судебная практика, разъяснений, касающихся сильнодействующих веществ, приведенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами», недостаточно. В связи с чем считаем необходимым дополнить данное Постановление Пленума пунктом 35.1, в котором указать, что по конструкции объективной стороны незаконное приобретение в целях сбыта сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, предусмотренное ст. 234 УК РФ, является формальным составом, т. е. преступление следует считать оконченным с момента получения указанных веществ.

Сильнодействующие вещества — не менее опасная альтернатива наркотикам и представляют самостоятельную угрозу здоровью населения с серьезными социальными и медицинскими последствиями. Их игнорирование в публичном дискурсе и профилактических программах создает ложное ощущение безопасности и способствует росту злоупотреблений.

Нужны системные меры: от просвещения до ужесточения контроля, чтобы защитить общество от скрытого вреда сильнодействующих веществ. Требуется обратить внимание законодателя на необходимость разъяснения корректности определения момента окончания преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, для правильной его квалификации.

ции от 15 июня 2006 г. № 14 : текст с изм. и доп. на 16 мая 2017 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8251/> (дата обращения: 05.12.2025).

Список источников

1. Зиняк Я.С. Актуальные проблемы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Инновации. Наука. Образование. 2023. № 72. С. 303—310.

Информация об авторах

Е.Н. Курилова — старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук;

Л.В. Готчина — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Information about the authors

E.N. Kurilova — Senior Lecturer at the Department of criminal law disciplines of Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin, Candidate of Science (Law);

L.V. Gotchina — Professor at the Department of criminal law, criminology, and penal enforcement law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Candidate of Science (Sociology), Professor.

Научная статья
УДК 343.3

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ПРИ ЗАЩИТЕ ЖИЛИЩА

Андрей Вячеславович НИКУЛЕНКО

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
nikulenkoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1332-4621>, Web of Science ResearcherID Q-1496-2016

Аннотация. 17 июня 2024 года на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации был представлен законопроект № 648716-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части уточнения пределов необходимой обороны), которым предоставляется право «беспределельной» обороны при посягательствах, сопряженных с проникновением в жилище. В статье рассматриваются спорные вопросы квалификации необходимой обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, посягательство, сопряженное с применением насилия, опасного для жизни, посягательство, не сопряженное с применением насилия, опасного для жизни

Для цитирования: Никуленко А.В. Новые возможности необходимой обороны при защите жилища // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 75 – 82.

Original article

NEW POSSIBILITIES FOR NECESSARY DEFENCE IN THE PROTECTION OF DWELLINGS

Andrey V. NIKULENKO

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,
nikulenkoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1332-4621>, Web of Science ResearcherID Q-1496-2016

Abstract. On June 17, 2024, Draft Law No. 648716-8 «On Amendment to Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation» (concerning the clarification of the limits of necessary defence) was submitted for consideration to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The draft law introduces the right to «unlimited» defence in cases of encroachments involving unlawful entry into a dwelling. This article examines controversial issues concerning the legal qualification of necessary defence.

Keywords: necessary defence, exceeding the limits of necessary defence, encroachment involving violence dangerous to life, encroachment not involving violence dangerous to life

For citation: Nikulenko A.V. New possibilities for necessary defence in the protection of dwellings. Criminalist. 2026;2(55):75-82. (In Russ.).

© Никуленко А.В., 2026

Вновь обращаясь к тематике необходимой обороны, заметим, что право на гражданскую самозащиту провозглашено Конституцией Российской Федерации и гарантируется государством.

Право на жизнь, свободу, телесную неприкосновенность предоставлено нам с рождения и относится к неотъемлемым правам и свободам человека и гражданина.

Обеспечить неприкосновенность указанных прав призваны государственные органы в лице «силовых» ведомств. Но что делать, если они не справляются, да и к каждому не приставить полицейского.

Для защиты этих прав уголовное законодательство России предусматривает нормы о необходимой обороне, которые позволяют причинять вред посягающему лицу.

«Только то общество сильно, — писал Н.Д. Сергеевский, — только то общество может не бояться злоупотреблений ни со стороны частных лиц, ни со стороны органов власти, граждане которого всегда готовы стать лицом к лицу с опасностью и вступить в борьбу за право» [1, с. 251].

Известнейший правовед А.Ф. Кони писал: «Необходимая оборона будет существовать вечно, потому что основана на законе необходимости, а этот закон по самому существу своему вечен. Поэтому понятие о необходимой обороне существует исстари и никогда не перестанет существовать; это *non scripta, sed nata lex* (Cicero pro Milone), закон, вытекающий непосредственно из человеческой природы» [2, с. 3].

О расширении пределов необходимой обороны говорят давно, как и об усовершенствовании статьи 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Так, в первоначальную ее редакцию изменения были внесены Федеральными законами от 14 марта 2002 года № 29-ФЗ, от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ и от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ.

Затем к вопросу расширения права на защиту Государственная Дума Российской Федерации обращалась в ноябре 2019 года, мае 2022 года и, наконец, в июне 2024 года. 17 июня 2024 года на рассмотрение Государственной Думы был представлен законопроект № 648716-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части уточнения пределов необходимой обороны): «22. Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, направленные на защиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для его жизни или жизни находящихся рядом с ним лиц, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, либо на защиту своего имущества при незаконном проникновении посягающего лица в его жилище»¹.

Не вдаваясь в полемику и критику законодателя по поводу формулировки предлагаемой нормы, отметим, что жилище еще с петровских времен находилось под усиленной охраной государства.

Уже Воинский артикул (Воинский устав 1715 года) содержал такие положения: «Каждый должен злодея задержать и воспрепятствовать, чтоб не ушел». Если это требование не выполнялось, то для не выполнившего его должны были наступать ответственность и наказание [3, с. 316]. Кроме того, определялись и пределы возможного причинения вреда: «вора, который в ночи в дом ворвется, без страха наказания умертвить, ежели его без своего опасения преодолеть было невозможно, ибо надлежит рассудить, что вор не для единой кражи, но, чтобы и умертвить в дом ночью врывается» [4, с. 197].

¹ Законопроект № 648716-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/648716-8> (дата обращения: 24.11.2025).

В части 2 ст. 157 главы 19 Артикула «О смертном убийстве» убийство, совершенное при преследовании лица, совершившего нападение, рассматривалось по правилам необходимой обороны. Статья 185 указанной главы позволяла при обороне имущества убить ночного вора. Однако если вор, ворвавшись в дом с намерением украсть, был пойман или ему помешали осуществить задуманное, в результате чего ему не удалось ничего украсть, то наказание ему было значительно мягче.

В то же время Воинский устав устанавливал: «Всякий должен (если задран будет) столько долго уступать, елико возможно, и так без смертного убийства из страха спастись. Того ради есть ли оный, кто задерет, уступит и от обиженного побежит, а обиженный его настигать победит, и тогда убьет, то оный уже регулы нужного оборонения преступил. И тако смертное убийство из отмщения нежели от оборонения учинил», ограничивая, таким образом, смертоносные действия против нападающего, который уже уступил и бежал [5, с. 91 – 92; 6, с. 225; 7, с. 101; 8, с. 499].

Отметим, что законодательству петровского времени не доставало необходимой последовательности в регламентации обстоятельств, исключаяющих преступность деяния. Кроме того, оно отличалось ярко выраженной казуистичностью, что, впрочем, характерно для всего законодательства того времени. Но, возможно, это как раз то, чего недостает современному российскому уголовному законодательству в сфере регулирования правомерного причинения вреда. Уровень обобщения уголовно-правовых норм, содержащихся в главе 8 УК РФ, дает обширные возможности для судебно-следственного усмотрения, кроме того, нормы носят откровенно бланкетный характер при квалификации причинения вреда действиями сотрудников правоохранительных органов

при исполнении ими своих служебных (должностных) обязанностей по защите граждан от общественно опасных посягательств и задержанию лиц, совершивших преступление.

Впрочем, не все разделяют указанную точку зрения, а предлагаемая нами концептуальная модель нормы о необходимой обороне [9, с. 22] «...воспринимается как запредельное по объему и громоздкости нормативное построение» [10, с. 87], так как «по расчетам представителей законодательной техники и законодательной текстологии, нормативные тексты Общей части УК РФ должны быть построены по оптимальной модели, то есть состоять из небольшого по объему и структуре предписания» [10, с. 87].

Однако лапидарность изложения и абстрактный характер дозволительных норм хороши, что очевидно, лишь для привилегированной «касты» юристов, к коим относятся так называемые «представители законодательной техники и законодательной текстологии». А в целом нетрудно подвергнуть кого-либо критике, не предлагая ничего взамен.

Юридическое сообщество, на наш взгляд, находится в плену собственных заблуждений, вызванных, разумеется, рядом объективных причин (в числе прочих — многолетняя правовая безграмотность подавляющего большинства представителей российского общества), последствием которых является убеждение, что правовые нормы созданы и существуют для применения исключительной «кастой» правоведов. Законодательство усложняется изо дня в день, нормы права многочисленны и становятся непонятными в силу максимальной абстракции и специфической юридической терминологии, что, в свою очередь, приводит к еще большей психологической проблеме — то, что непонятно, бесцельно и невозможно (или весьма сложно) применить на практике.

Оторванной от реальности, но чрезвычайно важной в научном плане видится нам и концепция «состава правомерного причинения вреда, введенная в научный оборот в 2009 году» [11, с. 51]. Отстаивая свою позицию, в огульном пессимизме по поводу нашей, А.И. Ситникова и Ю.В. Зуева не замечают, что среди аргументов о том, что вышеупомянутая концепция «воспринята и воспроизведена в значительной степени в постановлении Пленума ВС РФ № 19. Пункт 13 постановления обязывает суды при разрешении вопросов о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны учитывать объект посягательства, способ достижения оборонительного результата, тяжесть наступивших последствий, место и время посягательства, его неожиданность, число посягающих лиц, их психофизические признаки, наличие оружия или предметов, используемых в качестве оружия» [10, с. 87], Верховный Суд России говорит не о составе правомерного причинения вреда, а о составе преступления, совершенного посягающим. Впрочем, несмотря на предложение законодательно предусмотреть самостоятельное основание для прекращения уголовных дел по обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния, в настоящее время действует норма, закрепленная в п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (отсутствие в деянии состава преступления).

В сентябре 2021 года официальные российские СМИ огласили два решения суда, которые можно смело назвать прорывными, подогрев и без того нескончаемый спор об особенностях квалификации необходимой обороны отечественными правоприменителями.

«Уроком для всех нижестоящих инстанций должно стать дело Татьяны В. из Волгоградской области. Она полностью оправдана в Верховном Суде Рос-

сии, хотя до того три инстанции признали ее виновной в тяжелом ранении своего мужа. В ходе ссоры она ударила супруга ножом в грудь.

Как рассказывает защита, муж Р., «находясь в состоянии алкогольного опьянения, на глазах у ее малолетней дочери, используя надуманный повод, набросился на нее, применил физическую силу, стал душить, и в этот момент она случайно нанесла Р. ножевое ранение».

Адвокаты особо отмечают, что в момент нападения в руках женщины уже находился нож, которым она резала хлеб. «В момент, когда Татьяна В. на столе резала ножом хлеб, Р. развернул ее к себе лицом, запястьем левой руки придавил шею, а правой рукой нанес два удара в область плеч, причинив физическую боль». В ответ женщина ударила мужа ножом в грудь. Он выжил. Все это — факты, подтвержденные судом, которые не оспаривает сторона. То есть подсудимая не схватилась за оружие и уж точно не нападала с ножом на супруга. Но когда на твоей шее сжимаются руки, не всегда найдешь силы отложить в сторону опасные предметы и попытаться как-то решить дело миром. Надо ли судить за то, что не получилось спасти себя, не пролив крови нападавшего?

По мнению Волгоградского областного суда, действия Р. не угрожали жизни женщины, так как он не был вооружен. Поэтому все нижестоящие суды сочли, что женщина превысила допустимые пределы самообороны. Однако такой подход противоречит правовым позициям Верховного Суда России» [12].

Указанная несправедливость, как, впрочем, и другие примеры вопиющей несправедливости по отношению к обороняющимся, подвигли молодого ученого из Краснодара Е.В. Лукки обратиться к проблемам необходимой обороны жилища и с целью совершенствования судебной-следственной практики предложить собственные дополнения ст. 37

УК РФ. Так, «предлагается дополнить ст. 37 УК РФ частью 2² следующего содержания: „Не является преступлением причинение вреда в состоянии необходимой обороны посягающему лицу, незаконно проникающему в жилище обороняющегося лица или членов его семьи, то есть в целях защиты своей жизни или жизни находящихся в жилище членов семьи, если обороняющийся при этом не мог объективно оценивать степень и характер опасности проникновения в жилище” и частью 2³ следующего содержания: „Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица при посягательствах на членов его семьи, если это лицо не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения”.

Предлагаемые нормы (ч. 2² и ч. 2³ ст. 37 УК РФ) направлены на расширение права необходимой обороны также вследствие мнимости посягательства, исключаяющей общественную опасность деяния. Но данная мнимость обусловлена не неожиданностью посягательства (как в ч. 2¹ ст. 37 УК РФ), а посягательством на неприкосновенность жилища, на членов семьи обороняющегося» [13, с. 10].

Кроме того, «совершение преступления с проникновением в жилище следует закрепить в ст. 63 Общей части УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание лица за совершенное им преступление. Под жилищем следует понимать не только непосредственно жилое помещение. Также к жилищу, в пределах которого лицо может свободно реализовывать принадлежащее ему право на защиту, следует отнести и придомовые территории, совместно с домом представляющие собой единый имущественный комплекс, как-то: гараж, пристройки к дому, земельный участок в пределах огороженной территории, лестничные клетки или тамбуры» [13, с. 10].

Сейчас законопослушный гражданин, вынужденный защищать себя

и своих близких, делает это с оглядкой на последствия. Он должен оценить намерения нападающего, степень опасности, потенциальный вред и быть предупредительным к посягающему. Получается, что злоумышленник при этом находится в более выгодном положении, ведь в случае его гибели или ранения хозяин дома вынужден будет доказывать свою невиновность.

В Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству уже давно работают над законопроектом о расширении допустимых пределов самообороны. Предполагается, что в законе и правоприменительной практике будет закреплена презумпция правоты того, кто отражает нападение преступника¹.

Впрочем, возвращаясь к началу, последний «законопроект получил негативный отзыв правового управления Госдумы, и его авторы взялись за доработку документа. В отзыве сказано, что действующая часть 1 статьи 37 УК РФ не содержит положений, конкретизирующих ситуации, при которых она применяется, а значит, распространяется и на случаи незаконного проникновения в жилище. Предлагаемая декриминализация действий лица, защищающего имущество при незаконном проникновении в его жилище, вне зависимости от того, было ли насилие или его угроза, чрезмерно расширяет границы необходимой обороны, что делает невозможным оценить соразмерность действий»².

Таким образом, пишет А.П. Алексеева, «несмотря на наличие перечисленных нами значимых преимуществ законопроекта, в нем тем не менее есть

¹ Новая газета. 2019. 6 июня. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/06/06/80802-dazhe-popytku-iznasilovaniya-ya-dokazat-nemogu> (дата обращения: 06.11.2025).

² Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/ponyatie-neobkhodimoy-oborony-predlagayut-rasshirit.html> (дата обращения: 24.11.2025).

и недостатки. Так, расширение пределов необходимой обороны жилища может спровоцировать рост количества инсценировок такой „защиты”» [14, с. 8]. «Обороняющийся», задумав причинить смерть тому или иному человеку, приглашает его в свое жилище, где реализует свои преступные намерения. Позже он объясняет случившееся осуществлением «необходимой обороны жилища» от вторжения, сопряженного с насилием, опасным для жизни [15, с. 491]. Или в ходе совместного времяпрепровождения между собравшимися происходит ссора, в ходе которой один гражданин убивает другого, а позже пытается объяснить свое деяние необходимостью обороны жилища от вторжения, сопряженного с насилием, опасным для жизни [16, с. 12; 17, с. 105].

В подобных ситуациях после принятия законопроекта, если убийца выдвинет версию о незаконном вторжении потерпевшего в его жилище, будет очень трудно доказать отсутствие незаконного проникновения, при наличии которого оборонявшийся подлежит освобождению от уголовной ответственности [18, с. 14–16; 19, с. 115]. Ведь анализируемое нами убийство произошло в жилом помещении и к оборонявшемуся в реальности применялось насилие [14, с. 12].

То есть правоприменителю будет не уяснить в ходе предварительного расследования, имела ли место инсценировка посягательства или реальное нападение. Осталось лишь пожалеть его (правоприменителя), забыв об обычных гражданах и их праве на неприкосновенность жилища...

А.М. Смирнов произвел выборочный анализ приговоров, который показал следующие результаты: «В 43 % из них суд не усмотрел в действиях лица состояние необходимой обороны. В остальных случаях она была признана, но в 87 % из них лицо было привлечено к уголовной ответственности за превышение данной

обороны» [20, с. 14]. Аналогичные результаты были получены нами в своем собственном исследовании [9, с. 11].

«По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2021 году по статье 108 УК РФ (убийство, совершенное при превышении необходимой обороны) были осуждены 428 человек, а в 2022 — 214 человек, а оправдан в 2021 году только 1 человек, в 2022 оправданных — 2, а по статье 114 УК РФ (причинение тяжкого или среднего вреда здоровью при превышении необходимой обороны) в 2021 году осуждены 418 человек, в 2022 — 426 человек, а оправдательных приговоров в 2021 году — 0, в 2022 году — 7. Количество оправдательных приговоров не выходит за пределы статистической погрешности.

Оправдательные приговоры чаще выносятся при освещении таких случаев в средствах массовой информации и их широком общественном резонансе»¹.

На наш взгляд, проблемы правоприменительной деятельности лежат именно в законодательной плоскости. Уголовный закон допускает такую квалификацию содеянного, а пресловутая «палочная» система, пронизывающая всю вертикаль правоохранительных органов, не позволяет, в ущерб корпоративным интересам, прекращать дела за отсутствием в деянии состава преступления. Тем более, что такие дела являются очевидными: есть потерпевший, чаще всего и свидетели с его стороны, и есть горе-обороняющийся, впоследствии становящийся подсудимым.

Подобная позиция и законодателя, и правоприменителя приводит к пассивной реакции общества на противостояние преступной экспансии, формирует у граждан нигилистическое, отстранен-

¹ Законопроект № 648716-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации». Пояснительная записка // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/648716-8> (дата обращения: 24.11.2025).

ное отношение к возможностям противодействия общественно опасным и иным посягательствам путем правомерного причинения вреда. При этом на государственном уровне у граждан вырабатывается трусливый рефлекс невмешательства в происходящее, тем более, если оно лично их не касается... Подобная пассивность присуща в настоящее время не только гражданам, но и многим сотрудникам правоохранительных органов, уклоняющимся и даже отрицающим наступательную позицию в борьбе с преступностью, оставляя за собой лишь обязанность регистрации сообщений о происшествиях.

В то же время и законодатель, и правоприменитель (имеются в виду, разумеется, правоохранительные ведомства) забывают о нереальности результативно противостоять преступным проявлениям силами сотрудников лишь одного правоохранительного блока. Без активного участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, их активной и нетерпимой позиции по отношению к правонарушителям невозможно дости-

жение сколь-либо значимого и заметного эффекта в борьбе с преступностью.

На наш взгляд, следует подвергнуть сомнению укоренившееся в уголовно-правовом научном сообществе мнение о применении категорически абстрактного способа изложения правовых норм, тем более, когда это не касается уголовно-правовых запретов. Как было показано выше, законодатель не раз использовал именно противоположный — казуистический подход, причем именно при формулировании уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ. Право по определению является абстрактным и никак не может создаваться на основе казуистики, так как невозможно описать в нормативном правовом акте все возможные случаи применения соответствующих норм.

Впрочем, данное положение ни в коей мере не должно относиться к нормам, определяющим пределы правомерного поведения, а именно обстоятельствам, исключающим преступность деяния, и в большей степени к нормам о необходимой обороне.

Список источников

1. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая. Петроград : тип. М.М. Сталевича, 1915. 397 с.
2. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. Москва : Университетская тип., 1866. 104 с.
3. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков ; под общ. ред. О.И. Чистякова. Москва : Юрид. лит., 1986. 511 с.
4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. Москва : Наука, 1994. 419 с.
5. Шорохов Л.П. К вопросу о применении Воинских артикулов Петра I 1715 года в общих (гражданских) судах // Актуальные вопросы правоведения в общенародном государстве : сб. ст. / Томский университет ; редкол.: А.И. Ким [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 88—92.
6. Голикова Н.Е. Политические процессы при Петре I : По материалам Преображенского приказа. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1957. 337 с.
7. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I : Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / Акад. наук СССР, Ин-т права ; под ред. и с предисл. Б.И. Сыромятникова. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1945. 602 с.
8. Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. Москва : Юрид. лит., 1997. 880 с.

9. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Никуленко Андрей Вячеславович. Санкт-Петербург, 2019. 47 с.
10. Ситникова А.И., Зуева Ю.В. Необходимая оборона: за и против // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 82 – 90.
11. Ситникова А.И. Доктринальные модели и законодательные конструкции института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Орел : ОрелГТУ, 2009. 110 с.
11. Куликов В. Верховный суд России защитил право человека на самооборону // Российская газета. Федеральный выпуск № 212(8563). 2021. 15 сент.
13. Лукки Е.В. Необходимая оборона при посягательствах на членов семьи: уголовно-правовые и криминологические аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лукки Екатерина Валерьевна. Краснодар, 2019. 30 с.
14. Алексеева А.П. Пределы необходимой обороны жилища: нужно ли их расширение? // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 9 – 14.
15. Сушков О.Э. Пределы необходимой обороны: вопросы совершенствования // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 489 – 495.
16. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1 (68). С. 8 – 14.
17. Никуленко А.В., Смирнов М.А. Судебное толкование признаков общественно опасного посягательства при необходимой обороне // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 101 – 112.
18. Алексеева А.П., Анисимова Т.В., Третьяков Ю.В. Законодательные инициативы в сфере расширения пределов необходимой обороны жилища: проблемы и перспективы // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 03 – 04 июня 2022 г. / под общ. ред. Т.А. Огарь [и др.]. Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2022. С. 14 – 16.
19. Никуленко А.В., Смирнов М.А. Необходимая оборона и превышение ее пределов: возможности законодательного совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 111 – 117.
20. Смирнов А.М. Внесудебные формы защиты прав и свобод личности: уголовно-правовое и криминологическое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Смирнов Александр Михайлович. Москва, 2019. 46 с.

Информация об авторе

А.В. Никуленко – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A.V. Nikulenko – Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.3/7

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА, СОДЕРЖАЩИХ АДМИНИСТРАТИВНУЮ ПРЕЮДИЦИЮ

Татьяна Андреевна ОГАРЬ

*Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
tat-kap@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трансформации административной ответственности в уголовную в рамках главы 29 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», анализируются способ криминализации, описание административной преюдиции в данных нормах. Выделяются три способа криминализации в отношении преступлений рассматриваемого вида, а также сопоставляются процессы криминализации и декриминализации, происходящие при включении в главу 29 Уголовного кодекса Российской Федерации норм о преступлениях с административной преюдицией. Исследуются формулировки, описывающие признак специального субъекта преступлений данного вида, и их влияние на правоприменительную деятельность. На основе сопоставления санкций, предусмотренных за однородные административные правонарушения и преступления, формулируются основные направления повышения эффективности указанных норм.

Ключевые слова: криминализация, декриминализация, пенализация, административная преюдиция, административная наказанность, судимость, административный штраф, штраф, арест

Для цитирования: Огарь Т.А. Особенности криминализации и пенализации составов преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, содержащих административную преюдицию // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 83 – 91.

Original article

FEATURES OF CRIMINALIZATION AND PENALIZATION OF CRIMES AGAINST THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER AND STATE SECURITY CONTAINING ADMINISTRATIVE PREJUDICE

Tatyana A. OGAR

*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,
tat-kap@yandex.ru*

Abstract. The article examines the features of the transformation from administrative liability to criminal liability within the framework of Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation "Crimes against the Foundations of the Constitutional Order and State Security," analyzes the method of criminalization, and describes the administrative prejudice in these norms. The article identifies three methods of criminalization for the crimes under consideration and compares the processes of criminalization and decriminalization that occur when Chapter 29

© Огарь Т.А., 2026

of the Criminal Code of the Russian Federation includes norms on crimes with administrative prejudice. The article examines the formulations describing the special subject of crimes of this type and their impact on law enforcement. Based on a comparison of the sanctions provided for similar administrative offenses and crimes, the main directions for improving the effectiveness of these norms are formulated.

Keywords: criminalization, decriminalization, penalization, administrative prejudice, administrative liability, criminal record, administrative fine, fine, arrest

For citation: Ogar T.A. Features of criminalization and penalization of crimes against the foundations of the constitutional order and state security containing administrative prejudice. *Criminalist*. 2026;2(55):83-91. (In Russ.).

Традиционно в уголовном праве под криминализацией понимается выявление общественно опасных форм поведения и фиксация их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых [1, с. 59]. Пенализация рассматривается как часть процесса криминализации, а именно как определение наказуемости деяний как в санкции уголовно-правовой нормы, так и при назначении наказания за конкретное преступление [1, с. 139; 2, с. 309].

Учитывая особую значимость объекта уголовно-правовой охраны, законодатель последовательно наполняет главу 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» нормами, предусматривающими уголовную ответственность в случае повторного совершения деяния, являющегося административным правонарушением. В период с 2015 по 2022 год глава 29 УК РФ была дополнена шестью статьями данного типа: ст. 280.1, 280.3, 282, 282.4, 284.1 и 284.2 УК РФ. За время своего существования часть указанных статей претерпели изменения, последнее из которых имело место в связи с принятием Федерального закона от 24 июня 2025 года № 173-ФЗ «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Изучение процесса появления, трансформации, а также содержания норм главы 29 УК РФ о преступлениях с административной преюдицией позволило выявить некоторые особенности крими-

нализации и пенализации противоправных деяний.

Первая особенность криминализации связана со способом криминализации — способом появления норм с административной преюдицией. В рамках главы 29 УК РФ на примере шести преступлений с административной преюдицией можно выделить три самостоятельных способа криминализации деяния (появления указных норм).

Первый способ заключается в первоначальном закреплении в законодательстве административной ответственности за конкретное деяние, которое в последующем предусматривается в уголовном законе как преступление с административной преюдицией. Данный способ был применен только в одном случае из шести: в ст. 282.4 УК РФ уголовная ответственность за деяние была установлена после длительного применения нормы об административном правонарушении, предусмотренном ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). К сожалению, в пояснительной записке к проекту федерального закона, которым указанная статья была введена в уголовное законодательство, информация о причинах изменения статуса данного правонарушения отсутствовала, так как в первоначальном варианте проекта ее принятие не было предусмотрено, она появилась в тексте законопроекта только ко второму чтению¹.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-про-

Второй способ состоит в одновременном включении в административно-деликтное и уголовное законодательство соответствующих взаимосвязанных норм, предусматривающих в случае первичного совершения деяния административную ответственность, в случае же повторения деяния лицом, имеющим статус специального субъекта, уже предусмотрена уголовная ответственность. Данный способ был применен в отношении половины соответствующих норм главы 29 УК РФ (ст. 280.3, 284.1 и 284.2 УК РФ). При этом уголовная и административная ответственность устанавливается или одним, или разными федеральными законами, в пояснительных записках к проектам которых не обосновывается целесообразность введения указанных взаимосвязанных норм в разные отрасли законодательства¹. При таком способе криминализации изначально предполагается карательная прогрессия и исключается возможность проверить, насколько эффективно может проявить себя применение минимального государственного принуждения в виде административной ответственности в качестве меры борьбы с общественно вредным поведением, и сразу предусматривается потенциальная возможность применения уголовной ответственности в случае повторения деяния.

процессуальный кодекс Российской Федерации (в целях совершенствования уголовно-правовой охраны национальных интересов Российской Федерации, прав и свобод граждан от новых форм преступной деятельности и угроз государственной безопасности) : паспорт проекта федерального закона № 130406-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления уголовной ответственности за действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ, за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ) : паспорт проекта федерального закона № 464757-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Третий способ заключается в первоначальном установлении уголовной ответственности за соответствующее деяние и последующем изменении вида ответственности с уголовной на административную в случае совершения деяния впервые. Данный способ был применен к трети норм о преступлениях данного вида главы 29 УК РФ (ст. 280.1 и 282 УК РФ). В пояснительной записке к проекту федерального закона, которым в ст. 282 УК РФ был включен преюдиционный признак, отмечалось, что привлечение к уголовной ответственности за однократно совершенное и не представляющее серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства деяние, описанное в ст. 282 УК РФ, не всегда обоснованно, необходимо учитывать его фактическую общественную опасность². В данном случае первоначально за рассматриваемое деяние, относящееся к преступлениям средней тяжести, была предусмотрена только уголовная ответственность, однако проявившаяся в процессе правоприменения избыточность уголовной репрессии потребовала соответствующей законодательной корректировки путем предусмотрения в случае совершения такого деяния в первый раз административной ответственности. В пояснительной записке к проекту федерального закона по изменению ст. 280.1 УК РФ обоснований таких изменений не содержалось, а просто констатировалась необходимость включения в данную статью признака административной преюдиции. Третий способ можно отнести к криминализации условно, так как изначально предусмотренное в нормах уголовного законодательства деяние уже являлось преступлением, но при этом данные нормы не содержали административной преюдиции. Скорее, речь

² О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : паспорт проекта федерального закона № 558345-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

идет о частичной декриминализации [6, с. 23]. Включение в ст. 280.1 и 282 УК РФ признака административной преюдиции привело к частичной декриминализации описанного в них деяния, а именно к декриминализации первого случая совершения деяния.

Таким образом, в двух случаях из шести включение в главу 29 УК РФ норм с административной преюдицией было проявлением декриминализации преступлений.

Следующая особенность криминализации обусловлена многообразием способов законодательного закрепления в нормах признаков административной преюдиции.

В уголовно-правовой литературе высказывается суждение о том, что административная преюдиция в составе преступлений закреплена в качестве признака состава, заключающегося в «совершении административного правонарушения при наличии правового статуса административной наказанно-

сти лица за ранее совершенное тождественное правонарушение» [3, с. 10–11, 18]. Обращение к литературе в области административного права показывает, что административная ответственность реализуется посредством применения к лицу административного наказания и влечет появление особого правового состояния в виде административной наказанности [4, с. 227, 234], временные рамки которого закреплены в ст. 4.6 КоАП РФ.

Однако в тексте уголовного закона термин «административная наказанность» не применяется. Наличие административной преюдиции в рамках главы 29 УК РФ описывается с помощью четырех формулировок (табл. 1).

В доктрине уголовного права неоднократно поднимался вопрос многообразия формулировок административной преюдиции и негативное влияние этого многообразия на толкование отдельных признаков состава преступления, в частности времени совершения преступле-

Т а б л и ц а 1

Способы описания административной преюдиции в диспозициях статей главы 29 УК РФ

Способ описания	Год введения	Статья УК РФ
«... лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года»	2015	Ст. 284.1 УК РФ
«... лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года»	2018	Ст. 282 УК РФ
	2020	Ст. 280.1 УК РФ
	2022	Ст. 280.3 УК РФ
	2022	Ст. 284.2 УК РФ
«... лицом, подвергнутым административному наказанию либо имеющим судимость»	2021	Ст. 284.1 УК РФ
	2025	Ст. 282 УК РФ
«... лицом, подвергнутым административному наказанию»	2022	Ст. 282.4 УК РФ

ния [5, с. 128; 6, с. 157; 7, с. 6]. Дело в том, что в административно-деликтном законодательстве начальный момент привлечения лица к административной ответственности не закреплён. В науке существовали различные подходы к определению данного момента, которые породили разнородную судебную практику, в частности по ст. 212.1 УК РФ, где приведена формулировка административной преюдиции, аналогичная той, которая была закреплена в первоначальной редакции ст. 284.1 УК РФ [8]. Так, использование данной формулировки в ст. 212.1 УК РФ привело к тому, что вопрос о соответствии диспозиции ст. 212.1 УК РФ Конституции Российской Федерации стал предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Результатом стало принятие Постановления от 10 февраля 2017 года № 2-П, в котором был выявлен конституционно-правовой смысл положений ст. 212.1 УК РФ и разъяснено, что момент привлечения лица к административной ответственности связан с вступлением в законную силу судебных актов о привлечении к административной ответственности лица за их совершение¹. Также в резолютивной части Постановления указано правомочие законодателя на внесение в ст. 212.1 УК РФ соответствующих уточнений, которые не внесены до настоящего времени. Однако при изменении в 2021 году ст. 284.1 УК РФ данная неточная формулировка была заменена на наиболее подходящую.

В доктрине уголовного права авторы, высказывающие конкретные предло-

жения, направленные на унификацию описания административной преюдиции, сходятся во мнении, что это описание должно приводить в соответствие положения административного и уголовного законодательства и заключаться в формуле «лицом, подвергнутому административному наказанию за деяние, предусмотренное статьей ... Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [3, с. 27; 6, с. 8; 7, с. 11; 8, с. 105]. Однако изучение вновь вводимых статей с административной преюдицией в главу 29 УК РФ показывает, что эта формулировка законодателем воспринята частично и внедряется в текст закона не всегда последовательно. В настоящий момент предлагаемая доктриной формула применяется в трех статьях из шести главы 29 УК РФ (табл. 1). Однако в трех статьях главы, введенных или измененных в 2022 году (ст. 280.3, 284.2 и 282.4 УК РФ), в диспозициях были приведены две разные формулировки, а также в названии ст. 282.4 УК РФ использован термин «неоднократное». В результате последнего внесения изменений в 2025 году в ст. 282 УК РФ кроме прочего была скорректирована формула административной преюдиции в пользу рекомендованной в доктрине. Это свидетельствует о постепенном переходе к одинаковому описанию в нормах главы 29 УК РФ административной преюдиции, что будет способствовать единообразному правоприменению.

Изучение санкций, предусмотренных в главе 29 УК РФ за совершение преступлений с административной преюдицией, показывает, что единых принципов пенализации пока не выработано. Особенностью данных преступлений является то, что первичное совершение описанного в диспозиции статьи деяния является административным правонарушением, которое не обладает обществен-

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201702140020> (дата обращения: 17.01.2026).

ной опасностью, но является общественно вредным и степень вредоносности отражена в санкции нормы КоАП РФ. Так как лицо и в первом, и во втором случае совершает одно и то же деяние, то наказуемость первоначального деяния и наказуемость повторного должны быть взаимосвязаны. Сопоставление санкций за однородные правонарушения и пре-

ступление показывает, что разнятся как виды применяемых в обеих отраслях законодательства наказаний, составляющих основное содержание административной и уголовной ответственности, так и кратность увеличения размеров применяемых схожих видов наказаний (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Сопоставление санкций, предусмотренных за однородные административные правонарушения и преступления

Административное правонарушение	Преступление
Ст. 20.3.2 КоАП РФ: административный штраф	Ст. 280.1 УК РФ (преступление средней тяжести): штраф (макс. размер увеличен в 6,6 раза); принудительные работы; арест; лишение свободы
Ст. 20.3.3 КоАП РФ: административный штраф	Ст. 280.3 УК РФ (преступление средней тяжести): штраф (макс. размер увеличен в 6 раз); принудительные работы; арест; лишение свободы
Ст. 20.3.1 КоАП РФ: административный штраф; обязательные работы; административный арест	Ст. 282 УК РФ (преступление средней тяжести): штраф (макс. размер увеличен в 25 раз); принудительные работы; лишение свободы
Ст. 20.3 КоАП РФ: административный штраф; обязательные работы; административный арест	Ст. 282.4 УК РФ (преступление средней тяжести): штраф (макс. размер увеличен в 500 раз); обязательные работы; исправительные работы; принудительные работы; лишение свободы
Ст. 20.33 КоАП РФ: административный штраф	Ст. 284.1 УК РФ (преступление средней тяжести): штраф (макс. размер увеличен в 33 раза); обязательные работы; принудительные работы; лишение свободы
Ст. 20.3.4 КоАП РФ административный штраф	Ст. 284.2 УК РФ (преступление небольшой тяжести): штраф (макс. размер увеличен в 10 раз); принудительные работы; арест; лишение свободы

Одним из главных достоинств норм с административной преюдицией отмечают их предупредительное назначение. И.В. Дворянсков, анализируя историю становления административной преюдиции в советском уголовном законодательстве, отмечает, что появление и широкое применение института административной преюдиции воплощало в жизнь практическую сущность социальной защиты с элементами предупреждения, когда за деяние, совершенное в первый раз, предусмотрено более-менее мягкое наказание, однако во второй раз — принципиально более жесткое [9, с. 157]. Наблюдавшиеся в советский период тенденции в российском уголовном законодательстве поддерживаются лишь частично.

Административные наказания в ст. 3.2 КоАП РФ расположены в последовательности от наименее строгого к наиболее строгому [4, с. 258]. Изучение санкций за административные правонарушения, предшествующие преступлениям главы 29 УК РФ, показало, что за совершение данных правонарушений предусмотрены как менее, так и более строгие виды административного наказания. В санкциях двух третей статей о предшествующих административных правонарушениях предусмотрено наказание только в виде административного штрафа, при этом кратность увеличения штрафа в отношении физических лиц при изменении вида юридической ответственности колеблется от 6 до 500 раз (табл. 2). В санкциях одной трети статей о предшествующих административных правонарушениях наряду с административным штрафом предусмотрены обязательные работы, а также административный арест — одно из самых строгих административных наказаний, назначаемое в исключительных случаях.

Изучение хронологии появления в главе 29 УК РФ норм о преступлениях данного вида показывает, что в санкциях статей с административной преюдицией, включенных в текст уголовного закона до 2020 года, отсутствовал такой вид наказания, как арест. Однако с 2020 года при криминализации деяний, предусмотренных в ст. 280.1, 280.3 и 284.2 УК РФ, данный вид наказания включается в санкцию, несмотря на то, что с момента вступления в силу УК РФ в 1997 году и по настоящее время данный вид уголовного наказания не применяется. Целесообразность такого законодательного решения вызывает сомнения, так как отсутствие фактической возможности применения ареста снижает потенциал дифференциации уголовной ответственности, заложенной в санкции.

Санкция уголовно-правовой нормы должна соответствовать характеру и степени общественной опасности описанного в диспозиции деяния. В преступлениях с административной преюдицией степень общественной опасности во многом опосредована повторностью, характеризующей устойчивую антиобщественную направленность личности специального субъекта преступления. В трети статей о преступлениях данного вида для наступления уголовной ответственности предусмотрено более двух повторений (в тех случаях, когда наряду с подвергнутостью административному наказанию альтернативно предусмотрено наличие судимости). Представляется, что объединение указанных альтернативных признаков специального субъекта в одной части статьи, предусматривающей одинаковое наказание, негативно влияет на возможность дифференциации уголовной ответственности.

Подводя итог исследованию норм о преступлениях против основ конститу-

ционного строя и безопасности государства, содержащих административную преюдицию, можно сформулировать ряд выводов:

включение в текст уголовного закона данных норм не всегда означает криминализацию деяния, в зависимости от способа криминализации возможна частичная декриминализация первого случая совершения описанного в них деяния;

описание признака, закрепляющего наличие административной преюдиции, осуществляется с помощью трех отличных друг от друга формулировок, что негативно влияет на правоприменительную деятельность как в части установления основания уголовной ответственности, так и в части ее дифференциации;

предупредительный потенциал указанных норм используется не в полном объеме, так как виды и размеры наказаний, предусмотренных в санкциях обеих отраслей законодательства, не всегда соответствуют друг другу и не всегда возможно их фактическое применение.

Изложенное позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию дальнейшей законотворческой деятельности. В частности, при осуществлении криминализации и пенализации деяний, введении норм с административной преюдицией целесообразно:

закреплять признаки специального субъекта в соответствии с формулой «лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное статьей ... Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»;

устанавливать соотношение видов и размеров административных и уголовных наказаний, адекватное степени общественной опасности совершаемых аналогичных деяний;

при определении структуры уголовно-правовой нормы разделять признаки специального субъекта, связанные с наличием административной наказанности и судимости;

учитывать возможность реального исполнения наказаний, включенных в санкции.

Список источников

1. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 267 с.
2. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 337 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. Юрид. центр).
3. Мамхягов З.З. Административная преюдиция в уголовном праве : научная специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мамхягов Зураб Зенелевич. Краснодар, 2022. 29 с.
4. Административное право : учебник / С.-Петерб. ун-т МВД России ; ред. А.И. Каплунов. Санкт-Петербург : [б. и.], 2024. 472 с.
5. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 125–133.
6. Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Эргашева Зарина Эркиновна. Москва, 2019. 215 с.
7. Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Богданов Алексей Викторович. Москва, 2019. 25 с.

8. Курсаев А.В. Состояние границы между административной и уголовной ответственностью в статье 212.1 УК РФ с учетом времени совершения преступления // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 99 – 107.

9. Дворянсков И.В. Административная преюдиция в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 153 – 162.

Информация об авторе

Т.А. Огарь – доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T.A. Ogar – Associate Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.34

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВАНДАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Елена Анатольевна ПИСАРЕВСКАЯ

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия, liorev@mail.ru*

Аннотация. В статье отмечается, что уголовно-правовая регламентация ответственности за вандализм не претерпевала серьезных изменений на протяжении существования ст. 214 УК РФ. Последние изменения в данную статью были внесены в 2011 году. Правоприменительная практика испытывает затруднения при квалификации вандализма, усугубляющиеся введением в текст российского уголовного закона новых норм, по которым подлежат квалификации некоторые разновидности вандализма. В статье раскрываются проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за вандализм, отграничения вандализма от умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества, от уголовно наказуемого хулиганства, а также ряд других проблемных моментов на примерах из судебной практики. По результатам проведенного анализа автором предлагается внесение ряда законодательных изменений в действующее российское уголовное законодательство, соответствующих современным тенденциям уголовной политики государства.

Ключевые слова: вандализм, осквернение, порча имущества, общественный транспорт, общественное место

Для цитирования: Писаревская Е.А. Уголовно-правовая регламентация ответственности за вандализм: проблемы применения нормы и направления совершенствования // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 92 – 100.

Original article

CRIMINAL-LAW REGULATION OF LIABILITY FOR VANDALISM: ISSUES IN APPLICATION OF NORMS AND DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

Elena A. PISAREVSKAYA

*North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
St. Petersburg, Russia, liorev@mail.ru*

Abstract. The article notes that the criminal-law regulation of liability for vandalism has remained largely unchanged since the enactment of Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation, with the most recent amendments dating back to 2011. Law enforcement practitioners continue to face significant challenges in determining the qualification of vandalism acts, which are exacerbated by the addition of new norms to Russian criminal law, that require specific qualifications for certain forms. This article examines the issues associated with the criminal-law regulation of liability for vandalism, differences between vandalism and intentional destruction or damage of someone else's property, as well as how it differs from criminal hooliganism, as well as other

© Писаревская Е.А., 2026

problematic issues with examples from judicial practice. After analysing these issues, the author suggests a series of legislative changes to the current Russian criminal legislation to bring it in line with modern trends in the country's criminal policy.

Keywords: vandalism, desecration, property damage, public transport, public place

For citation: Pisarevskaya E.A. Criminal-law regulation of liability for vandalism: issues in application of norms and directions for improvement. *Criminalist*. 2026;2(55):92-100. (In Russ.).

Уголовно-правовая регламентация ответственности за вандализм не претерпевала серьезных изменений на протяжении существования нормы ст. 214 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В правоприменительной практике остаются нерешенными многие проблемные вопросы оценки анализируемого деяния, что усугубляется введением в текст российского уголовного закона новых норм, по которым подлежат квалификации некоторые разновидности вандализма. В то же время вандализму посвящен лишь пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45)¹, в котором даются разъяснения о том, каким образом «экстремистский» вандализм следует отличать от «экстремистского» хулиганства. Разъясняя данный вопрос, Пленум указывает, что «при вандализме нарушается не только общественный порядок, но и причиняется вред имуществу путем осквернения зданий и иных сооружений, порчи имущества на транспорте

или в иных общественных местах»². Далее Пленум поясняет, что «в тех случаях, когда наряду с вандализмом (статья 214 УК РФ) лицо совершает хулиганство, ответственность за которое предусмотрена статьей 213 УК РФ, содеянное следует квалифицировать по совокупности названных статей Уголовного кодекса РФ»³. Больше никаких разъяснений высшая судебная инстанция относительно квалификации вандализма не дает.

В настоящее время законодателем в диспозиции анализируемой нормы предусмотрена ответственность за две самостоятельные формы вандализма. Первая заключается в «осквернении зданий и сооружений». Вторая — в «порче имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах».

Первая форма вандализма особых затруднений при квалификации не вызывает. Однако правоприменителю необходимо помнить о наличии других норм, по которым лицо в настоящее время можно также привлечь к уголовной ответственности. Например, конкуренцию норме о вандализме может составить появившаяся относительно недавно норма, содержащаяся в ст. 354.1 УК РФ, в случаях, когда речь идет об осквернении зданий и сооружений надписями, например, содержащими одобрение преступлений нацистов.

Кроме того, как показывает анализ судебной практики, в настоящая время акты вандализма совершаются и по корыстным мотивам, это тенденция по-

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 : текст с изм. и доп. на 26 нояб. 2024 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8202/> (дата обращения: 24.11.2025).

² Там же. П. 15.

³ Там же.

следних лет. Так, Каширская, имея корыстную заинтересованность, с целью наживы не позднее 21 часа 24 минут 28 июля 2024 года вступила в преступный сговор с не установленным следствием лицом, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, направленный на осквернение зданий, группой лиц, распределив преступные роли. Неустановленное лицо передало Каширской адрес здания, на фасад которого необходимо было нанести надпись «АЯТ 9:5», являющуюся отсылкой на Суру 9 священной книги мусульман Коран, а Каширская должна была после получения от неустановленного лица заказа на совершение вандализма нанести на фасад указанного здания соответствующую надпись, сфотографировать ее на мобильный телефон и отправить полученную фотографию неустановленному лицу за денежное вознаграждение¹. При этом ныне действующая редакция ст. 214 УК РФ не позволяет учесть этоотягчающее обстоятельство при квалификации. Действия Каширской были квалифицированы по ч. 2 ст. 214 УК РФ только потому, что она действовала в составе группы лиц.

Проблемным вопросом на протяжении длительного времени продолжает оставаться ограничение вандализма от преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ. И это в большей степени касается второй формы вандализма. Согласимся с В.П. Тепляковым в том, что «зафиксированные в диспозиции ст. 214 УК РФ признаки выражены абстрактными понятиями и схожи с признаками повреждения чужого имущества» [1, с. 56].

Получается, что различие между двумя указанными составами преступлений в правоприменительной практике проводится:

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 153 г. Санкт-Петербурга в отношении Татьяны Каширской // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга : сайт. URL: <https://t.me/SPbGS/21874> (дата обращения: 24.11.2025).

во-первых, по месту совершения преступления (общественный транспорт, иное общественное место при квалификации по ст. 214 УК РФ; место значения не имеет при квалификации по ст. 167 УК РФ);

во-вторых, по обязательности установления при квалификации по ст. 167 УК РФ наличия значительного ущерба (не менее пяти тысяч рублей с учетом имущественного положения потерпевших — граждан, при том что порог «значительности» для юридических лиц в уголовном законе не установлен) и необходимости установления такового при квалификации по ст. 214 УК РФ;

во-третьих, по направленности действий виновного на имущество конкретного лица и мотиву мести, зависти, личной неприязни при квалификации по ст. 167 УК РФ [2, с. 51].

Таким образом, действия лица квалифицируются по ст. 167 УК РФ при наличии у него умысла на уничтожение или повреждение чужого имущества конкретного потерпевшего с причинением значительного ущерба даже в случае совершения этих действий в общественном месте. Однако полагаем, что дополнительный объект посягательства — общественный порядок при умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества никак не учитывается. Выходом из этой ситуации может явиться ужесточение ответственности за совершение подобных действий в ч. 2 ст. 167 УК РФ путем внесения в данную часть квалифицирующего признака: «2. Те же деяния, совершенные в общественном месте...».

При этом остается нерешенным вопрос, что считать общественным местом при квалификации подобных действий. Никаких разъяснений по этому поводу высшая судебная инстанция не дает. Согласимся с мнением В.П. Теплякова о том, что оба преступных деяния являются «смежными не только по объективной

стороне, но и по объекту» [1, с. 57]. При этом В.В. Тепляков делает вывод, что норма, предусмотренная ст. 214 УК РФ, является специальной по отношению к норме, предусмотренной ст. 167 УК РФ, так как содержит дополнительный признак объективной стороны — место совершения преступного деяния [1, с. 57]. На наш взгляд, различие состоит также в направленности умысла виновного.

Вышесказанное не устраняет неопределенности в квалификации деяния, которая связана, в частности, с отсутствием законодательного определения «иного общественного места». Отметим, что подобное определение было сформулировано на международном уровне. Согласно Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года, для целей данной Конвенции было предложено определение мест общего пользования как частей любого здания, земельного участка, улицы, водного пути или других мест, которые доступны или открыты для населения, будь то постоянно, периодически или время от времени, и включают любой коммерческий, деловой, культурный, исторический, просветительский, культовый, государственный, развлекательный, рекреационный или аналогичный объект, который таким образом доступен или открыт для населения¹. Это достаточно широкое понятие, которое может быть взято «на вооружение» современным российским законодателем.

Тем не менее в настоящее время это понятие является оценочным и его содержание может незначительно отличаться в зависимости от нормативного правового акта, в тексте которого оно используется (например, в ст. 20.1, 20.20,

20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях², законе субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях³, «антитабачном» законе⁴ и пр.). Как правило, в нормативных правовых актах под общественными местами понимаются территории и помещения, которые доступны для свободного посещения неограниченным кругом лиц (улицы, площади, скверы, парки, набережные), общественный транспорт (отдельно выделен в диспозиции ст. 214 УК РФ), вокзалы, аэропорты, магазины, кафе, театры, стадионы, места общего пользования в жилых домах.

Анализ судебной практики показывает, что суды при применении норм, касающихся общественных мест, обычно исходят из критерия доступности места для неопределенного круга лиц. Статья 214 УК РФ может выступить своеобразной «палочкой-выручалочкой» при отсутствии значительного ущерба для гражданина при повреждении имущества. Представляется, что данная правовая неопределенность должна быть устранена путем разъяснения понятия «общественное место» для целей ст. 214

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : текст с изм. и доп. на 4 нояб. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&nd=102074277> (дата обращения: 24.11.2025).

³ Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге : Закон Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 : текст с изм. и доп. на 10 нояб. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=131039867> (дата обращения: 24.11.2025).

⁴ Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции : Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102163430> (дата обращения: 24.11.2025).

¹ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом : принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1997 г. // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения: 13.01.2026).

УК РФ в примечании к данной статье. Предлагаем следующие возможные определения для обсуждения. Первое определение: «Примечание. Под общественными местами в настоящей статье понимаются территории и помещения, которые доступны для свободного посещения неограниченным кругом лиц, места массового скопления граждан, общественный транспорт, объекты инфраструктуры, торговые и развлекательные заведения, части зданий и сооружений, доступные для населения». Второе определение: «Примечание. Общественное место — это территория или помещение, постоянно или на протяжении какого-либо времени свободные для доступа и использования неопределенным кругом людей». Данное определение коррелирует с имевшей место общественной инициативой по этому вопросу¹. Третье предлагаемое к обсуждению определение может быть взято из текста Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом. Действие данного примечания можно было бы распространить и на ст. 167 УК РФ при внесении в текст данной статьи предлагаемых нами дополнений. Диспозицию ч. 1 ст. 214 УК РФ можно было бы изложить следующим образом: «Вандализм, то есть осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества в общественном месте (местах) ...».

Немало трудностей в правоприменительной практике возникает и при разграничении вандализма и уголовно наказуемого хулиганства (ст. 213 УК РФ). Данные посягательства совпа-

дают по своему непосредственному объекту. Однако в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ в настоящее время ничего не говорится об уничтожении имущества, что охватывается ст. 214 УК РФ. Но возможна ли совокупность преступлений, предусмотренных ст. 213, 214 УК РФ? В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45, в п. 15, говорится о возможности квалификации по совокупности «экстремистских» хулиганства и вандализма. Но является ли данная рекомендация верной?

Как отмечает А.В. Курсаев, суды случаи стрельбы из предметов, используемых в качестве оружия, по транспортным средствам квалифицируют по совокупности хулиганства и вандализма, обоснованность такой квалификации вытекает из вышеуказанного Постановления [3, с. 53]. Обратившись к кассационному определению по одному из таких дел, можно увидеть, что осужденный А. в своей кассационной жалобе как раз указывал на то обстоятельство, что «при описании преступных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 214 и п. „а“ ч. 1 ст. 213 УК РФ, суд в приговоре ссылается на одни и те же обстоятельства, а именно: совершение семи выстрелов в заднее стекло автобуса», осужденный полагал, что «суд назначил ему дважды наказание за одно и то же противоправное действие в виде стрельбы из пистолета», прося, среди прочего, «исключить описание преступного деяния по ч. 1 ст. 214 УК РФ; исключить из резолютивной части приговора ссылку о признании виновным по ч. 1 ст. 214 УК РФ»². Однако его доводы не были приняты кассационной инстанцией, которая указала, что

¹ Инициатива № 74Ф103501. Определить и внести понятие «общественное место» в законодательство // Российская общественная инициатива : сайт. URL: <https://www.roi.ru/103501/#:~:text=Определить%20и%20внести%20понятие%20«общественное%20место»%20в%20законодательстве,-Голосование%20закончилось&text=На%20данный%20момент%2C%20определение%20%22общественное,на%20иные%20нормативно%2Dправовые%20акты> (дата обращения: 24.11.2025).

² Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2022 г. № 77-3890/2022 // Консультант-Плюс : сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=card&page=splus&rnd=DleSCg&ts=EGgAT3VEp4p6lZfV1#splus> (дата обращения: 24.11.2025).

«как следует из приговора суда и материалов уголовного дела, А., произведя из хулиганских побуждений выстрелы из пневматического пистолета в сторону автобуса, повредил заднее стекло»¹, сославшись в обоснование своего решения как раз на разъяснение, содержащееся в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45. Однако, на наш взгляд, правильность подобного решения вызывает большие сомнения. Ведь в данном случае производство выстрела действительно являлось частью хулиганских действий, не образуя самостоятельного состава преступления. Из фабулы дела очевидно, что у фигуранта не было умысла на совершение вандализма.

Неверной представляется квалификация и в следующем случае. Г. совершил хулиганство, т. е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, с применением предмета, используемого в качестве оружия, при следующих обстоятельствах. 8 апреля 2021 года в период времени с 14 часов 00 минут по 14 часов 20 минут Г., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в сквере им. Чугунова В.В. по адресу: Ленинградская область, Ломоносовский район, п. Оржицы, осознавая, что находится в общественном месте, беспричинно, вопреки общепризнанным нормам морали и нравственности, имея умысел на грубое нарушение общественного порядка, выражая явное неуважение к обществу и общепризнанным правилам поведения в обществе, оскорбляя своим поведением честь и достоинство Свидетеля № 2 и Свидетеля № 3, демонстрируя пренебрежительное отношение к последним, желая показать свою вседозволенность и безнаказанность, умышленно нанеся имеющимся при нем топором не менее пяти ударов по скамье, грубо нарушив

¹ Там же.

общественный порядок, он же совершил вандализм, т. е. порчу имущества в общественных местах.

8 апреля 2021 года в период времени с 14 часов 00 минут по 14 часов 20 минут Г., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в сквере им. Чугунова В.В. по адресу: Ленинградская область, Ломоносовский район, п. Оржицы, после совершения хулиганских действий, осознавая, что находится в общественном месте, вопреки общепризнанным нормам морали и нравственности, противопоставляя себя окружающим, имеющимся при нем топором беспричинно нанеся не менее пяти ударов по памятной доске «Кавалера ордена Мужества Чугунова Вадима Владимировича», расколол ее на части, причинив администрации Оржицкого сельского поселения Ломоносовского района Ленинградской области ущерб на сумму в размере 11 000 рублей². В приведенном примере разница была лишь в предметах, по которым были нанесены удары «разгулявшимся» фигурантом. Суд обосновал подобную квалификацию лишь «механической» ссылкой на п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45. В приведенном приговоре вызывает обоснованные сомнения и квалификация содеянного как хулиганства, так как из приговора никак не следует, что Г. применял к кому-либо из присутствующих насилие или угрожал его применением. Таким образом, приведенный пример демонстрирует, что в основу подобной квалификации был положен далеко не фактический анализ обстоятельств со-

² Приговор Ломоносовского районного суда Ленинградской области от 30 августа 2021 г. по делу № 1-201/2021 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=CDA3978E1C131A4D57EFE6F2947FDB6D&mode=backrefs&base=AOSZ&n=4820640&BASENODE=IiLiMiwyMTQsQVNPSiliLCliMiwyMTksU09KIiIsIilyLDIsQVJCili&rnd=XzEGrA#VwWwA3VIXml1pWHw> (дата обращения: 24.11.2025).

деянного, квалификация содеянного судом мотивирована не была.

Приведем еще один пример. Павел Калинин был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213, ч. 1 ст. 214 УК РФ. С 5 часов 29 минут по 6 часов 45 минут 22 октября 2024 года Калинин, находясь в салоне автобуса «НЕФАЗ 5299», принадлежащего... т. е. на транспорте общего пользования, осознавая, что находится в общественном месте, будучи агрессивно настроенным к водителю указанного автобуса А., а также выражая явное неуважение к другим лицам, находящимся в салоне автобуса, в ходе внезапно возникшего конфликта с А. из-за музыки, играющей в кабине водителя, используя малозначительный повод, достал имеющийся при нем заряженный пневматический газобаллонный (СО₂) пистолет «МР-Х» калибра 4,5 мм и осуществил выстрел в сторону заднего стекла перегородки водителя, осознавая тот факт, что своими противоправными действиями в общественном месте, в замкнутом пространстве и непосредственной близости от окружающих может причинить кому-либо вред. А. прекратил движение автобуса около д. 25/13 по ул. Черкасова, а Калинин, дернув аварийный рычаг, вышел на улицу, подошел к кабине водителя автобуса и вновь произвел выстрел из указанного пистолета в сторону А. и в непосредственной близости от него, повредив боковое стекло с форточкой, после чего с места совершения преступления скрылся. Таким образом, Калинин причинил потерпевшему А. моральный вред, а также материальный ущерб на общую сумму 83 064, 58 рубля¹. На наш взгляд, действия Калинина в данной ситуации были обусловлены исключи-

тельно хулиганскими побуждениями, он действовал, желая противопоставить себя обществу, показать пренебрежение к нему, используя незначительный повод. Все действия, которые он предпринял, вполне «укладывались» в рамки хулиганских. Соответственно, квалификация его действий по совокупности с вандализмом представляется излишней.

В связи с этим следует согласиться с обоснованным мнением А. Магомедова, М. Макаренко о том, что «при совершении вандализма обстановка публичности, как правило, отсутствует либо не охватывается умыслом виновного», по их мнению, вандализм может быть совершен по любым мотивам в отличие от деяния, предусмотренного ст. 213 УК РФ, там мотивы всегда хулиганские [4]. Таким образом, авторы отмечают необходимость разграничения данных составов преступлений, ничего не говоря о возможности их квалификации по совокупности. Представляется, что характер данных деяний действительно различается. И этого разъяснения со стороны высшей судебной инстанции как раз не хватает правоприменительным органам. По нашему мнению, квалификация содеянного по ст. 214 УК РФ должна исключаться в тех случаях, когда повреждение имущества происходит в рамках совершения хулиганских действий. Соответственно, представляется, что для избежания подобных разночтений, казусов и обоснованного усиления уголовной ответственности можно было бы в ч. 2 ст. 213 УК РФ предусмотреть квалифицирующий признак «с причинением значительного материального ущерба» наряду с уже имеющимися там, определив минимальную сумму такого в примечании к ст. 213 УК РФ, распространив его действие и на ст. 214 УК РФ. При этом в ч. 2 ст. 214 УК РФ следует также установить ответственность за причинение в результате совершения вандализма значительного материального ущерба.

¹ Приговор Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга в отношении Павла Калинина // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга : сайт. URL: <https://t.me/SPbGS/20490> (дата обращения: 24.11.2025).

Более того, следует отметить, что в настоящее время санкции за вандализм являются необоснованно мягкими, зачастую не соответствующими тяжести содеянного. Вандализм по своим санкциям (по ч. 1 максимально возможное в настоящее время наказание — принудительные работы, по ч. 2 — лишение свободы до трех лет) «проигрывает» санкциям ст. 167 УК РФ, в ч. 1 которой предусмотрено максимальное наказание до двух лет лишения свободы, а в ч. 2 — до пяти лишения свободы. Хотя, на наш взгляд, общественная опасность вандализма равна или даже превосходит общественную опасность умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества.

Приведем пример из судебной практики. Среди преступных действий Трофимова был непосредственно вандализм — нанесение по мотивам политической, идеологической ненависти, ненависти в отношении социальной группы — военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации лакокрасочного материала, в состав которого входит краситель черного цвета (сажа), на изображение военнослужащего, а также два надругательства над Государственным флагом Российской Федерации и два факта реабилитации нацизма. Суд признал его виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 214, ст. 329 (два эпизода), ч. 3 ст. 354.1 (два эпизода) УК РФ, назначив ему по совокупности всех преступлений наказание в виде ограничения свободы сроком два года шесть месяцев, штрафа в размере 700 000 рублей¹. В приведенном примере в результате совершенных действий пострадало несколько объектов уголовно-правовой охраны. Тем не менее, с учетом совокупности преступлений, наказание было назна-

чено лишь в виде ограничения свободы. Представляется, что подобная мягкая «санкционная» политика в отношении лиц, совершивших указанное деяние, не вполне соответствует государственной политике по ужесточению наказания лицам, совершающим преступления экстремистской направленности. Цели уголовной превенции в данном случае не могут быть достигнуты.

На основании изложенного представляется необходимым:

1) изменение диспозиции ч. 1 ст. 214 УК РФ, которую предлагаем изложить следующим образом: «Вандализм, то есть осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества в общественном месте (местах) ...»;

2) закрепление в примечании к ст. 214 УК РФ определения понятия «общественное место», возможные варианты которого представлены в тексте настоящей статьи, и распространение действия этого определения на все статьи УК РФ, в которых упоминается общественное место;

3) усиление ответственности в случае причинения значительного материального ущерба при хулиганстве и вандализме с одновременной фиксацией минимального размера такого ущерба в примечании к ст. 213 УК РФ;

4) усиление уголовной ответственности за вандализм при установлении факта его совершения из корыстных побуждений;

5) формулирование Пленумом Верховного Суда Российской Федерации более четких критериев разграничения деяний, предусмотренных ст. 213 УК РФ и ст. 214 УК РФ, ст. 214 УК РФ и ст. 167 УК РФ;

6) внесение в санкцию ч. 1 ст. 214 УК РФ изменений путем дополнения ее наказанием в виде лишения свободы на срок до двух лет, а также изменение верхнего порога санкции ч. 2 ст. 214 УК РФ и установление такового в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

¹ Приговор Санкт-Петербургского городского суда в отношении Николая Трофимова // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга : сайт. URL: <https://t.me/SPbGS/21756> (дата обращения: 24.11.2025).

Список источников

1. Тепляков В.П. Отличие вандализма от умышленного повреждения чужого имущества по объективным признакам преступления // Российский следователь. 2019. № 6. С. 55 – 58.
2. Черемнова Н.А. Отграничение умышленных уничтожения или повреждения имущества от вандализма // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 50 – 54.
3. Курсаев А.В. Хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования // Уголовное право. 2025. № 8. С. 42 – 62.
4. Магомедов А., Макаренко М. Разграничение вандализма и уголовно наказуемого хулиганства // Уголовное право. 2006. № 4. С. 34 – 36.

Информация об авторе

Е.А. Писаревская – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E.A. Pisarevskaya – Associate Professor at the Department of criminal law of the North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.3/.7

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Владимир Ильич ТЮНИН

*Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
v-tunin@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы юридической оценки действий, образующих признаки преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ. Исследуются вопросы относительно формы совершения незаконного образования юридического лица, соучастия в совершении указанного преступления, окончания преступления, разграничения с преступлением, предусмотренным ст. 170.1 УК РФ, а также субъекта указанного преступления.

Ключевые слова: юридическое лицо, представление сведений, подставное лицо, соучастие в преступлении, государственная регистрация, организованная группа, квалификация

Для цитирования: Тюнин В.И. Отдельные вопросы квалификации незаконного образования юридического лица // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 101 – 107.

Original article

CERTAIN ASPECTS OF LEGAL QUALIFICATION OF THE UNLAWFUL CREATION OF A LEGAL ENTITY

Vladimir I. TYUNIN

*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,
v-tunin@rambler.ru*

Abstract. This article considers the legal qualification of conduct constituting the elements of the offence under Article 173.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. It analyses issues related to the method of committing the unlawful formation of a legal entity, involvement in such activity, completion of the offence, differentiation from the offence under Article 170.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the subject of the crime.

Keywords: legal entity, submission of information, straw person, complicity in an offence, state registration, organized group, legal qualification

For citation: Tyunin V.I. Certain aspects of legal qualification of the unlawful creation of a legal entity. Criminalist. 2026;2(55):101-107. (In Russ.).

В настоящей статье основное внимание уделено вопросам квалификации преступлений, состоящих в незаконном образовании (создании, реорганизации) юридического лица, что соответствует

прежнему названию статьи 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Противодействие преступлениям, предусмотренным ст. 173.1 УК РФ, разумеется, не ограничивается

их квалификацией, поэтому будут затронуты и иные вопросы. В Уголовный кодекс Российской Федерации норма ст. 173.1 введена еще в 2011 году. Ранее в УК РФ имелаась ст. 173, которая должна была противодействовать лжепредпринимательству, однако с этой задачей справиться не смогла по ряду причин, прежде всего в связи с недостатками юридико-технического свойства, что проявлялось и в правоприменительной практике [1].

Нормы ст. 173.1 УК РФ изначально были далеки от совершенства, о чем говорилось в научной литературе [2, с. 22 – 26; 3, с. 74 – 78]. Федеральными законами от 30 марта 2015 года № 67-ФЗ (ред. от 29 июня 2015 года) и от 24 июня 2025 года № 172-ФЗ законодатель последовательно внес изменения в текст ст. 173.1 УК РФ. В частности, Федеральным законом от 30 марта 2015 года № 67-ФЗ диспозиция уголовно-правовой нормы ч. 1 ст. 173.1 УК РФ была дополнена положением об ответственности за представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах. Федеральным законом от 24 июня 2025 года № 172-ФЗ изменено название ст. 173.1 УК РФ и предусмотрена ответственность за незаконную государственную регистрацию физического лица в качестве индивидуального предпринимателя. В диспозиции ч. 1 ст. 173.1 УК РФ кроме того установлена ответственность за представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей сведений о подставных лицах. Изменения внесены и в п. 1 примечаний к ст. 173.1 УК РФ, которые распространили свое действие

на ст. 173.2 и 173.3 УК РФ в части подставных лиц, а также в п. 2 примечаний об условиях освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление, предусмотренное ст. 173.2 УК РФ.

Обращение к судебной статистике свидетельствует о том, что количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 173.1 УК РФ, имеет тенденцию к увеличению. Если за базу принять показатели лиц, осужденных за преступление в 2021 году, то увидим, что в последующие годы наблюдался их рост: в 2022 году на 37 %, в 2023 году на 56,8 %, в 2024 году на 241,6 %. Сравнение показателей за шесть месяцев 2024 года и 2025 год свидетельствует, что рост составил более 2 %¹.

Прежде чем обратиться к вопросам квалификации, представляется уместным упомянуть о формах совершения преступления. О них достаточно подробно уже говорилось в литературе, поэтому сошлемся на источники и укажем принципиальное отличие в деяниях. Первая форма рассматриваемого преступления состоит в незаконном образовании (создании, реорганизации) юридического лица. Уголовно-правовая норма ч. 1 ст. 173.1 УК РФ связывает момент окончания преступления в форме незаконного образования юридического лица с фактом его регистрации в едином государственном реестре юридических лиц. В России создание юридического лица регулируется Федеральным законом от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 года) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Исходя из содержания действий, конечным результатом которых является регистрация организации в едином государственном реестре юридических

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 05.01.2026).

лиц, незаконное образование юридического лица можно определить как совокупность действий, не ограничивающихся подачей пакета необходимых документов для регистрации. Создание юридического лица (регистрация организации) — это процесс, при котором организация получает официальный статус, позволяющий вести деятельность: заключать сделки, трудовые и гражданско-правовые договоры, владеть имуществом, открывать банковские счета, получать лицензии. Можно выделить подготовительный этап создания юридического лица, предполагающий определение состава участников, решение о подготовке протокола общего собрания, договора об учреждении, определение названия и юридического адреса организации. Подача документов предшествует этап подготовки названных и иных документов (заявления о регистрации, решения учредителя либо протокола общего собрания, договора об учреждении, устава). Согласно ст. 57 Гражданского кодекса Российской Федерации реорганизация юридического лица (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) осуществляется по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом. Юридическое лицо считается реорганизованным, за исключением случаев реорганизации в форме присоединения, с момента государственной регистрации юридических лиц, создаваемых в результате реорганизации. При совершении преступления в форме незаконного образования юридического лица действия виновных формально соответствуют установленному порядку, но совершаются через подставных лиц.

Под второй формой совершения преступления понимается представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических

лиц, данных, содержащих сведения о подставных лицах. В приговоре суда по делу о совершении преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ, должно быть указано, в какой форме совершено преступление.

Начнем с примера квалификации преступления, совершаемого в форме образовании юридического лица через подставное лицо. Приговором Ленинского районного суда г. Н. Новгорода Б. и С. признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ. Посредством ноутбука, принадлежащего С., виновные в сети «Интернет», на сайте «ВКонтакте», в группе «Покупка, продажа фирм», создали и разместили объявление с текстом «Продажа фирмы». На данное объявление откликнулся Н., личность которого не была установлена. С. передал неустановленному лицу документы Б., который должен был выступить в роли единственного учредителя и номинального руководителя юридического лица. На документах, подготовленных неустановленным лицом для регистрации, Б. поставил свои подписи и предоставил пакет документов в межрайонную инспекцию Федеральной налоговой службы. Полученные после государственной регистрации документы в полном объеме Б. передал С., а последний — неустановленному лицу¹. Каждый из соучастников выполнил определенные действия, находящиеся в причинной связи с регистрацией юридического лица, при этом подставным лицом выступил Б. С квалификацией следует согласиться. Конечным бенефициаром (выгодоприобретателем) в данном случае являлось неустановленное лицо. Подставное лицо — Б. — осознавало факт создания организации, согласилось стать подставным лицом,

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Н. Новгорода по делу № 1-259/2017 // Юрконсульт : сайт. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/> (дата обращения: 07.01.2026).

на которое оформлялась организация, у него отсутствовала цель управления юридическим лицом. Материалы дела и других уголовных дел показывают, что понятие «образование юридического лица» понимается весьма широко. Исполнителями преступления выступают любые лица, в той или иной форме способствовавшие созданию новой организации, при условии, что их сознанием охватывался факт регистрации организации в едином государственном реестре юридических лиц.

Приведем пример совершения преступления во второй форме — представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице. Железнодорожным районным судом г. Хабаровска осужден Ш. за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ. Действия Ш. квалифицированы как представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Не установленное следствием лицо предложило Ш. за денежное вознаграждение представить в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о подставных лицах, на что Ш. ответил согласием. В последующем он подписал документы, содержащие заведомо ложные данные о прекращении полномочий ФИО8 и о возложении полномочий директора ООО на себя (Ш.). Указанные документы он предоставил для регистрации в ИФНС России. На основании представленных документов было принято

решение о государственной регистрации, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице. В данном деле Ш. был признан исполнителем преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору с неустановленным лицом. Из материалов дела следует, что Ш. осознавал, что выступает подставным лицом, у которого отсутствует цель управления юридическим лицом¹.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ, используются разнообразные схемы, описать которые невозможно в рамках настоящей статьи, поэтому мы обратимся к ним, ссылаясь на работы других авторов, обращая внимание на особенности участников преступления — их роль в совершении преступления, цель совершения, особенности подставных лиц, влияющие на квалификацию преступления. Судебная практика свидетельствует, что совершение преступления с участием подставного лица не всегда оценивается по п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ. Так, по ч. 1 ст. 173.1 УК РФ осуждена Ж., виновная в незаконном образовании (создании) юридического лица через подставное лицо, а также представлении в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшем внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице. Из приговора следует, что подставное лицо знало о том, что вести хозяйственную деятельность не будет. Действия его состояли в передаче осужденной паспорта и подписании необходимых для создания организации документов. В передаче документов для регистра-

¹ Приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 13 июля 2017 г. по делу № 1-360/2017 // Юрконсульт : сайт. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/> (дата обращения: 07.01.2026).

ции в налоговую инспекцию подставное лицо не участвовало¹. От предыдущего случая поведение подставного лица отличается меньшим объемом действий: оно не было инициатором совершения преступления и не представляло документы в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц.

Еще один пример. Кассационным постановлением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции приговор и апелляционное постановление в отношении П.Д., осужденного по ч. 1 ст. 173.1 УК РФ, оставлены без изменения². Суть дела такова. П.Д., будучи директором, выступил инициатором внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о смене руководителя (П.Д.) на Р. Являясь подставным лицом, Р. никогда не принимал участия в финансово-хозяйственной деятельности общества и не имел такого намерения. П.Д. подготовил от имени Р. заявление формы Р13014 и нотариально заверил подписи на нем. Действия подставного лица состояли в представлении данных в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, повлекшем внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице (Р.). Отдельным пунктом в решении юридического лица о смене руководителя было указано, что обязанность представления документов в регистрирующий орган возлагается на нового руководителя. Здесь

мы встречаемся с совершением преступления по второй форме, где законодатель предусмотрел в качестве основного признака объективной стороны состава преступления представление данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах. В данном деле смущает одно обстоятельство: никаких свидетельств о том, что юридическое лицо с номинальным директором будет использовано для совершения преступлений или обналичивания денежных средств из приговора не следует, а мотивация обвиняемого заключалась в потребности получения им кредита. По мнению О.Ю. Бунина, наказание лиц, совершающих подобные деяния, при отсутствии цели совершения противоправных деяний является несправедливым [4, с. 73 – 77].

Изученная литература и судебная практика позволяют говорить о целях и мотивах, которыми руководствуются участники преступлений. Для этого необходимо указать, для чего создаются «фирмы-однодневки». Задачи, решаемые с помощью таких фирм, весьма многообразны, прежде всего это совершение преступлений (главным образом экономических) и (или) деяний, которые хотя и не являются преступлениями, но не допускаются законодательством, например так называемое «обналичивание». Лиц, заинтересованных в совершении указанных деяний, можно назвать бенефициарами (выгодоприобретателями). В схеме собственно незаконного образования юридического лица их можно назвать заказчиками, а с точки зрения института соучастия — организаторами преступления либо подстрекателями [4, 75]. Однако заметим, что приговоров в отношении таких лиц, если они сами не совершали действий, связанных с поиском подставных лиц, подготовкой документов для образования юридического

¹ Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31 марта 2025 г. № 77-929/2025 // Консультант-Плюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/egi/online.cgi?red=dog&base=ksj0078&n=133736#yWvs2FVvidBvzte> (дата обращения: 08.01.2026).

² Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 ноября 2024 г. по делу № 77-4581/2024, 77-1030/2020 // Репутация : сайт. URL: <https://reputation.su/sudrf/> (дата обращения: 08.01.2026).

лица или представления сведений о подставных лицах в регистрирующий орган для смены учредителя (руководителя), нам не встречалось.

З.Д. Рожавский [5, с. 85—88] выделил две разновидности бенефициаров в зависимости от их участия в механизме образования фирм-однодневок и последующем их использовании. Это конечный бенефициар и промежуточный бенефициар. Конечный бенефициар — это лицо, заказавшее регистрацию юридического лица и в последующем использующее его через подставных лиц. Под промежуточными бенефициарами им понимаются регистраторы (консалтинговые компании), сотрудники которых оказывают различные консультационные и иные услуги владельцам бизнеса, в том числе по подготовке документов и созданию иных условий для регистрации юридических лиц, в том числе через подставных лиц.

На наш взгляд, можно выделить еще одну группу бенефициаров, назвав их «неорганизованными». Они не имеют целью использовать фирмы-«прокладки» и не имеют организационно-правовой формы, но, желая заработать, сами участвуют в образовании юридического лица с целью его последующей продажи. Они-то чаще всего и становятся фигурантами уголовных дел.

Как мы уже отмечали, юридическая оценка действий подставных лиц в рамках ответственности по ст. 173.1 УК РФ неоднозначна [6, с. 35—47]. Приведенные примеры показывают, что их зачастую привлекают к ответственности по п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ. Вот один из таких примеров. Приговором Кировского районного суда г. Уфы по п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ осуждена ФИОЗ. В приговоре говорится, что ФИОЗ, будучи нетрудоустроенной, вступила в преступный сговор с неустановленным лицом на совершение преступления.

При этом подчеркивается, что неустановленное лицо координировало действия ФИОЗ, руководило ее поведением и скрывало истинные преступные намерения об использовании юридического лица. И примеров такого рода множество. В большинстве изученных нами приговоров такие лица в социальном плане относятся к числу маргинализированных, зачастую не имеют работы, живут на случайные заработки, порой не имеют среднего общего образования. Но поскольку они выполняют часть объективной стороны преступления, и в большинстве случаев финальную часть, состоящую в представлении документов в регистрирующие органы, их признают исполнителями преступления. Эти обстоятельства понятны и судьям, и не случайно в большинстве приговоров наказание им назначается условно с применением ст. 73 УК РФ. Организаторы сложных схем образования юридических лиц через подставных лиц уходят от уголовной ответственности. Закономерно поставить вопрос об эффективности такой правоприменительной практики. В уголовно-правовой литературе высказываются различные предложения по изменению правоприменительной практики. Например, если подставное лицо не участвовало в подготовке пакета документов, а лишь предоставило документ, удостоверяющий личность, для государственной регистрации изменений в единый государственный реестр юридических лиц, но при этом не является непосредственным участником процедуры государственной регистрации (в процедуре участвует представитель по доверенности), его действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 173.1 УК РФ.

Какие варианты, на наш взгляд, могли бы изменить такую правоприменительную практику? Если подставное лицо не являлось инициатором совершения преступления и не совершало

активных действий по выполнению объективной стороны преступления, как в одном из наших примеров, можно было бы признавать его соучастником совершения преступления, предусмотрев соответствующую часть ст. 173.1 УК РФ, установив в этой части ответственность за пособничество в создании юридического лица, что исключило бы применение п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ.

Безусловно, деяния, результатом которых является образование юридического лица через подставных лиц либо внесение данных об учредителе (руководителе)

дителя) юридического лица, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице, создают благоприятные условия для совершения других преступлений. Поэтому следует согласиться с предложением В.В. Бальжинимаевой предусмотреть в качестве отягчающего обстоятельства использование фирм-однодневок, как это сделано в п. «г» ч. 2 ст. 193 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 193.1 УК РФ для других экономических преступлений, а также в качестве отягчающего обстоятельства в ст. 63 УК РФ [7, с. 3–10].

Список источников

1. Рамазанов И. Суд признал «обналичку» денег лжепредпринимательством // Экономические преступления. 2009. № 8. URL: <https://www.audit-it.ru/articles/account/court/a52/194337.html> (дата обращения: 25.02.2026).
2. Багаутдинов Ф.Н., Мирзанурова Н.М. Создание фирм через подставных лиц // Законность. 2015. № 6. С. 24–26.
3. Газизов Т.И. Субъект преступления, предусмотренного статьей 173.1 УК РФ, — незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2 (2). С. 74–78.
4. Бунин О.Ю. Аспекты справедливой уголовной ответственности подставных лиц в юридическом лице // Адвокат. 2016. № 3. С. 73–77.
5. Рожавский З.Д. Подставное лицо в контексте преступлений, совершаемых с использованием фирм-однодневок // Современное право. 2017. № 6. С. 85–88.
6. Ляско А.Н., Бальжинимаева В.В. Образование фирм-однодневок: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2024. № 2. С. 35–47.
7. Бальжинимаева В.В. Фирмы-однодневки как средство преступления // Уголовное право. 2025. № 7. С. 3–10.

Информация об авторе

В.И. Тюнин — профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук.

Information about the author

V.I. Tyunin — Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.328

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ОКАЗАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

Евгений Владиленович ХРОМОВ

*Прокуратура Гаврилово-Посадского района Ивановской области,
Ивановский филиал Российскойского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
Гаврилов Посад, Ивановская область, Россия, Hromov_evgeniy@mail.ru*

Аннотация. В работе обосновано предложение классификации преступлений в сфере оказания юридических услуг: совершенные участниками рынка оказания юридических услуг, не связанные с осуществлением профессиональной деятельности (ст. 111, 115, 112, 118, 264 УК РФ и т. п.); посягательства против интересов доверителей (ст. 158, 159 УК РФ и т. п.); оказание квалифицированной юридической помощи в достижении интересов доверителей незаконными средствами (ст. 291, 291.1, 294, 297, 298.1, 303, 307, 309, 310 УК РФ и т. д.); деяния, совершаемые при оказании юридических услуг, но явно выходящие за пределы их объема (ст. 228.1, 282.1 УК РФ и т. п., а также пособничество в совершении преступлений доверителем). Сделан вывод о недостатках юридической техники при формулировании запрета в ст. 205.6 УК РФ.

Ключевые слова: юридические услуги, доноительство, укрывательство, интеллектуальное пособничество, экстремистское сообщество

Для цитирования: Хромов Е.В. Вопросы квалификации преступлений, совершаемых при оказании юридических услуг // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 108 – 116.

Original article

ISSUES OF QUALIFICATION OF OFFENCES IN THE PROVISION OF LEGAL SERVICES

Evgeny V. KHROMOV

*Prosecutor's Office of the Gavrilovo-Posadsky district of the Ivanovo region,
Ivanovo branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Gavrilov Posad,
Ivanovo region, Russia, Hromov_evgeniy@mail.ru*

Abstract. The paper presents a proposed classification of crimes related to the provision of legal services. These include offences committed by participants in the legal services market that are not associated with professional activity (Articles 111, 115, 112, 118, 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.); encroachments against the interests of clients (Articles 158, 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.); providing qualified legal assistance through unlawful means to achieve clients' interests (Articles 291, 291.1, 294, 297, 298.1, 303, 307, 309, 310 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.); acts committed during the provision of legal services that clearly exceed their scope (Articles 228.1, 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.), as well as facilitation of crimes committed by clients. The author concludes that there are deficiencies in legal drafting techniques when formulating prohibitions under Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: legal services, failure to report, concealment, intellectual facilitation, extremist community

© Хромов Е.В., 2026

For citation: Khromov E.V. Issues of qualification of offences in the provision of legal services. Criminalist. 2026;2(55):108-116. (In Russ.).

Уровень криминализации сферы оказания юридических услуг ежегодно растет. Так, с 2013 по 2018 год в связи с осуждением за умышленные преступления ежегодно принимались решения о лишении статуса адвоката от 33 до 53 адвокатов¹, а в 2024 году к уголовной ответственности привлечено уже более 150 указанных субъектов².

Среди преступлений, совершаемых адвокатами, можно выделить посягательства, никак не связанные с осуществлением профессиональной деятельности. В таких случаях указанные лица несут уголовную ответственность на общих основаниях [1].

Например, адвокат осужден по п. «з» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) за причинение тяжкого вреда здоровью в ходе пьяной драки в кафе (приговор Железнодорожного районного суда г. Рязани от 27 июля 2021 года по делу № 1-175/2021). В другом случае адвокат осужден по ч. 1 ст. 210, п. «б» ч. 4 ст. 174.1, п. «б» ч. 2 ст. 241 УК РФ за создание преступного сообщества, которое с 2007 по 2015 год занималось содержанием притонов и организацией занятия проституцией (приговор Советского районного суда г. Воронежа от 24 декабря 2021 года по делу № 1-2/2021). Адвокат осужден по ч. 5 ст. 264 УК РФ за ДТП

(выезд на полосу встречного движения), в котором погибло три человека, в том числе одна малолетняя (приговор Татищевского районного суда Саратовской области от 29 ноября 2013 года по делу № 1-106/2013).

Все чаще адвокаты привлекаются к уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности.

Конституцией Российской Федерации (ч. 1 и ч. 2 ст. 29) каждому гарантируется свобода мысли и слова, однако не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Адвокат осужден по ч. 1 ст. 280, ч. 1 ст. 282.1 УК РФ за создание регионального экстремистского сообщества под названием «Народная национальная партия», основными целями которого являлось возбуждение расовой, национальной и религиозной ненависти, распространение соответствующих листовок, литературы, проведение митингов и собраний (приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 22 июня 2007 года).

Президент адвокатской палаты Удмуртской Республики Д. Т. разместил на своей странице в социальной сети публикации, содержащие лингвистические и психологические признаки возбуждения ненависти и вражды по отношению к членам социальной группы лиц, поддерживающих проведение специальной военной операции, а также заведомо ложные сведения об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, за что осужден по п. «а» ч. 2 ст. 207.3, п. «б» ч. 2 ст. 282 (2 эпизода) УК РФ. Верховный суд Удмуртской Ре-

¹ Аналитическая справка о привлечении адвокатов к уголовной ответственности и совершаемых ими типичных ошибках (принята к сведению Советом ФПА РФ на заседании 24 сентября 2019 г.) // ФПА : Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : сайт. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/analytical-report-on-the-involvement-of-lawyers-to-criminal-liability-and-they-commit-the-typical-mi> (дата обращения: 12.02.2026).

² ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22879747> (дата обращения: 12.02.2026).

спублики приговор изменил, переквалифицировал действия осужденного с п. «б» ч. 2 ст. 282, п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ на единое продолжаемое преступление, поскольку «противоправные действия носили тождественный характер, совершались в одном месте с одной целью и охватывались единым умыслом» (апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 31 октября 2025 года по делу № 22-1672/2025).

Однако с точки зрения особенностей квалификации для доктрины и правоприменителя наибольший интерес представляют случаи совершения адвокатами преступлений в рамках своей профессиональной деятельности.

Задачи, возложенные на адвокатуру, имеют государственное значение и отражают публичные интересы общества [2, с. 58]. В силу действующего законодательства и разъяснений высшей судебной инстанции совершение адвокатами преступлений не может быть квалифицировано по признаку использования должностного или служебного положения [3]. Исключение составляет выполнение адвокатами роли пособника, подстрекателя или организатора таких преступлений.

В литературе профессиональные преступления адвокатов принято разделять на основные, или собственно адвокатские (ст. 159, 291, 297, 303 УК РФ), и сопутствующие (ст. 209, 210 УК РФ) [4, с. 121, 122].

Предложенную классификацию полагаем возможным конкретизировать.

Так, первую группу можно условно разделить на преступления, совершенные против интересов доверителя (ст. 159 УК РФ), и посягательства, связанные с осуществлением адвокатами профессиональных обязанностей незаконными способами (ст. 291, 291.1, 294, 297, 298.1, 303, 307, 309, 310 УК РФ и т. д.).

Например, адвокат Х. путем обмана похитил 900 тыс. рублей, принадлежащих его доверителю, под вымышлен-

ным предлогом наличия у него возможности повлиять на принятие судом положительного решения по делу об оспаривании действий судебных приставов-исполнителей путем передачи денежных средств сотрудникам прокуратуры. Х. осужден по ч. 3 ст. 159 УК РФ (приговор Ленинского районного суда г. Иваново от 14 апреля 2023 года по делу № 1-22/2023).

Адвокат С. пообещал родственникам обвиняемого переквалификацию действий последнего с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ст. 316 УК РФ, для чего получил 500 тыс. рублей якобы для передачи судье. Полученные денежные средства адвокат пообещал второму соучастнику убийства, уговорив его дать признательные показания. С. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159, ч. 1 ст. 294 УК РФ (приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 31 января 2018 года).

В ходе рассмотрения уголовного дела представитель потерпевшего адвокат О. заявил судье отвод, в котором изложил сведения, что последний «совершает действия по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (подстраивая его под себя), заинтересован в исходе дела и объеме возмещения потерпевшему причиненного вреда, связан взаимовыгодными отношениями (состоит в доле) с подсудимым». Действия О. квалифицированы по ч. 1 ст. 298.1 УК РФ (приговор Каширского городского суда Московской области от 23 апреля 2021 года по делу № 1-25/2021).

Следователь К. при подстрекательстве адвоката Ш. заставил потерпевшую подписать протокол допроса об ошибочном опознании обвиняемого М. и приобщил его к материалам уголовного дела. К. осужден по ч. 3 ст. 303 УК РФ, адвокат Ш. — по ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 303 УК РФ (определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 января 2005 года № 69-о05-1).

Защитник К. убедил свидетеля по уголовному делу об убийстве дать ложные показания, за что осужден по ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 307 УК РФ (приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбург от 16 марта 2021 года по делу № 1-46/2021).

Адвокат Л. попытался через свидетеля склонить потерпевшую по делу об изнасиловании к изменению показаний по уголовному делу за 300 тыс. рублей. Получив отказ, Л. стал высказывать угрозы распространения в сети «Интернет» сведений, порочащих свидетеля, и отдал последнему 10 тыс. рублей для передачи потерпевшей, за что осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 309 УК РФ (апелляционное постановление Владимирского областного суда от 13 сентября 2018 года № 22-1752/2018).

При ознакомлении с уголовным делом в порядке ст. 217 УПК РФ без согласия следователя адвокат Ч. изготовил копии отдельных материалов (касающихся результатов оперативно-разыскной деятельности) и направил их почтовой связью в Федеральную таможенную службу Российской Федерации в виде приложения к адвокатскому запросу, который, по его мнению, был нацелен на сбор доказательств невиновности его подзащитного, за что осужден по ст. 310 УК РФ. Суды признали, что использование без разрешения следователя материалов уголовного дела при направлении адвокатского запроса образует признаки состава преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ. Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая жалобу осужденного, подчеркнул, что право на судебную защиту не может быть реализовано незаконными средствами¹. В другом случае высшая судеб-

ная инстанция признала, что предоставление адвокатом третьим лицам копий материалов уголовного дела, полученных в открытом судебном заседании при избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, признаки преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, не образует².

При этом возможны ситуации, когда адвокатами одновременно совершаются преступления как против, так и в интересах доверителя.

Например, адвокат К-на вела переговоры с судьей К. о передаче последнему взятки за совершение действий в интересах взяткодателя. В дальнейшем К-на передала К. 13 млн рублей, а 1,4 млн рублей оставила себе, после чего указанные лица были задержаны. К-на осуждена по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 291.1 УК РФ, а К. — по ч. 6 ст. 290 УК РФ (кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2024 года № 4-УД24-4-А1).

Вторую группу профессиональных преступлений, совершаемых адвокатами, составляют сопутствующие преступления, деяния хотя и совершаемые при оказании юридических услуг, но явно выходящие за пределы их объема.

Например, адвокат К. осужден по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ за попытку пронести в следственный изолятор подзащитному 17,2 г гашиша (приговор Ломоносовского районного суда Ленинградской области от 21 сентября 2017 года по делу № 1-116/2017).

На практике стали появляться случаи совершения адвокатами сопутствующих их профессиональной деятельности преступлений экстремистской направленности.

Федерального закона «Об общественных объединениях»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1246-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28062012-n-1246-ob/> (дата обращения: 12.02.2026)..

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 8. С. 40 — 41.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы региональной общественной организации «Молодежный центр поэзии, музыки и кулинарного искусства» и гражданки Насоновой Натальи Андреевны на нарушение конституционных прав и свобод положениями частей третьей, четвертой и пятой статьи 29

Так, согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» одной из форм участия в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282.1 УК РФ) выступает выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (снабжение информацией, ведение документации и т. п.)¹.

Поддержание связи между руководителями и членами экстремистского сообщества является формой обеспечения его деятельности, т. е. участия в нем. Субъектами преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282.1 УК РФ, могут выступать адвокаты, обеспечивающие связь между участниками экстремистского сообщества и его руководителями, уже отбывающими наказание в местах лишения свободы, при оказании юридической помощи.

Так, адвокаты Алексея Навального — Кобзев, Липцер и Сергунин осуждены за участие в экстремистском сообществе «Фонд борьбы с коррупцией», или «Команда Навального» (далее — ФБК «Команда Навального», ФБК), по ч. 2 ст. 282.1 УК РФ. Виновные в период с марта 2021 года по 13 октября 2023 года, используя свой статус адвокатов для доступа к доверителю в рамках оказания юридической помощи в ФКУ ИК-2 и ФКУ ИК-6 УФСИН России по Владимирской области, обеспечивали связь между Навальным и другими члена экстремистского сообщества путем передачи писем, иной корреспонденции, доведения устной информации.

¹ О судебной практике, по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 : текст с изм. и доп. на 23 дек. 2025 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8255/> (дата обращения: 12.02.2026).

Осуждая Кобзева, Липцера и Сергунина, суд обоснованно разграничил оказание профессиональных юридических услуг и участие в экстремистском сообществе в форме выполнения функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества, сославшись на положения:

п. 1 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если оно имеет заведомо незаконный характер;

п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, в силу которого никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом.

Согласно абз. 2 п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», под добровольным прекращением участия в деятельности экстремистского сообщества как основанием для освобождения от уголовной ответственности в силу примечания 1 к ст. 282.1 УК РФ понимается прекращение лицом преступной деятельности при осознании им возможности ее продолжения. Оно может выражаться, например, в выходе из состава экстремистского сообщества или экстремистской организации, невыполнении распоряжений их руководителей, отказе от совершения иных действий, поддерживающих существование сообщества или организации, отказе от совершения преступлений.

Установлено, что адвокат Липцер последний раз посещал Алексея Навального в колонии 8 июня 2022 года и расторг

соглашение об оказании юридической помощи с его родственниками 30 июня 2022 года. Адвокат Сергунин утверждал, что после 6 декабря 2022 года он добровольно вышел из состава экстремистского сообщества, осознав противоправность своих действий, перестал выполнять отведенную ему роль в обеспечении деятельности ФБК.

Суды обоснованно не нашли оснований для освобождения Липцера и Сергунина от уголовной ответственности на основании примечания 1 к ст. 282.1 УК РФ, указав следующее.

Расторжение Липцером 30 июня 2022 года соглашения об оказании юридической помощи само по себе не свидетельствует о необходимости его освобождения от уголовной ответственности в силу примечания 1 к ст. 282.1 УК РФ. Липцер, имея реальную возможность, не сообщал о добровольном прекращении участия в деятельности экстремистского сообщества, после расторжения соглашения об оказании юридической помощи продолжил по месту жительства и работы хранить переписку между участниками ФБК.

Сергунин не прекращал деятельность в экстремистском сообществе. 6 декабря 2022 года в ФКУ ИК-6 УФСИН России по Владимирской области Алексей Навальный сообщил Сергунину, что вместо него временно будет приезжать другой адвокат, при этом от его (Сергунина) услуг доверитель не отказывается. Более того, на встрече 6 декабря 2022 года Сергунин записывал продиктованный Навальным текст для передачи другому участнику экстремистского сообщества и размещения в сети «Интернет». До момента задержания 13 октября 2023 года Сергунин оплачивал арендованную квартиру для пребывания адвокатов в г. Коврове Владимирской области за счет денежных средств, которые ему перечислял Кобзев.

На основании изложенного суд пришел к обоснованному выводу о том, что

Липцер и Сергунин не отказывались от участия в экстремистском сообществе, а вынужденное прекращение участия в его деятельности после возбуждения уголовного дела и задержания не влечет освобождения лица от уголовной ответственности за уже совершенное преступление, предусмотренное ст. 282.1 УК РФ (апелляционное определение Владимирского областного суда от 23 сентября 2025 года № 22-1629/2025).

Федеральным законом от 6 июля 2006 года № 375-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен ст. 205.6, устанавливающей ответственность за несообщение о преступлении террористической направленности. Исходя из содержания диспозиции ст. 205.6 УК РФ, П.В. Агапов справедливо замечает, что в указанной норме речь идет «о несообщении не о преступлении, а о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из указанных преступлений» [5].

Возможно ли привлечение адвокатов к уголовной ответственности по ст. 205.6, 316 УК РФ с учетом наличия у них свидетельского иммунитета?

Поводом для дискуссии следует признать отсутствие в перечне лиц, не подлежащих уголовной ответственности, приведенном в примечаниях к ст. 205.6, 316 УК РФ, наряду с супругами, близкими родственниками адвокатов.

Буквальное толкование ч. 2 ст. 51 Конституции Российской Федерации, примечания к ст. 205.6 УК РФ, п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, п. 2 ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» позволило некоторым авторам прийти к следующему выводу: «...адвокат, которому стало известно о готовящемся или совершенном преступлении террористической направленности, обязан сообщить о нем в правоохранительные органы в любой форме, которую он посчитает целесо-

образной: лично, по телефону, посредством мессенджеров, социальных сетей или электронной почты». При этом его последующий допрос, естественно, недопустим [6].

Одного лишь факта отсутствия в примечаниях к ст. 205.6, 316 УК РФ в перечне лиц, не подлежащих уголовной ответственности, наряду с супругами и близкими родственниками упоминания об адвокатах недостаточно для подобного вывода.

Например, в примечании к ст. 308 УК РФ в перечне лиц, обладающих иммунитетом от привлечения к уголовной ответственности, также отсутствует упоминание об адвокатах. Однако очевидно, что с учетом законодательного запрета на допрос адвокат не может быть привлечен к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, ставшим ему известными в ходе оказания юридической помощи.

Более того, очевидно, что применительно к ст. 205.6, 308, 316 УК РФ субъектом доносительства и укрывательства не может быть лицо, для которого сообщение о преступлении влечет его собственное изобличение в совершении другого преступления [7, с. 219], что также не отражено в примечаниях к указанным нормам уголовного закона.

Следовательно, перечень лиц, обладающих иммунитетом от привлечения к уголовной ответственности по ст. 205.6, 308, 316 УК РФ, изложенный в примечаниях к указанным нормам, не является исчерпывающим, а такой подход не свидетельствует о применении уголовного закона по аналогии.

Более того, «сообщение о преступлении, по сути, является ничем иным, как свидетельствованием» [8]. Разделение обязанности адвоката в рамках исполнения профессиональных обязанностей сообщить о совершении доверителем преступления террористического направленности и запрета на допрос об обстоятельствах, ставших ему извест-

ными в связи с обращением к нему за юридической помощью, полагаем неправильным.

В силу п. 5 ч. 4 ст. 6, п. 1 ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», разъяснений Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 июня 2017 года № 07/17 предание адвокатом сведений, составляющих адвокатскую тайну, огласке без согласия доверителя, в том числе путем их опубликования или обращения в правоохранительные органы, недопустимо ни при каких обстоятельствах.

В этой связи следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что, несмотря на отсутствие упоминания в примечаниях к ст. 205.6, 316 УК РФ, адвокаты имеют иммунитет от уголовного преследования по указанным выше нормам уголовного закона, но не абсолютный, а лишь в рамках соблюдения адвокатской тайны при оказании юридической помощи [9; 10; 11].

Заранее не обещанное несообщение адвокатом сведений о лице, готовящем, совершающем или совершившем преступление террористического направления, которые ему стали известны вне рамок оказания юридической помощи, образует признаки преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ.

Кроме того, физическое укрывательство адвокатом преступления, явно выходящее за пределы оказания юридической помощи, также следует квалифицировать по ст. 316 УК РФ. Например, адвокат избавляется от трупа убитого доверителем потерпевшего.

Изменится ли квалификация содеянного, если имело место заранее обещанное несообщение о преступлениях террористического характера (ч. 3 ст. 205.1 или ст. 205.6 УК РФ)?

Существует мнение, что несообщение о совершении преступлений террористического характера, как заранее

обещанное, так и нет, следует квалифицировать по ст. 205.6 УК РФ. Авторами приводится два аргумента:

уголовный закон в ст. 205.6 УК РФ не разделяет несообщение о преступлении на заранее не обещанное и заранее обещанное, указанные обстоятельства не являются конструктивными признаками преступления;

признание интеллектуальным пособничеством несообщения о преступлении является чрезмерно расширительным толкованием уголовного закона [12].

Заранее обещанное несообщение о совершении преступлений террористического характера, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ, следует квалифицировать не по ст. 205.6 УК РФ, а по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, т. е. как содействие в террористической деятельности в форме пособничества совершению хотя бы одного из указанных преступлений. Заранее обещанное недоносительство о совершении преступления террористической направленности укрепляет решимость виновного совершить преступление, следовательно, выступает проявлением соучастия (интеллектуальное пособничество путем устранения препятствий) [13]. Интеллектуальное пособничество может быть выражено в заранее данном обещании бездействовать (например, охранник магазина заранее обещает налетчикам не оказывать сопротивления при нападении).

Заранее обещанное укрывательство особо тяжкого преступления с учетом положений ч. 5 ст. 33 УК РФ следует квалифицировать как интеллектуальное пособничество такому преступлению, а заранее не обещанное — по ч. 2 ст. 316 УК РФ. Заранее обещанное приобретение имущества, добытого преступным путем, следует квалифицировать, как пособничество в его хищении, а заранее не обещанное — по ст. 175 УК РФ.

Следовательно, действия адвоката, который заранее обещает лицу не сообщать в компетентные органы о совершении последним преступления, предусмотренного ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, а любого другого — по соответствующей норме уголовного закона со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

На предложенную квалификацию не повлияет, заключено ли с лицом, которому заранее обещано не сообщать о его преступлении, соглашение об оказании юридической помощи или нет. Адвокат, выполняя функции соучастника преступления (интеллектуального пособника), выходит за рамки оказания квалифицированной юридической помощи в целях обеспечения доступа к правосудию, а следовательно, он несет ответственность на общих основаниях [14].

Проведенный анализ позволил не только выявить проблемы законодательной регламентации отдельных уголовно-правовых запретов, но и упорядочить преступления, совершаемые в сфере оказания юридических услуг, путем их классификации:

совершаемые участниками рынка оказания юридических услуг, не связанные с осуществлением профессиональной деятельности (ст. 111, 115, 112, 118, 264 УК РФ и т. п.);

посяательства против интересов доверителей (ст. 158, 159 УК РФ);

оказание квалифицированной юридической помощи в достижении интересов доверителей незаконными средствами (ст. 291, 291.1, 294, 297, 298.1, 303, 307, 309, 310 УК РФ и т. д.);

деяния, совершаемые при оказании юридических услуг, но явно выходящие за пределы их объема (ст. 228.1, 282.1 УК РФ и т. п., а также пособничество в совершении преступлений доверителем).

Список источников

1. Ларина Л.Ю. Разновидности преступлений, совершаемых адвокатами (по материалам практики) // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. 2015. № 3. С. 15 – 17.
2. Кучерена А.Г. Роль адвокатуры в становлении гражданского общества в России : специальность 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура» : дис. ... д-ра юрид. наук / Кучерена Анатолий Григорьевич. Москва, 2002. 360 с.
3. Ларина Л.Ю. Уголовная ответственность за преступления, совершенные с использованием профессионального положения (на примере адвокатов) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 14 – 16.
4. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Москва : Экзамен, 2005. 511 с.
5. Агапов П.В. Несообщение о преступлении: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. С. 67 – 71.
6. Овчинников О.М., Капустин К.В. Пределы уголовно-правовой защиты института адвокатской тайны в контексте противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности в УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 4. С. 2 – 4.
7. Носкова Н.А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву : специальность № 715 «Уголовное право и уголовный процесс» : дис. ... канд. юрид. наук / Носкова Нина Александровна. Москва, 1971. 256 с.
8. Зарубин А.В. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России // Петербургский юрист. 2017. № 2. С. 53 – 59.
9. Батанов А.Н. Уголовная ответственность за несообщение о преступлении // Адвокатская практика. 2016. № 6. С. 39 – 42.
10. Кадников Н.Г., Кадников Ф.Н., Карпова Н.А. К вопросу об ответственности за недонесение о преступлении и укрывательство преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2021 № 5. С. 77 – 82.
11. Сичкаренко А.Ю. Несообщение о преступлении: уголовно-правовая характеристика // Уголовное право. 2016. № 6. С. 63 – 72.
12. Очерedyкo В.А. Особенности квалификации несообщения о преступлениях // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 43 – 45.
13. Клименко Ю.А. Несообщение о преступлении (статья 205.6 УК РФ): юридическая природа, соотношение с укрывательством и соучастием в терроризме // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 163 – 171.
14. Евтеев К.И. Вопросы разграничения оказания адвокатами юридической помощи и интеллектуального пособничества // Адвокатская практика. 2024. № 4. С. 2 – 6.

Информация об авторе

Е.В. Хромов – прокурор Гаврилово-Посадского района прокуратуры Ивановской области, доцент Ивановского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, кандидат технических наук, доцент, почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

E.V. Khromov – Prosecutor of the Gavrilovo-Posadsky district of the Prosecutor's Office of the Ivanovo region, Associate Professor of the Ivanovo branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Science (Law), Candidate of Science (Technical), Associate Professor, Honorary employee of the prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА (УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Ольга Владиславовна ЧЕЛЫШЕВА

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, chelysheva2007@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию спорных вопросов, касающихся возможности признания вещественными доказательствами отдельных объектов, которые при буквальном толковании уголовно-процессуального закона не охватываются данным понятием. В то же время с точки зрения доказательственной и познавательной сущности таких объектов они соответствуют именно вещественным доказательствам. Автор поставил вопросы и предложил их решение относительно таких объектов, как вещества, не имеющие собственной устойчивой формы, копии следов, крупногабаритные объекты и объекты недвижимости, трупы, объекты, созданные путем использования информационных технологий. В статье подчеркивается актуальность данных вопросов, их практическая значимость, отрицательные последствия отсутствия единообразной судебной-следственной практики.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, вещественные доказательства, следы преступления, предметы, документы, вещества, трупы, место совершения преступления, объекты недвижимости, безналичные деньги, криптокошельки

Для цитирования: Чельшева О.В. Вещественные доказательства (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 117 – 124.

Original article

PHYSICAL EVIDENCE (CRIMINAL-PROCEDURAL AND CRIMINALISTIC ASPECTS)

Olga V. CHELYSHEVA

North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, chelysheva2007@yandex.ru

Abstract. This article addresses contentious issues concerning the possibility of recognizing certain objects as physical evidence, that, when interpreted literally, are not encompassed by this concept under criminal procedural law. However, from the perspective of evidentiary and epistemological considerations, such objects do qualify as physical evidence. The author raises questions and proposes solutions regarding objects such as substances lacking a stable form, trace copies, large-sized objects, real estate, corpses, and objects created through information technology. The article highlights the contemporary relevance of these issues, their significant practical implications, and the negative consequences resulting from the absence of a unified judicial and investigative practice.

© Чельшева О.В., 2026

Keywords: evidence, proof, physical evidence, crime traces, objects, documents, substances, corpses, crime scene, real estate, cashless money, cryptocurrency wallet

For citation: Chelysheva O.V. Physical evidence (criminal-procedural and criminalistic aspects). *Criminalist*. 2026;2(55):117-124. (In Russ.).

Вопросы доказывания и доказательств всегда имели в правовых науках криминального цикла особое значение. Осуществление правосудия в целом и вынесение судом законного, обоснованного и справедливого приговора в частности возможно только при наличии достаточной совокупности достоверных доказательств. В статье 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) перечислены виды доказательств. Причем данные виды представлены законодателем в виде исчерпывающего перечня. В пункте 4 ст. 74 УПК РФ предусмотрены вещественные доказательства. Ни один из видов доказательств не имеет преимуществ перед другими, однако именно вещественные доказательства являются тем видом доказательств, благодаря которому в наибольшей мере обеспечивается объективизация процесса доказывания.

Вещественным доказательствам в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации посвящены ст. 81, 82 УПК РФ, где достаточно подробно рассмотрены понятие вещественных доказательств, их приобщение к материалам дела и решение вопроса о них после вынесения приговора, а также порядок обращения с вещественными доказательствами в ходе производства по уголовному делу. Несмотря на пристальное внимание законодателя к вещественным доказательствам, ряд вопросов до настоящего времени вызывает дискуссии среди ученых. Надо отметить, что проблемы, касающиеся вещественных доказательств, связаны не только с принятием процессуальных решений, но и с практическим решением вопросов, носящих тактический и технический харак-

тер, а также с вопросами производства судебно-экспертных исследований.

Основные проблемы связаны с пониманием вещественных доказательств и оценкой возможности придания тем или иным объектам правового статуса вещественного доказательства. Предваряя изложение собственной позиции, отметим, что ряд проблем обусловлен несовершенством понятийно-терминологического аппарата законодателя, на что справедливо обращают внимание Е.В. Елагина и Т.Г. Николаева [1, с. 25 — 26].

Согласно ч. 1 ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы:

1) которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления;

2) на которые были направлены преступные действия;

2.1) деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления;

3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Уже при первом ознакомлении с данной правовой нормой нельзя не обратить внимания на то, что законодатель ограничил вещественные доказательства предметами и документами. Кроме того, в п. 2.1 говорится о деньгах, ценностях и ином имуществе. Такая законодательная формулировка приводит к неоднозначному пониманию видов вещественных доказательств и отсутствию единообразия судебно-следственной практики. Это обусловлено тем, что в процессе расследования в поле зрения следователя (дознавателя), а в судебных стадиях

и суда попадает большое количество объектов материального мира, которые согласно п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Однако при буквальном толковании данные объекты не подходят под перечень вещественных доказательств, содержащийся в УПК РФ.

Так, в литературе подвергается сомнению возможность признания в качестве вещественных доказательств таких материальных образований, как микрообъекты и вещества в целом [2; 3; 4]. В том случае, когда вещество (например, кровь, горюче-смазочные материалы, иные жидкости и сыпучие вещества) находится на каком-либо носителе (предметах одежды, орудиях преступления и т. п.) и изымается вместе с этим носителем, то в ходе расследования весь носитель признается вещественным доказательством. Однако такая возможность есть далеко не всегда. Вещества, в том числе и микрообъекты (т. е. малое количество вещества либо малые по размеру объекты и т. д.), могут изыматься в ходе следственных действий с различных поверхностей (пола, стены, земли, снега, асфальта, поверхности тела человека и т. п.). В данном случае вещества и микрообъекты изымаются в качестве мазков, соскобов, смывов. При наличии достаточно большого количества вещества могут изыматься в жидком или порошкообразном состоянии и помещаться в различные специально предназначенные емкости.

Во всех этих случаях вышеперечисленные объекты не подходят ни под один вид вещественных доказательств, предусмотренный ст. 81 УПК РФ. В работах по уголовному процессу неоднократно указывалось, что вещественными доказательствами могут признаваться только образовавшиеся вне рамок уголовного судопроизводства явления или предметы материального мира [5].

Все дело в том, что под предметом в уголовном судопроизводстве понимается материальное образование, имеющее собственную устойчивую форму, то, что обычно называют физическим телом, или вещью. Очевидно, что вещество нельзя признать таковыми. Если же в качестве предмета рассматривать носитель вещества, с помощью которого оно было изъято (марлю, ватную палочку, пробирку и т. п.), то данные предметы образуются уже в рамках уголовного судопроизводства и, таким образом, не могут признаваться вещественными доказательствами.

На наш взгляд, нет правовых оснований считать эти объекты и образцами вещественных доказательств, о которых говорится в ст. 82 УПК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 82 УПК РФ вещественные доказательства в виде предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, фотографируются или снимаются на видео- или киноплёнку, по возможности опечатываются и по решению дознавателя, следователя передаются на хранение в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. К материалам уголовного дела приобщается документ о месте нахождения такого вещественного доказательства, а также может быть приобщен образец вещественного доказательства, достаточный для сравнительного исследования. В этом случае отсутствует объект, который изначально должен быть признан вещественным доказательством и от которого может быть отобран образец.

Подобный же вопрос возникает и при обнаружении в процессе расследования следов-отпечатков. Отпечаток представляет собой отображение внешних признаков предмета, имеющее собственную устойчивую форму, образовавшееся при взаимодействии следообразующего объекта со следовоспринимающей по-

верхностью. Научкой криминалистикой разработаны рекомендации, согласно которым наиболее предпочтительным способом изъятия таких следов является их изъятие вместе с объектом-носителем. В этом случае проблем с приданием правового статуса указанным источникам информации не возникает. Сам объект-следоноситель признается вещественным доказательством, о чем выносится соответствующее постановление. Однако не всегда имеется техническая возможность изъять след-отпечаток вместе с объектом-носителем. Например, след обнаружен на стене, грунте, снегу и т. п. Для этих случаев разработаны криминалистические рекомендации об изготовлении копий данных следов с помощью различных технических средств. Так, поверхностные следы — наслоения фиксируются и изымаются с использованием материалов с липкой поверхностью (например, дактилоскопической пленки). С объемных следов, обнаруженных на грунте или на снегу, изготавливаются слепки и т. п. Таким образом, к материалам дела приобщаются материальные объекты, полученные в рамках уголовного судопроизводства (копии следов). То есть в соответствии с существующим представлением указанные объекты не должны признаваться вещественными доказательствами, а должны рассматриваться в виде приложений к соответствующему протоколу.

В обоих рассмотренных нами случаях просматривается явная нелогичность подхода, в соответствии с которым вещества, микрообъекты, копии следов не признаются вещественными доказательствами. Данные объекты служат средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела, т. е. соответствуют предъявляемым требованиям к вещественным доказательствам. По своей гносеологической (познавательной) сущности указанные объекты ничем не отличаются от предметов — следоносителей, изымаемых

в натуральном виде. Отличается лишь способ фиксации и изъятия.

В связи с этим законодательная формулировка понятия вещественного доказательства, в соответствии с которой таковыми могут являться предметы или документы, представляется неточной. Более правильным было бы указать на то, что *вещественными доказательствами являются материальные объекты, на которые были направлены преступные действия, или которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления, или которые иным образом могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела, а также их части или копии.*

Целесообразно в целом согласиться с мнением авторов, согласно которому вещественными доказательствами являются «предметы и материальные следы преступления, полученные, зафиксированные и признанные таковыми в установленном УПК РФ порядке» [6]. В то же время следует уточнить, что служить средством установления обстоятельств преступления могут предметы, имеющие различное познавательное значение. Это происходит потому, что термин «материальный след преступления» является многозначным даже в рамках криминалистической науки. В самом широком смысле слова под материальными следами преступления понимаются любые изменения, произошедшие в результате преступного акта. Например, изменение обстановки места происшествия, изменение расположения предметов и т. п. Такие материальные следы, например всю обстановку происшествия, как правило, нет необходимости признавать вещественными доказательствами. Для доказывания обстоятельств преступления в данном случае достаточно использовать другие способы. Обычно это осмотр места происшествия, другие виды осмотра. При этом в каче-

стве доказательства выступает протокол следственного действия с сопутствующими ему приложениями. Изъятые в процессе осмотра предметы в натуральном виде, следы, их части и копии при подтверждении их способности устанавливать обстоятельства преступления должны признаваться вещественными доказательствами. Такой подход будет оптимальным с точки зрения полноты установления искомых обстоятельств и с точки зрения обеспечения сохранности изъятых материальных объектов.

В то же время в следственной практике встречаются случаи, когда есть необходимость в обеспечении сохранности не отдельных малогабаритных движимых материальных объектов, а всей обстановки. Здесь встает вопрос об обеспечении сохранности не только крупногабаритных движимых объектов (например, железнодорожного вагона или целого железнодорожного состава), но и объектов недвижимости (например, отдельного помещения, целого здания, сооружения, участка местности и т. п.). Особенно остро данный вопрос встает в тех случаях, когда подобный объект впоследствии может стать объектом экспертного исследования. Такая необходимость возникает при назначении строительно-технических, пожарно-технических, взрывотехнических, баллистических, экологических и некоторых других экспертиз. Представляется, что иного способа обеспечить необходимый режим обращения с данным объектом, кроме как признать его вещественным доказательством, не существует.

К.Б. Калиновский обоснованно предостерегает от подмены наложения ареста на имущество институтом вещественных доказательств. Например, когда объект недвижимости изымается у собственника и передается на ответственное хранение потерпевшему. Автор указывает, что «такая подмена сопровождается умалением процессуальных гарантий, поскольку арест

имущества требует судебного решения и соблюдения установленных ст. 115.1 УПК РФ сроков, а изъятие вещественных доказательств — не требует» [7].

Однако К.Б. Калиновский считает, что и в том случае, когда «объект недвижимости обладает информационными признаками вещественных доказательств, т. е. он способен объективно служить средством к установлению искомых по делу обстоятельств. Например, дерево, в которое врезался автомобиль» [7], он также не должен признаваться вещественным доказательством. В обоснование данной позиции автор ссылается на такой признак вещественных доказательств, как «необходимость обеспечения специального режима хранения в целях сохранности следов преступления. Формальное применение закона могло бы привести, например, к тому, что Крымский мост следовало бы признать вещдоком как предмет диверсии 8 октября 2022 года. В то же время некоторые объекты недвижимости, например воздушные суда, рассматриваемым признаком обладают» [7].

Анализируя подход К.Б. Калиновского, можно прийти к выводу, что в отдельных случаях объект недвижимости можно признать вещественным доказательством, а в других — нет. Все зависит от возможности обеспечить специальный режим хранения. В принципе, с точки зрения правоприменительной практики такой подход соответствует здравому смыслу. Но, на наш взгляд, законодательные формулировки и их толкование должны исходить из того, что у правоприменителя как раз была возможность признать объект недвижимости или иной крупногабаритный объект вещественным доказательством, чтобы на законных основаниях принять меры к обеспечению его сохранности как источника информации об обстоятельствах преступления. Конечно, с точки зрения экономичности судопроизводства эти меры потребуют

значительных затрат, гораздо больших, чем затраты на хранение в камере вещественных доказательств. Но если правоприменитель будет принимать такие решения только в случае, когда у него отсутствует другая возможность сохранить источник доказательственной информации, то затраты не будут избыточными. Например, следователь может зафиксировать обстановку места происшествия в протокольной форме, используя дополнительные средства фиксации (фото- и видеосъемку, составление плана и т. п.), а также изъять необходимые материальные объекты без существенного риска утраты информации. При этом, скорее всего, не будет необходимости признавать территорию места происшествия вещественным доказательством и обеспечивать ее сохранность. В случаях же, когда доказательственная информация может быть получена только путем экспертного исследования всего объекта недвижимости, вполне может возникнуть необходимость в обеспечении сохранности всего объекта. Например, такая ситуация может сложиться при необходимости исследования места взрыва, пожара, обрушения здания или сооружения, помещения, где происходила стрельба и требуется установить места расположения стрелявших лиц, и т. п. Думается, что затраты на обеспечение сохранности данных объектов до полного их исследования нельзя считать чрезмерными, особенно в случаях, когда такие происшествия сопровождаются причинением особо крупного ущерба, массовой гибелью людей и другими тяжкими последствиями.

Такой подход в законодательстве и в правоприменительной практике требует специального нормативно-правового регулирования. Например, возможно принятие постановления Правительства Российской Федерации, где обязанность осуществления мер по обеспечению сохранности вещественных доказательств в виде крупногабаритных объектов или

объектов недвижимости будет возложена на соответствующие ведомства, а также установлены способы такой деятельности, порядок ее осуществления и финансирования.

Аналогичный подход, по нашему мнению, должен применяться в отношении такого важного с точки зрения установления обстоятельств совершенного преступления объекта, как труп. Очевидно, что в настоящее время правовой режим вещественного доказательства на него не распространяется и не может распространяться. Также невозможно говорить об обеспечении его сохранности путем применения тех мер, которые можно предусмотреть для объектов недвижимости и иных крупногабаритных объектов. Необходимость же обеспечения сохранности трупа, недопущения к нему несанкционированного доступа, по крайней мере до проведения всех возможных процессуальных действий в отношении его, не подлежит сомнению.

В настоящее время отдельные положения об обращении с трупом как объектом судебно-медицинской экспертизы содержатся лишь в ведомственных нормативно-правовых актах и представляются недостаточными. Так, наиболее полным документом, регламентирующим порядок производства судебно-медицинской экспертизы, в том числе порядок обращения с ее объектами, является Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25 сентября 2023 года № 491н¹. Однако и там содержатся лишь указания о том, что эксперт, которому поручено производство экспертизы, обязан принять меры к обеспечению сохранности объектов экспертизы (п. 18), а также что

¹ Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы : Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25 сентября 2023 г. № 491н // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310250009> (дата обращения: 10.03.2026).

хранение трупов осуществляется в холодильных камерах с применением мер, препятствующих развитию трупных изменений и формированию повреждений тела насекомыми и животными (п. 32). Тем не менее в отношении вещественных доказательств, материалов дела, представленных эксперту, а также некоторых иных объектов данный нормативно-правовой акт содержит достаточно подробные указания по поводу хранения, обеспечивающего недопустимость несанкционированного доступа.

На наш взгляд, основные требования к порядку обращения с трупом (причем касающиеся не только хранения его в судебно-экспертном учреждении, но и упаковки, транспортировки и т. п.) должны быть установлены на уровне федерального законодательства и конкретизированы в ведомственных нормативно-правовых актах.

Отдельного рассмотрения заслуживают проблемы, касающиеся доказательственного значения и приобщения к материалам дела объектов, возникших благодаря информационным технологиям. В настоящее время выработана устойчивая судебная практика относительно безналичных денег. По мнению К.Б. Калиновского, опирающегося на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, который пришел к выводу о том, что *«безналичные денежные средства ... не способны служить средством доказывания, а потому не обладают признаками вещественного доказательства»*¹, безналичные деньги не являются вещественным доказательством, «поскольку

безналичные деньги существуют в виде записи на банковском счете кредитора и по своей природе представляют собой его обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт данный счет. Сохранность же безналичных денежных средств при производстве по уголовному делу обеспечивается путем наложения на них ареста, а отказ суда в продлении срока ареста влечет их возвращение лицу согласно установленной принадлежности» [7, с. 27]. Автор обоснованно подвергает критике попытки следователей признать безналичные деньги вещественным доказательством и с согласия суда произвести их выемку. «Деньги, будучи помещенными на счет и затем снятыми с него, уже потеряли свою доказательственно-познавательную сущность, не сохранили на себе следов преступления» [7, с. 27]. Что касается порядка доказывания, то думается, что наиболее оптимальным является приобщение к материалам дела выписки с банковского счета, полученной по решению суда, которая будет иметь статус иного документа, предусмотренного в качестве доказательства в ст. 74 УПК РФ. Подобный подход должен применяться и по отношению к другим средствам платежа, не являющимся наличными деньгами, например к криптовалюте, хотя выявить данный объект и наложить арест значительно сложнее, чем в отношении банковского счета.

Заканчивая рассмотрение вопросов, поставленных в статье, необходимо сделать вывод о том, что не все аспекты изъятия объектов, имеющих познавательную сущность вещественных доказательств в уголовном процессе, и дальнейшего обращения с ними достаточно полно урегулированы как на законодательном, так и на ведомственном уровне. Данные проблемы требуют дальнейшего теоретического исследования и разработки практических рекомендаций по совершенствованию нормативно-правового регулирования.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «ПРЕСТО-РУСЬ» на нарушение конституционных прав и свобод частью третьей статьи 81 и частью первой статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 2888-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19122017-n-2888-o/> (дата обращения: 10.03.2026).

Список источников

1. Елагина Е.В., Николаева Т.Г. О несовершенстве понятийно-терминологического аппарата, используемого законодателем при формулировании норм уголовно-процессуального закона // КриминалистЪ. 2021. № 1 (34). С. 19 – 26.
2. Бибилов В.В. Микрообъекты в раскрытии и расследовании преступлений : учеб. пособие. Москва : Акад. МВД СССР, 1985. 38 с.
3. Косарев В.Н., Макогон И.В. Использование микрообъектов в расследовании преступлений. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2005. 232 с.
4. Моругина Н.А., Сидорова Е.И. Понятие, признаки и природа вещественных доказательств в современном уголовном процессе России // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 209 – 213.
5. Попова Н.А. Вещественные доказательства в уголовном процессе // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2007. № 1 (45). С. 73 – 81.
6. Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России. Челябинск : Полиграф-мастер, 2006. 234 с.
7. Калиновский К.Б. Вещественные доказательства: проблемные вопросы по материалам практики Конституционного Суда РФ // Уголовный процесс. 2022. № 12. С. 22 – 29.

Информация об авторе

О.В. Чельшева – профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O.V. Chelysheva – Professor at the Department of criminal procedure law of the North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Professor at the Department of criminalistics, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.1

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Виктор Сергеевич ШАДРИН

*Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, vikt-shadr@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы достижения истины при производстве по уголовным делам, включая перспективу закрепления объективной истины в качестве цели доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, объективная истина, судебная истина, особый порядок судебного разбирательства

Для цитирования: Шадрин В.С. Современные проблемы истины в уголовном судопроизводстве // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 125 – 130.

Original article

CONTEMPORARY CHALLENGES TO THE CONCEPT OF TRUTH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Viktor S. SHADRIN

*St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, vikt-shadr@yandex.ru*

Abstract. The article examines current issues in attaining the truth in criminal proceedings, including the prospects for establishing objective truth as the primary goal of proof within criminal procedural law.

Keywords: criminal procedure, objective truth, judicial truth, special procedure of trial

For citation: Shadrin V.S. Contemporary challenges to the concept of truth in criminal proceedings. Criminalist. 2026;2(55):125-130. (In Russ.).

Оглядываясь назад, в не очень еще далекое советское прошлое России, можно убедиться в наличии тогда фактически единообразного подхода к понятию и значению истины в отечественном уголовном судопроизводстве, необходимость достижения которой предопределяла направленность и характер действий государственных органов

и должностных лиц, осуществляющих как предварительное расследование, так и судебное разбирательство по уголовному делу. В фундаментальном научном произведении, обобщающем итоги исследований в области доказательств и доказывания на протяжении многих предшествующих лет, недвусмысленно утверждалось, что «достижение целей

© Шадрин В.С., 2026

производимых действий представляет собой не что иное, как последовательное решение органами предварительного расследования, прокурором и судом ряда взаимосвязанных промежуточных задач (по собиранию, проверке и оценке доказательств) на пути к цели доказывания — *достижению истины*» [1, с. 116]. По поводу же самого подразумеваемого здесь понятия истины и ее достижения разъяснялось: «Познание тех или иных фактов следователями и судьями будет иметь значение объективной истины в том случае, если в их сознании верно отразится то, что имело место в действительности, т. е. совершенные определенным лицом действия, определенные конкретным уголовным законом как преступные» [1, с. 123].

Из приведенных выше цитат совершенно определенно усматривается, что, во-первых, под истиной подразумевается не неизвестно какая, а именно объективная истина, и во-вторых, она выступает своего рода «путеводной звездой» в доказательственной деятельности осуществляющих производство по уголовному делу государственных органов, ориентируя их на получение адекватного, в точности соответствующего имевшей место в прошлом реальности представления об исследуемом преступном событии, его обстоятельствах, участниках и последствиях.

Изложенные положения теории доказательств вполне находили отражение в советском уголовно-процессуальном законодательстве, в том числе в формулировках задач уголовного судопроизводства ст. 2 УПК РСФСР, в требовании всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела (ст. 20 УПК РСФСР), которое в юридической литературе принято отождествлять с принципом объективной истины. При этом данное требование распространялось в равной мере как на

органы предварительного расследования, так и на суд. Более того, порядок судебного разбирательства прямо предусматривал, что председательствующий в судебном заседании принимает все необходимые меры «к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины» (ч. 2 ст. 243 УПК РСФСР). Подобный подход к процессуальной регламентации действий суда являлся наглядным свидетельством преемственности между УПК РСФСР и российским Уставом уголовного судопроизводства 1864 года (УУС), согласно ст. 613 которого председатель суда направлял «ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины».

В дальнейшем принесенные ветром перемен во времена происходившей в стране в конце прошлого века «перестройки» новационные веяния в теории и практике уголовного судопроизводства существенно поколебали данный подход, что стало выражаться в проявлении сомнений в возможности достигать в реальной судебной практике достаточной достоверности устанавливаемых по уголовным делам обстоятельств. Квинт-эссенцией подобного рода новизны можно считать появление утверждений, что «объективная истина известна лишь Богу» [2, с. 144].

В период разработки нового уголовно-процессуального кодекса, призванного заменить УПК РСФСР вследствие его морального устаревания, особое внимание уделялось необходимости приведения содержания и уголовно-процессуальной формы российского уголовного судопроизводства в соответствие с требованиями принятого в 1993 году нового Основного закона, провозгласившего Россию демократическим правовым государством, а права человека и гражданина высшей ценностью (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Поэтому

в подготавливаемых проектах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) предусматривалось существенное расширение прав вовлекаемых в производство по уголовному делу лиц, прежде всего подвергаемых уголовному преследованию в качестве подозреваемых и обвиняемых, а также усиление гарантий от возможных ошибок со стороны ведущих уголовное судопроизводство государственных органов при принятии ими итоговых процессуальных решений по уголовным делам и при осуществлении полномочий по применению мер принудительного характера. В частности, активно предлагалось введение в новый уголовно-процессуальный закон презумпции невиновности со всеми вытекающими из этого последствиями, что в итоге и было осуществлено.

Указанные тенденции обусловили проявление в уголовно-процессуальной науке стремления к большему сближению отечественного уголовного процесса, являющегося с момента принятия УУС смешанным, — с сохранением в досудебном производстве изначально характерных для него в целом черт инквизиционного (розыскного) процесса при состязательном судебном разбирательстве, — с процессом состязательного типа, сохраняющимся, в частности, в Англии. В обоснование подобного стремления приводились доводы, что особенности данного процесса в большей степени отвечают требованиям желательной для обновляемого российского уголовного судопроизводства демократизации. Увеличение значения и объема состязательности в реформируемом на основе Конституции России уголовном судопроизводстве в результате многочисленных дискуссий и сопоставления отечественного уголовно-процессуального законодательства с зарубежным было признано вполне допустимым. Но, как

оказалось несколько позднее, не во всем и не вполне оправданным, в отдельных случаях идущим не на пользу, а во вред обеспечению прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, вследствие ограничения, урезания возможностей установления по уголовному делу объективной истины.

В настоящее время состязательность возведена у нас в ранг принципа уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ) и наиболее явно проявляется в производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей, а также в абсолютной новелле для отечественного уголовного судопроизводства — особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (раздел X, главы 40 и 40.1 УПК РФ).

Анализ особенностей данных порядков вполне определенно приводит к выводу, что при их применении, которое стало осуществляться в довольно значительном объеме, не ставится и не решается задача достижения объективной истины. Судя по всему, указанное обстоятельство во многом обусловило отказ от признания достижения истины одним из принципов уголовного судопроизводства, что в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве находило выражение в требовании всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР). Заодно сам термин «истина», упоминавшийся ранее в ст. 243 УПК РСФСР применительно к обязанностям председательствующего в судебном заседании по ее установлению, был признан не подходящим для размещения в УПК РФ. Очевидно, законодатель полагал: раз в указанных выше, ставших довольно значимыми формах уголовного судопроизводства достижение истины не является обязательным, провозгла-

шать его принципом уголовного судопроизводства в целом нелогично.

Как известно, определенную роль в введении в российское уголовное судопроизводство особого порядка судебного разбирательства сыграл не только лишь интерес российских ученых и законодателей к англо-американскому уголовному процессу, признаваемому образцом современного уголовного судопроизводства состязательного типа, но и вовлечение его сторонников и официальных представителей в обсуждение проблем разработки нового уголовно-процессуального законодательства на основе предусматриваемых Конституцией Российской Федерации демократических начал. Более того, как отмечает Л.В. Головкин, глава 40 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением», послужившая основой всего раздела X УПК РФ, писалась непосредственно экспертами из США, в частности профессором С. Тейманом [3, с. 118]. В связи с этим заслуживают внимания откровения С. Теймана, опубликованные ранее в российской печати, о его взглядах на понятие и значение истины в уголовном судопроизводстве и желательности придерживаться их в России: «Для западной культуры вполне естественно признание за истиной формы договора. Когда судопроизводство в целом рассматривается как речевая практика, направленная на достижение договоренности, сделка о признании выглядит вполне естественной, единственно разумной формой достижения такой договоренности. Для русского национального правового сознания это, скажем так, не совсем привычно. Значит, надо привыкать к тому, что судебная истина дискурсивна, риторична. Что она есть результат судоговорения. Это не научная, „объективная“ истина, а род соглашения» [4, с. 37]. Именно такая,

отнюдь не объективная, истина и является в настоящее время основой для постановления судебных приговоров в результате рассмотрения судом уголовных дел в соответствии с правилами раздела X УПК РФ.

Отказ от закрепления в УПК РФ и должной реализации в практике уголовного судопроизводства требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, олицетворяющего принцип объективной истины, в пользу фактического признания допустимости принятия решений по делу на основе истины судебной (она же — договорная, конвенциональная и т. п.), по существу, не отвечает главной идее преобразований в сфере уголовного судопроизводства, вытекающей из положений ст. 2 Конституции Российской Федерации, — защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе права не быть подвергнутым ограничению и тем более лишению свободы в виде уголовного наказания, назначаемого судом без достаточной обоснованности выводов о виновности подсудимого.

Возможность вынесения по уголовному делу приговора согласно главе 40 УПК РФ в особом порядке судебного разбирательства без исследования в судебном заседании доказательств, лишь на основе согласия обвиняемого с предъявленным обвинением, снижает степень гарантированности от судебных ошибок, т. е. заведомо увеличивает возможность осуждения фактически невиновного лица. То же самое касается особенностей вынесения обвинительного приговора по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве в соответствии с главой 40.1 УПК РФ, где исследование судом доказательств также не проводится. Характерно, что от государственного обвинителя, поддерживающего обвинение по уголовным делам

данной категории, в судебном заседании не требуется даже упоминать о доказательствах, положенных в основу обвинения [5, с. 223 – 227].

Следует вместе с тем отметить, что применение предусмотренного указанными главами УПК РФ порядка судебного разбирательства сопровождается условием — если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился обвиняемый, обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами (ч. 7 ст. 316 УПК РФ), что как бы подразумевает установление судом доказанности обвинения. Только упоминание об этом в уголовно-процессуальном законе, при исключении из судебного разбирательства исследования доказательств в форме полноценного судебного следствия, является, по существу, формальным, фактически никакой роли не играет. Не случайно заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации — председатель Судебной коллегии по уголовным делам В.А. Давыдов разъяснил в отношении особых порядков судебного разбирательства в нашем действующем сейчас уголовном судопроизводстве, что «эти формы судопроизводства применяются в тех случаях, когда подсудимый полностью признает свою вину в совершении преступления и вынесение обвинительного приговора предопределено самим законом» [6, с. 7 – 8].

Уязвимость, небыстротечность особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, порождающая обоснованные сомнения в целесообразности его введения и существования в российском уголовном судопроизводстве, пять лет назад вполне ожидаемо привела к тому, что Федеральным законом от 20 июля 2020 года № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» круг уголовных дел, которые могут рассматриваться в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, ограничен делами лишь о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Представляется разумной и необходимой дальнейшая корректировка УПК РФ в направлении устранения издержек реализации при его разработке не вполне продуманных решений, в том числе выразившихся в устранении из уголовно-процессуального закона вполне оправдавших себя ранее формулировок, касающихся достижения истины как цели доказывания. Трудно не согласиться с мнением, что «уголовное судопроизводство должно выступать гарантом объективной истины, а объективная истина — гарантом объективного, справедливого судопроизводства» [7, с. 240].

Список источников

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Дорохов [и др.] ; редкол.: Н.В. Жогин (отв. ред.) [и др.]. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Юрид. лит., 1973. 735 с.
2. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Ю.В. Корневский, Н.М. Кипнис, Е.Ю. Львова [и др.] ; под ред. В.А. Власихина. Москва : Юрист, 2000. 272 с.
3. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. Москва : Городец, 2022. 464 с.
4. Тейман С. Сделка о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. 1998. № 10. С. 35 – 37.

5. Настольная книга прокурора. В 2 ч. Ч. 2 / А.Ю. Винокуров, А.В. Бриллиантов, В.П. Рябцев [и др.]. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 434 с. Серия 9: Профессиональная практика.

6. Давыдов В.А. Об «обвинительном уклоне» в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2015. № 7 (111). С. 5–9.

7. Бертовский Л.В., Эдилова П.В. Проблемы поиска истины в уголовном процессе и досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник РUDН. Серия «Юридические науки». 2014. № 4. С. 239–251.

Информация об авторе

В.С. Шадрин – профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

V.S. Shadrin – Professor at the Department of investigative management (Higher Academic courses), St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342

ЭФФЕКТИВНЫЕ ОХРАННЫЕ ЗОНЫ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ВАКУУМ И МОДЕЛЬ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Луиза Сираджеддиновна БУЛГАКОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, bluiza@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу одной из наиболее острых проблем в сфере охраны природы в Российской Федерации, каковой является системное отсутствие эффективных охранных (буферных) зон вокруг особо охраняемых природных территорий (ООПТ) федерального значения. Автор доказывает, что существующий административно-правовой режим, сфокусированный исключительно на защите внутренних границ особо охраняемых природных территорий, неспособен противостоять ключевым внешним угрозам: фрагментации местообитаний, деградации миграционных путей животных и загрязнению с сопредельных территорий. Юридической причиной является вакуум в федеральном законодательстве, не устанавливающим императивного порядка создания таких зон и не наделяющим Федеральную службу по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) полномочиями по контролю за ними. В результате хозяйственная деятельность, легально ведущаяся вплотную к границам заповедников и национальных парков, наносит непоправимый ущерб особо охраняемым природным территориям. В качестве решения предлагается комплексная модель изменений, включая внесение поправок в Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» об обязательном установлении охранных зон с типовым ограничительным режимом, расширение надзорных полномочий Росприроднадзора, введение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях новой статьи об административной ответственности за нарушение их режима. Делается вывод о необходимости трансформации подхода от охраны изолированных «островов» природы к созданию целостных защищенных экологических каркасов.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, охранный режим, буферная зона, административно-правовой режим, Росприроднадзор, фрагментация местообитаний, экологические коридоры, административная ответственность, охрана биоразнообразия

© Булгакова Л.С., 2026

Для цитирования: Булгакова Л.С. Эффективные охраняемые зоны особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации: административно-правовой вакуум и модель его преодоления // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 131 – 137.

Original article

EFFECTIVE PROTECTIVE ZONES FOR SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: AN ADMINISTRATIVE AND LEGAL GAP AND A MODEL FOR ITS REMEDIATION

Luiza S. BULGAKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, gluiza@mail.ru

Abstract. The article analyses one of the most pressing issues in environmental protection in the Russian Federation: the systemic absence of effective protective (buffer) zones surrounding specially protected natural territories (SPNTs) of federal significance. The author highlights that the existing administrative and legal regime, which focuses exclusively on safeguarding the internal boundaries of SPNTs, is inadequate to address key external threats, including habitat fragmentation, degradation of wildlife migration corridors, and pollution originating from adjacent lands. The root legal cause of this deficiency lies in a gap in federal legislation, which neither establishes a mandatory procedure for creating such protective zones nor confers upon the Federal Service for Supervision of Natural Resource Usage (Rosprirodnadzor) the authority to supervise activities in these areas. Consequently, economic activities lawfully conducted immediately adjacent to the boundaries of nature reserves and national parks cause irreparable harm to the conservation objectives for which these territories were established. As a remedy, the author proposes a comprehensive model for legislative reform, including: (i) amendments to Federal Law No. 33-FZ of 14 March 1995 «On Specially Protected Natural Territories» to mandate the establishment of protective zones with a standardized restrictive regime; (ii) expansion of Rosprirodnadzor's supervisory powers to cover these zones; and (iii) introduction of a new provision into the Code of the Russian Federation on Administrative Offences establishing administrative liability for violations of the protective zone regime. The article concludes that a paradigm shift is necessary – from protecting isolated «islands» of nature toward creating integrated, resilient ecological networks under effective legal protection.

Ключевые слова: specially protected natural territories, protective zone, buffer zone, administrative and legal regime, Rosprirodnadzor, habitat fragmentation, ecological corridors, administrative liability, biodiversity conservation, environmental law, legislative reform

For citation: Bulgakova L.S. Effective protected zones for specially protected natural territories in the Russian Federation: an administrative and legal gap and a model for its remediation. Criminalist. 2026;2(55):131-137. (In Russ.).

В российской правовой системе институт особо охраняемых природных территорий (далее также — ООПТ) является краеугольным камнем государственной экологической политики. Сформированный массив нормативно-правовых актов, прежде всего Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых при-

родных территориях»¹ и глава 8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее

¹ Об особо охраняемых природных территориях : Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102034651> (дата обращения: 10.03.2026)..

— КоАП РФ)¹, создает детальный режим охраны непосредственно внутри границ заповедников, национальных парков, заказников. Однако эффективность этой защиты оказывается подорвана явлением, которое можно обозначить как «островной эффект» ООПТ². Жесткие административные запреты, действующие на самих особо охраняемых природных территориях, контрастируют с правовым вакуумом и активной, часто разрушительной хозяйственной деятельностью, ведущейся вплотную к их границам. В результате ценность и целостность уникальных экосистем [1, с. 478—487], ради сохранения которых и создавались ООПТ, систематически снижаются из-за внешних воздействий. Настоящая статья посвящена анализу одной из наиболее острых проблем в данной сфере — отсутствию действенного федерального регулирования относительно охранных (буферных) зон вокруг ООПТ, и имеет целью выявить административно-правовые причины создавшейся ситуации и предложить модель законодательных изменений, направленных на формирование целостного и эффективного правового режима, способного обеспечить реальную, а не формальную защиту природных комплексов.

Ключевая проблема заключается в том, что ООПТ в России, особенно заповедники, существуют как изолированные «острова». Непосредственно за их межевыми знаками может вестись сплошная рубка леса, распашка земель под сельхозугодья, строительство ин-

фраструктуры или добыча полезных ископаемых. Эти виды деятельности осуществляются на законных основаниях, в соответствии с лесным, земельным или градостроительным законодательством³, но их последствия для ООПТ носят катастрофический характер.

Во-первых, происходит фрагментация местообитаний и уничтожение экологических коридоров. Крупные млекопитающие, такие как бурый медведь, рысь, копытные, для поддержания жизнеспособных популяций нуждаются в обширных территориях, значительно превышающих площадь даже самого крупного заповедника. Миграционные пути животных, проходящие через приграничные территории, оказываются перерезаны. Это приводит к генетической изоляции внутри заповедных группировок, снижению их устойчивости и в конечном счете к сокращению биоразнообразия [2, с. 9—20].

Во-вторых, на ООПТ оказывается постоянное негативное воздействие с сопредельных территорий. Это химическое загрязнение водотоков и воздушной среды стоками и выбросами с промышленных объектов и сельхозполей; шумовое и световое загрязнение отстроек и автодорог, нарушающее естественное поведение животных; повышение по-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : текст с изм. и доп. на 23 марта 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102074277> (дата обращения: 10.02.2026).

² Школа защиты экоправ : сайт. URL: <https://envirights.tilda.ws/ooptguide/> (дата обращения: 10.02.2026).

³ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102110364> (дата обращения: 10.02.2026) ; Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ : текст с изм. и доп. на 30 янв. 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102073184> (дата обращения: 10.02.2026) ; Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ : текст с изм. и доп. на 23 марта 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102090643> (дата обращения: 10.02.2026).

жарной опасности из-за деятельности человека; распространение инвазивных видов растений [3, с. 3128 – 3131].

Правовая причина этой ситуации — отсутствие в федеральном законодательстве универсального и работоспособного механизма создания охранных зон и регулирования их функционирования. Статья 2 Федерального закона от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» дает лишь общее определение охранной зоны как территории с ограниченным режимом природопользования, окружающей ООПТ. Порядок ее создания и правовой статус остаются неопределенными. На практике такая зона может быть установлена решением субъекта Российской Федерации, но это происходит редко и носит скорее декларативный характер, так как контроль за соблюдением режима оказывается распределенным между региональными и федеральными органами. Ключевой административно-правовой пробел заключается в том, что уполномоченный федеральный орган — Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (далее — Росприроднадзор) обладает надзорными и контрольными полномочиями строго в пределах границ ООПТ. Инспектор, наблюдающий с территории заповедника за ведущейся в сотне метров от границы сплошной рубкой лесных насаждений, юридически бессилен. Его полномочия не распространяются на тот участок леса, даже если экологические последствия этой рубки для заповедника очевидны и непосредственны. Нарушителем в данном случае выступает не субъект, совершивший действие внутри ООПТ (состав правонарушения по ст. 8.39 КоАП РФ отсутствует), а лицо, осуществляющее легальную хозяйственную деятельность на смежном земельном участке. Привлечь его к ответственности за ущерб ООПТ крайне сложно, так как требуется доказать пря-

мую причинно-следственную связь, что в административном процессе представляет значительную трудность.

Таким образом, возникает парадоксальная ситуация — государство тратит значительные ресурсы на охрану ядра экосистемы (ООПТ), но игнорирует необходимость защиты ее периферии.

Модель административно-правового решения — федерализация режима охранных зон.

Для преодоления выявленного правового вакуума необходима системная корректировка федерального законодательства, направленная на создание обязательного, единообразного и контролируемого режима охранных зон. Предлагаемая модель включает следующие ключевые элементы.

Первое и основное — внесение изменений в Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». Закон должен быть дополнен главой или существенно расширенным разделом, посвященными и охранным зонам ООПТ федерального значения. В этих главе, разделе необходимо закрепить:

1. Императивную норму об обязательном установлении охранной зоны для каждого заповедника и национального парка. Для уже существующих ООПТ должен быть предусмотрен переходный период для проведения необходимых кадастровых и проектных работ.

2. Четкие критерии определения границ такой зоны. Целесообразно установить минимальную стандартную ширину (например, 1 километр) от границы ООПТ с возможностью ее увеличения на основании научного обоснования, подготовленного администрацией ООПТ. Особое внимание должно уделяться включению в охранную зону ключевых миграционных коридоров, водоохраных полос основных водотоков и других экологически значимых элементов ландшафта.

3. Типовой ограничительный режим хозяйственной деятельности, который должен включать прямой запрет на виды деятельности, оказывающие наиболее разрушительное воздействие: проведение сплошных рубок лесных насаждений; размещение объектов капитального строительства промышленного и иного назначения (за исключением необходимой для функционирования ООПТ инфраструктуры); разработку месторождений полезных ископаемых; применение пестицидов и агрохимикатов; складирование отходов производства и потребления. Режим должен разрешать ведение традиционной хозяйственной деятельности (сенокос, выпас скота, рекреация) в щадящем объеме, а также любую иную деятельность — только при наличии положительного заключения государственной экологической экспертизы, подтверждающей отсутствие значительного негативного воздействия на соответствующую ООПТ.

Второй критически важный элемент предлагаемой модели предполагает наделение Росприроднадзора полноценными административно-надзорными полномочиями в пределах устанавливаемых охранных зон. Это подразумевает системное переформатирование существующей парадигмы государственного экологического надзора, который в настоящее время носит преимущественно реактивный характер и ограничен периметром самих особо охраняемых природных территорий. Для этого требуется внесение соответствующих изменений в ведомственные нормативные акты, прежде всего в Положение о федеральном государственном надзоре в области охраны и использования ООПТ¹.

¹ Положение о федеральном государственном надзоре в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1090 : текст с изм. и доп. на 8 сент. 2025 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607148287> (дата обращения: 10.02.2026).

Институциональная цель данных изменений заключается в переходе к проактивной модели управления рисками, где инспекторский состав уполномочивается осуществлять на территории охранной зоны весь спектр контрольно-надзорных мероприятий. Это включает в себя не только патрулирование и визуальный осмотр территории, но и проведение регулярного экологического мониторинга, отбор проб компонентов природной среды для лабораторных исследований с целью выявления скрытых или кумулятивных форм воздействия, а также применение инструментов дистанционного контроля, таких как анализ данных космической съемки. Юридическим результатом данной деятельности должна стать квалификация любых выявленных отклонений от установленного охранного режима как самостоятельных административных правонарушений, что создаст единое и непротиворечивое правовое поле для применения мер государственного принуждения.

Третий элемент, неразрывно связанный с предыдущим, заключается в разработке и имплементации в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях новой специальной правовой нормы. Ее предметом логично определить нарушение режима охранной зоны особо охраняемой природной территории федерального значения. Конструкция объективной стороны данного состава правонарушения должна быть сформулирована таким образом, чтобы охватывать как прямое осуществление изначально запрещенных видов хозяйственной и иной деятельности, так и ведение разрешенной деятельности с нарушением установленных экологических ограничений, нормативов и регламентов. Круг субъектов ответственности должен быть максимально широким, включая граждан, должностных лиц и юридических

лиц, чья деятельность потенциально или реально воздействует на экологическое состояние буферной территории. Санкции, предусмотренные статьей, для достижения превентивного эффекта и формирования должного уровня правосознания должны быть сопоставимы по степени строгости с санкциями ст. 8.39 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за нарушение правил охраны и использования природных ресурсов непосредственно на ООПТ. Это обеспечит системность административно-правового воздействия и продемонстрирует равную значимость охраны как ядра заповедной системы, так и ее защитной периферии.

Четвертый процессуально-координационный элемент модели направлен на установление четкого и прозрачного порядка разработки и утверждения локальных правовых режимов для каждой конкретной охранной зоны. Этот процесс должен быть основан на принципе сочетания федеральных экологических приоритетов и региональной специфики. Исходным звеном здесь выступает проект положения об охранной зоне, который разрабатывается администрацией соответствующей особо охраняемой природной территории при обязательном научном сопровождении, обеспечивающем учет биологических, ландшафтных и иных природных особенностей. Далее проект проходит процедуру обязательного согласования с высшим органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в границах которого располагается ООПТ. Целью согласования является учет социально-экономических факторов, существующих традиций природопользования и планов пространственного развития региона, что минимизирует потенциальные конфликты и повышает легитимность устанавливаемых ограничений. Окончательное утверждение положения осуществляется уполномоченным федеральным органом исполнительной

власти, которым, исходя из предметной компетенции, является Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Такой трехуровневый порядок (ООПТ — субъект Российской Федерации — федеральный центр) создает сбалансированный механизм, обеспечивающий, с одной стороны, научную обоснованность и экологическую целесообразность режима, а с другой — его правовую легитимность и практическую реализуемость с учетом всего комплекса публичных интересов.

Проблема отсутствия эффективных буферных зон вокруг особо охраняемых природных территорий является наглядным примером того, как пробел в административно-правовом регулировании сводит на нет усилия государства по сохранению биологического и ландшафтного разнообразия. Существующий правовой режим охраны ООПТ является неполным, так как не распространяется на те участки, где формируются ключевые угрозы. Предложенная модель законодательных изменений направлена на преодоление этой фундаментальной слабости. Она предполагает переход от добровольной и декларативной практики создания охранных зон к их обязательному федеральному установлению с четким режимом и действенным контролем. Реализация такой модели позволит трансформировать ООПТ из изолированных «островов» в полноценные экологические ядра, окруженные защищенными зонами, смягчающими антропогенный прессинг. Это не только соответствует общемировому опыту охраны природы, но и является необходимым условием выполнения Россией международных обязательств в области сохранения биоразнообразия. Укрепление административно-правового инструментария в данной сфере является практическим шагом от реактивной охраны, борющейся с последствиями, к проактивному управлению, направленному на устранение причин угроз.

Список источников

1. Русецкая Г.Д., Дмытерко Е.А. Особо охраняемые природные территории — инструмент устойчивого управления природопользованием // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27, № 4. С. 478 — 487.
2. Соколов Г.А. Принципы образования особо охраняемых природных территорий с целью сохранения биоразнообразия млекопитающих Алтае-Саянского экорегиона // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 2025. Т. 110, вып. 6. С. 9 — 20.
3. Верниковская О.В. Научно-методические подходы к оценке антропогенного воздействия на особо охраняемые природные территории // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2013. Т. 18, № 6 — 1. С. 3128 — 3131.

Информация об авторе

Л.С. Булгакова — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

L.S. Bulgakova — Associate Professor at the Department of state and legal disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343

ПРИЗНАКИ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ

Татьяна Сергеевна КОРНЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, Tatyana_korneva_84@mail.ru

Аннотация. Автором определены признаки системы принципов организации и деятельности прокуратуры. Под системой в данном случае понимается совокупность принципов, находящихся во взаимосвязи друг с другом. В науке о прокурорской деятельности данный вопрос комплексно не изучен. Ранее признаки системы предлагали философы, историки, ученые-правоведы. Автором предложено к принципам организации и деятельности прокуратуры относить внутреннее единство, равнозначность принципов, функциональность, стабильность, развитие в связи с взаимодействием с внешней средой.

Ключевые слова: принципы организации и деятельности прокуратуры, система принципов, взаимосвязь, взаимодействие, целостность, внутреннее единство, равнозначность, функциональность, взаимодействие с внешней средой

Для цитирования: Корнева Т.С. Признаки системы принципов организации и деятельности российской прокуратуры // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 138 – 146.

Original article

DEFINING FEATURES OF THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITY OF THE RUSSIAN PROSECUTOR'S OFFICE

Tatyana S. KORNEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Tatyana_korneva_84@mail.ru

Abstract. The author identifies the characteristics of the system of principles governing the organization and activities of the prosecutor's office. A system, in this context, refers to a set of interconnected principles. To date, this issue has not yet received a comprehensive analysis in scholarly discussions on prosecutorial activities. Previously, philosophers, historians, and legal scholars have proposed the features of such a system. The author suggests incorporating the following features into the system of principles for the prosecutor's office: internal unity, equivalence of principles, functionality, stability, and development in relations to interactions with the external environment.

Keywords: principles of organization and activity of the prosecutor's office, system of principles, interconnection, interaction, integrity, internal unity, equivalence, functionality, interaction with the external environment

For citation: Korneva T.S. Defining features of the system of principles of the organization and activity of the Russian prosecutor's office. Criminalist. 2026;2(55):138-146. (In Russ.).

© Корнева Т.С., 2026

Принципы являются основой законодательства, регулирующего организацию и деятельность органов прокуратуры. В соответствии со ст. 129 Конституции Российской Федерации и ст. 4 Федерального закона от 17 января 1992 года 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о прокуратуре) принципами организации и деятельности прокуратуры являются принципы единства и централизации, законности, независимости и гласности¹. Данные принципы были взяты за основу организации и деятельности прокуратуры при ее создании, сохранялись на протяжении всего существования прокуратуры относительно неизменными и незыблемыми, были унаследованы советской прокуратурой при ее создании и сегодня остаются в числе принципов организации и деятельности российской прокуратуры [1, с. 466 — 469].

В науке о прокурорской деятельности в качестве принципов организации и деятельности прокуратуры называют и другие принципы (единоначалия, деполитизации, убедительности и др.). Однако представляется, что только закрепленные в Конституции Российской Федерации и Федеральном законе о прокуратуре принципы составляют систему принципов организации и деятельности прокуратуры. Положения ст. 4 Федерального закона о прокуратуре о невозможности членства прокурорских работников в общественных объединениях, политических партиях, совмещения своей деятельности с иной оплачиваемой или безвозмездной деятельностью кроме педагогической, научной и иной творческой являются развитием принципа независимости [2, с. 133 — 137].

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=nd=102014157> (дата обращения: 03.10.2025).

Учеными обосновывается деление принципов организации и деятельности прокуратуры на фундаментальные (базовые) и специальные (отраслевые), принципы внутриорганизационной деятельности [3, с. 53]. Такое деление представляет собой классификацию принципов, а не выделение новых принципов организации и деятельности прокуратуры, в связи с чем далее данный вопрос не затрагивается.

Несмотря на то, что каждый принцип представляет собой самостоятельный, равнозначный по отношению к другим принципам, все принципы организации и деятельности прокуратуры необходимо рассматривать в их взаимосвязи, т. е. в системе, поскольку несоблюдение одного из принципов организации и деятельности прокуратуры ведет к несоблюдению остальных. Ранее нами было предложено обоснование системности данных принципов, а также названы их признаки [4, с. 331 — 334; 5, с. 60 — 61].

Под системой в научном смысле подразумевают совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность². Системный подход к рассмотрению принципов занимает особое место в арсенале методологии права.

Так, Д.А. Керимов заключает, что материальный и идеальный мир не состоит из отдельных друг от друга изолированных предметов, явлений и процессов, а представляет собой органически взаимосвязанные, взаимодействующие и взаимопроникающие объекты и требует системного к ним подхода. В меньшей степени эта систематическая связь присуща и общественным явлениям, что побуждает науку выявлять социальные образования системного типа, изучать различные уровни системности этих образований, отношения и взаимодействия как в целом, так и в частностях [6, с. 240].

² Большая российская энциклопедия : портал. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 03.10.2025).

Применение категории системы, по мнению ученого, позволяет вскрыть внутреннее единство права, органическую взаимосвязь и гармоническое взаимодействие частей, его составляющих. Отсюда вытекает и практический смысл разработки этой категории, этого подхода для правотворческой и правозащитной деятельности государства, эффективность которой может иметь место лишь на основе глубокого единства правового регулирования общественных отношений [6, с. 274].

По утверждению А.Н. Аверьянова, в настоящее время изучение объективного мира и законов его отражения достигло такого уровня, что в процессе познания уже недостаточно оперировать только такими понятиями, как «объект», «вещь», ибо они выражают нечто отдельное, нерасчлененное, единичное. Категория же «система», в отличие от понятий «объект» и «вещь», отражает не что-то отдельное и нерасчлененное, а противоречивое единство многого и единого [7, с. 40]. Система, являясь конкретным видом реальности, находится в постоянном движении, в ней происходят постоянные изменения. Однако всегда имеется такое изменение, которое характеризует систему как отграниченное материальное единство, что выражается в определенной форме движения [7, с. 42].

Системный подход к исследованию сложных динамических целостностей позволяет обнаружить внутренний механизм не только действия отдельных его компонентов, но и их взаимодействия на различных уровнях [7, с. 40].

В.Н. Спицнадель под системными исследованиями понимает всю совокупность научных и технических проблем, которые при всей их специфике и разнообразии сходны в понимании и рассмотрении исследуемых ими объектов как систем, т. е. множества взаимосвязанных элементов, выступающих в виде единого целого. Системный подход, в понимании ученого, это экспли-

цитное (разъяснительное) выражение процедур представления объектов как систем и способов их описания, объяснения, предвидения, конструирования и т. д. [8, с. 62]. И именно системный подход позволяет изучить принципы в их полноте [8, с. 62].

Рассматривая различные доктринальные системы принципов права, по мнению А.Н. Аверьянова, необходимо иметь в виду, что в функциональном плане система принципов выступает как инструмент познания и позволяет выделить из многочисленного и многостороннего содержания права наиболее существенные, непреходящие, определяющие его элементы, вычленять и отмечать субъективное в норме и в нормотворческой, а также правоприменительной деятельности [7, с. 43].

Л.С. Явич характерной особенностью принципов социалистического права считал то, что они не разрозненны, а находятся в стройной системе и субординации, отражают не только свойства юридической надстройки, но и место каждого из принципов в жизни социалистического общества [9, с. 147 – 148]. Точное соблюдение одного из принципов является своеобразной гарантией исполнения всех иных требований права и наоборот. Объясняется это тем, что основные принципы существуют и действуют в соответствующей системе, что качества каждого из них зависят не только от собственного содержания, но и от функционирования всей системы правовых принципов [9, с. 147 – 148].

С позиции ученого, нельзя отдавать предпочтение какой-либо одной разновидности социалистических принципов, не придавая значения иным принципам. Нарушение же каждого принципа неминуемо сказывается на реализации иных принципов и на престиже законодательства в целом [9, с. 158 – 159].

А.В. Гриненко пишет, что значение системного подхода к изучению принципов состоит в том, что он позволяет

установить структуру системы принципов, выявить условия оптимального функционирования системы, дать характеристику связей, существующих между принципами — структурными элементами системы, определить место и роль системы принципов в системе права [10, с. 158 — 159].

В теории о прокурорской деятельности учеными также исследовалась системность принципов организации и деятельности прокуратуры.

Так, с точки зрения Е.Р. Ергашева, значение и сущность каждого принципа обусловлены не только его содержанием, но и действием системы принципов в целом. Несоблюдение любого принципа ведет к нарушению других принципов [11, с. 67].

В то же время, как отмечает ученый, исследуя системность принципов организации и деятельности прокуратуры, одновременно нельзя считать, что какие-то из принципов имеют большую или меньшую силу по отношению друг к другу. Система принципов является совокупностью равнозначных основных положений, поскольку они все взаимообусловлены, а каждый из них объективно выражает конкретную сторону существа норм права, направленных на достижение его задач [11, с. 72].

В.Б. Ястребов также приходит к выводу, что принципы организации и деятельности прокуратуры составляют единую, завершенную, сформировавшуюся систему. Каждый принцип в этой системе выполняет важную самостоятельную роль [12, с. 7].

В.Г. Бессарабов, К.А. Кашаев признают, что закрепленные в Конституции Российской Федерации и Федеральном законе о прокуратуре принципы организации и деятельности прокуратуры неотделимы друг от друга и только в совокупности могут обеспечить деятельность органов прокуратуры [13].

В понимании Т.А. Ашурбекова, принципы должны восприниматься и соблюдаться как единая целостная система, предполагающая одновременное соблюдение всех принципов, недопустимость выборочного и внесистемного подхода к их соблюдению [14, с. 145].

М.М. Черепанов отмечает, что сущность организации надзорного органа, его целей, задач, функций проявляется во всей системе принципов, которая основана на содержательных связях их между собой, и только их совокупность может обеспечить организацию и деятельность прокуратуры [15, с. 54].

И.И. Головкич считает, что принципы деятельности прокуратуры равны между собой, взаимосвязаны, способствуют обеспечению друг друга. В связи с чем образуют систему принципов деятельности прокуратуры [16, с. 350 — 357].

Таким образом, полагаем, что изучение системы принципов организации и деятельности прокуратуры имеет свое основание.

Однако, несмотря на то что в науке о прокурорской деятельности принципы организации и деятельности рассматриваются как взаимосвязанная система, вопрос о признаках этой системы не исследован.

Признаки системы в целом выделялись в философии.

Так, И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин констатировали, что системный подход порождает проблематику упорядоченности и организованности [17, с. 62].

По оценке А.Н. Аверьянова, система обладает внутренним (отграниченностью) и внешним свойством (целостностью). Чем более система выделена, отграничена из среды, тем более она внутренне целостна, индивидуальна, оригинальна [7, с. 40].

В.Н. Садовский писал, что система образует определенную целостность и характеризуется упорядоченностью, организацией и структурностью. Под

упорядоченностью подразумевается фиксация наличия в системе определенного порядка элементов, отношений и связей в строении и функционировании системы. Организация системы фиксирует не только свойство упорядоченности ее элементов, связей и отношений, но и специфические для каждой системы взаимоотношения между ее частями. Структуру системы обычно понимают как обобщенную характеристику специфических системных свойств, фиксирующую в абстрактной форме элементы, отношения, связи системы, их упорядоченность и организацию [18, с. 85].

По представлению физиолога П.К. Анохина, главным системообразующим фактором является результат функционирования системы [19, с. 17–59].

В исторических науках учеными также предложены признаки системы.

В понимании Г.М. Ипполитова, системы строятся и функционируют на следующих основных системных принципах: «1) целостность — принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого; зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функций и т. д. внутри целого; 2) структурность — возможность описания системы через установление ее структуры, то есть сети связей и отношений; обусловленность поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры; 3) взаимозависимость системы и среды — система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия; 4) иерархичность — каждый компонент системы, в свою очередь, может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы;

5) множественность описания каждой системы — в силу принципиальной сложности каждой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы и др.» [20, с. 192–199].

Советские правоведы, в свою очередь, выделяли признаки системы принципов. Так, Л.С. Явич отмечал иерархичность системы принципов [9, с. 156].

По суждению М.Л. Якуба, система принципов является органически единой, стройной системой, где все принципы взаимно дополняют друг друга [21, с. 29].

К.Н. Захаровой выделены следующие свойства (признаки) системы.

Целостность, под которой понимается внутреннее единство, принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов, которые обеспечивают функционирование системы. Целостность также выражает внутреннее единство объекта, наличие всех необходимых элементов со связями между ними, относительную автономность объекта в смысле независимости от окружающей среды. Кроме того, целостность выражает требование особого описания элементов, а также подчеркивание противопоставленности системы ее окружению [22, с. 47].

Функциональность, которая выражается в том, что любая система функционирует и функция выступает основным системообразующим фактором системы. Функциональность системы является проявлением свойств (функций) при взаимодействии системы с внешней средой [22, с. 48].

К.Н. Захарова утверждает, что функционирование системы предполагает возникновение системных связей двух уровней: внешние связи, или связи со средой, и внутрисистемные связи, т. е. внутри системы принципов права [22, с. 52].

Аналогичную точку зрения о признаках системы можно встретить и в теории уголовного процесса. Так, А.В. Гриненко обращает внимание на особый характер связей, существующих между принципами уголовного процесса, а также факт наличия у них не только собственных свойств, но и качеств, приобретенных в результате их интеграции в единую систему [10, с. 8].

И.И. Головкин говорит о неизменности, стабильности системы принципов организации и деятельности прокуратуры. Ученая подчеркивает, что важным вопросом при рассмотрении системы принципов деятельности прокуратуры является развитие взаимоотношений принципов и их содержания, но не дополнение системы новыми принципами [16, с. 50–357].

Как уже отмечалось, несмотря на то, что в методологии науки и науке о праве учеными рассматривались признаки системы, в науке о прокурорской деятельности вопрос о признаках системы принципов организации и деятельности прокуратуры изучен не был. До настоящего времени перечень признаков, характеризующих систему принципов организации и деятельности прокуратуры, учеными не предлагался.

На основании проанализированных точек зрения ученых о признаках системы принципов можно указать признаки, присущие системе принципов организации и деятельности прокуратуры.

Так, выделяемый в философии признак взаимосвязи системы как обязательная органическая взаимосвязь объектов и явлений окружающего мира [6, с. 240] воплощается в системе принципов организации и деятельности прокуратуры. Внутренняя взаимосвязь принципов проявляется в том, что система основана на содержательных связях между принципами. Каждый принцип служит основой для реализации других. Нарушение одного из принципов влечет нарушение

остальных принципов системы, выборочное соблюдение принципов недопустимо. Поскольку каждой системе присуще специфическое взаимоотношение элементов [18, с. 85], то, говоря о системе принципов организации и деятельности прокуратуры, можно сделать вывод, что данной системе принципов характерна целостность, или внутреннее единство, которое подразумевает под собой функционирование принципов как единого целого. Выпадение какого-либо звена из системы приводит к невозможности работы системы. Все принципы гармонично взаимодействуют друг с другом в системе и образуют единое целое. Кроме того, внутреннее единство принципов организации и деятельности прокуратуры заключается в реализации принципов одновременно.

Поскольку под системой понимается совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом¹, то данные элементы должны быть равнозначны. Этот признак характеризует и принципы организации и деятельности прокуратуры. Все принципы равнозначны и являются основой как организации, так и деятельности прокуратуры. Все принципы имеют равное значение для организации и деятельности прокуратуры, нельзя выделять какой-либо из принципов по значимости.

Поскольку, как было сказано, принципы организации и деятельности прокуратуры корреспондируют друг другу, то система принципов работает (функционирует). Взаимодействие принципов бывает не только внутреннее (внутри системы), но и внешнее, т. е. взаимодействие с внешней средой, с другими системами. Так, прокуратура в процессе своей деятельности взаимодействует с другими государственными органами. Поскольку деятельность

¹ Большая российская энциклопедия : портал. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 03.10.2025).

прокуратуры основана на определенной системе принципов, данные принципы оказывают влияние на деятельность тех органов, с которыми взаимодействует прокуратура. Например, принцип законности реализуется и поднадзорными прокуратуре органами (организациями). Соблюдение законов данными органами (организациями) в ходе их деятельности является предметом надзора прокуратуры, осуществляя который прокуратура основывается на принципе законности. Принцип единства и централизации прокуратуры отражается на деятельности поднадзорных органов (организаций) в той мере, что данный орган (организация) может быть поднадзорен только определенной прокуратуре в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации о разграничении компетенции прокуроров¹.

Система принципов организации и деятельности прокуратуры обладает признаком неизменности, стабильности [16, с. 350 – 357]. Однако, взаимодействуя с внешней средой в связи с общественными изменениями, в системе могут возникать предпосылки для появления новых принципов.

Так, в ст. 4 Закона СССР от 30 ноября 1979 года № 1162-Х «О прокуратуре СССР» были закреплены такие принципы организации и деятельности прокуратуры, как своевременность выявления нарушения; восстановление нарушенных прав и неотвратимость наказания; взаимодействие органов прокуратуры с государственными органами, общественными организациями и трудовыми коллективами; информированность².

Однако в Федеральном законе о прокуратуре данные принципы закреплены не были, а принцип информированности трансформировался в принцип гласности, поскольку в нем в настоящее время возникла потребность.

Таким образом, в развитие теоретических положений о системе права и положений науки о прокурорской деятельности целесообразно выделить следующие признаки системы принципов организации и деятельности прокуратуры:

- внутреннее единство (целостность);
- равнозначность принципов;
- функциональность;
- стабильность;

развитие системы в связи с взаимодействием с внешней средой.

Выделение данных признаков системы принципов организации и деятельности прокуратуры научно обосновывает существование такой системы, доказывает, что принципы должны реализовываться в системе, дает возможность более глубоко и качественно изучать принципы организации и деятельности прокуратуры. Признаки позволяют структурировать систему принципов, определить ее внутреннее строение, отделяют систему принципов от всего другого и позволяют определить место данной системы в науке о прокурорской деятельности. Обоснование признаков системы принципов организации и деятельности прокуратуры делает возможным разработку новых теоретических положений о принципах организации и деятельности прокуратуры, проведение исследований, посвященных выделению новых принципов.

¹ О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 7 мая 2008 г. № 84 // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru.ru/gprf/documents/e5959600/> (дата обращения: 03.10.2025).

² О прокуратуре СССР : Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-Х // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?dogbody=&nd=196010339> (дата обращения: 03.10.2025).

Список источников

1. Корнева Т.С. Эволюция принципов организации и деятельности прокуратуры как единой системы // Актуальные проблемы государства, права и экономики : материалы XII межвуз. науч. конф. студентов и аспирантов, Санкт-Петербург, 24 апреля 2021 года / С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А.А. Сапожкова ; отв. ред. Е.В. Елагина. Санкт-Петербург : СПБЮИ (ф) УП РФ, 2021. С. 466 – 469
2. Корнева Т.С. Недостатки законодательства, регулирующего принципы организации и деятельности прокуратуры // КриминалистЪ. 2022. № 1 (38). С. 133 – 137.
3. Прокурорский надзор : учеб. пособие / О.Н. Коршунова, И.И. Головкин, Е.Л. Никитин [и др.] ; под ред. О.Н. Коршуновой. Санкт-Петербург : Юридический центр прессы, 2017. 480 с.
4. Корнева Т.С. Принципы организации и деятельности прокуратуры как элементы единой взаимосвязанной системы // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутренних дел Республики Беларусь, Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь ; редкол.: И.А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. С. 331 – 334.
5. Корнева Т.С. Признаки принципов организации и деятельности прокуратуры: содержание и классификация // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 60 – 61.
6. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). Москва : Аванта+, 2001. 560 с.
7. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. Методологические проблемы. Москва : Политиздат, 1985. 263 с.
8. Спицнадель В.Н. Основы системного анализа : учеб. пособие. Санкт-Петербург : Бизнес-пресса, 2000. 326 с.
9. Явич Л.С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы). Москва : Юрид. лит., 1978. 224 с.
10. Гриненко А.В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... д-ра юрид. наук / Гриненко Александр Викторович. Воронеж, 2001. 465 с.
11. Ергашев Е.Р. Организация работы городской (районной прокуратуры) : специальность 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура» : дис. ... канд. юрид. наук / Ергашев Евгений Рашидович. Екатеринбург, 2003. 223 с.
12. Ястребов В.Б. Прокурорский надзор : учебник. Москва : Городец, 2001. 395 с.
13. Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. Москва : Городец, 2007. 463 с.
14. Ашурбеков Т.А. Деятельность прокуратуры по обеспечению национальных государственных интересов России. Москва : Изд-во РАГС, 2005. 243 с.
15. Черепанов М.М. Принципы организации и деятельности российской прокуратуры : специальность 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура» : дис. ... канд. юрид. наук / Черепанов Максим Мухтаржанович. Екатеринбург, 2008. 168 с.
16. Головкин И.И. Особенности взаимоотношения принципов организации и деятельности прокуратуры // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2023. № 16. С. 350 – 357.
17. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. Москва : Наука, 1973. 270 с.
18. Садовский В.Н. Основания общей теории систем: логико-математический анализ. Москва : Наука, 1974. 280 с.
19. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. Москва : Медицина, 1975. 447 с.

20. Ипполитов Г.М. Системный подход к познанию истории: дискуссионные размышления о некоторых аспектах многоаспектной проблемы в лапидарном изложении // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 192 – 199.

21. Якуб М.Л. О принципах советского уголовного процесса // Социалистическая законность. 1951. № 8. С. 29 – 39.

22. Захарова К.С. Системные связи принципов права: теоретические проблемы : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... канд. юрид. наук / Захарова Кристина Сергеевна, Саратов. 2009. 255 с.

Информация об авторе

Т.С. Корнева – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

T.S. Korneva – Senior Lecturer at the Department of humanitarian and social-economic subjects, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 34

ГУБЕРНСКАЯ ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1762 – 1775 гг.

Вениамин Владимирович ЛАВРОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, veniaminl@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка показать эволюцию прокурорского надзора на территориях Российской империи с 1762 по 1775 год.

В начале 1760-х годов прокуратура была единственным государственным институтом, осуществлявшим надзор за местной администрацией. Государственные преобразования первых лет правления Екатерины Великой затронули российскую прокуратуру. В этой связи губернские и провинциальные прокуратуры, возглавляемые генерал-прокурором, будучи блюстителями законности на местах, составляли единую систему, ставшую важнейшим элементом механизма государственной власти на местах.

Ключевые слова: Российская империя, императрица, прокуратура, надзор, генерал-прокурор

Для цитирования: Лавров В.В. Губернская прокуратура Российской империи 1762 – 1775 гг. // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 147 – 158.

Original article

GOVERNORATE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN EMPIRE, 1762 – 1775

Veniamin V. LAVROV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, veniaminl@mail.ru

Abstract. This article aims to trace the development of prosecutorial supervision within the territories of the Russian Empire from 1762 to 1775. By the early 1760s, the prosecutor's office was the sole state institution responsible for overseeing local administration. The governmental reforms implemented during the initial years of Catherine the Great's reign brought significant changes to the Russian prosecutorial system. In this context, the governorate and provincial prosecutor's offices headed by the Procurator-General, served as guardians of legality at the local level, forming a unified system that became a crucial component of the mechanism of state authority in the regions.

Keywords: Russian Empire, Empress, prosecutor's office, prosecutorial supervision, Procurator-General

For citation: Lavrov V.V. Governorate prosecutor's office of the Russian empire, 1762 – 1775. Criminalist. 2026;2(55):147-158. (In Russ.).

Дворцовый переворот, совершенный гвардейскими полками 28 июня 1762 года, ознаменовал собой начало нового

периода российской истории — эпохи Екатерины Великой. В манифесте о вступлении на престол новая самодержица

Всероссийская высказалась о необходимости положить закон в основу государственной жизни, чтобы «каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядке»¹.

Реформирование системы российского управления, как центрального, так и местного, становится одной из первостепенных задач, стоявших перед новой императрицей [1, с. 263; 2, с. 1–40; 3, с. 330, 363–364, 387–389]. Преобразования в системе центральных и местных органов государственной власти не могли не затронуть и российскую прокуратуру.

Прокурорский надзор первого десятилетия правления Екатерины II не имеет обширной историографии.

В большинстве работ, посвященных истории прокурорского надзора в губерниях Российской империи, период с 1762 по 1775 год освещен поверхностно [4, с. 66; 5, с. 297; 6, с. 74–81; 7, с. 77–85].

История прокуратуры раннего периода правления Екатерины II была предметом исследований В.И. Веретенникова [8, с. 86–100]. Ученый, используя материалы Московского архива Министерства юстиции (современный Российский государственный архив древних актов, г. Москва), показал те изменения, которые произошли во внутреннем устройстве российской прокуратуры в начальный период правления Екатерины II (учреждение должностей обер-прокуроров в департаментах Сената, появление провинциальных прокуроров). Автор пришел к выводу, что изменения, произошедшие в российской прокуратуре в 1763–1774 годах, были обусловлены идеологией, которая сформировалась у императрицы в отношении этого государственного института [8, с. 99].

¹ Манифест о вступлении на престол императрицы Екатерины II [Манифест Екатерины II от 28 июня 1762 г.]. Печатан в Санкт-Петербурге : При Сенате, 28 июня 1762. [1] л.

Вопросы прокурорского надзора в российских губерниях в 1760-е – 1770-е годы затрагивались в работах, касающихся местного управления Российского государства, судебных учреждений России [9, с. 107–131; 10, с. 47–48; 11, с. 147–151].

Особое место в историографии советского периода, посвященной губернской прокуратуре, занимает работа академика Ю.В. Готье в рамках труда «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II» [2, с. 1–44]. Обращаясь к прокурорскому надзору в губерниях, Ю.В. Готье использовал значительное количество архивных документов из Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (современный Российский государственный архив древних актов, г. Москва), причем многие документы им были впервые включены в научный оборот. По мнению ученого, институт прокурорского надзора имел целью контроль за законностью действий российской бюрократии и защиту государственного, прежде всего казенного, интереса. Несмотря на формальное усиление роли прокуратуры в период правления Екатерины II, эффективность прокурорского надзора была ограниченной, что было обусловлено общими проблемами российской государственности того времени.

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии на сегодняшний день специальных работ, посвященных развитию прокурорского надзора в административно-территориальных образованиях Российской империи с 1762 по 1775 год. Указанное обстоятельство, а также понимание необходимости изучения данного периода, непосредственно предшествовавшего коренным преобразованиям в системе губернской прокуратуры Российской империи, побудило нас обратиться к изучению этого

важного отрезка в истории отечественной губернской прокуратуры.

Первые полтора года правления Екатерины II отмечены рядом высочайше утвержденных указов (порядка полутора десятков), направленных на оптимизацию системы государственного управления.

Среди них три важнейших документа, принятых 15 декабря 1763 года¹. Указанными документами были проведены преобразования как в центральных, так и местных учреждениях.

Своего рода завершением екатерининских государственных преобразований первых лет правления императрицы стало издание Наставления губернаторам². Принятие указанного документа послужило началом реформирования местного управления, созданного указами 1726–1727 годов. Губернатор становится поверенным лицом императрицы на месте, получает право личной переписки с венценосной особой. Будучи высшим должностным лицом на вверенной ему территории, губернатор подчиняется только императрице и Сенату. Под начало губернатора перешли все местные учреждения, в том числе таможни, магистраты, полиция, ямские правления и другие [12, с. 391–392]. Таким образом, наблюдается новый подход к государственному управлению на местах, выражающийся в наделении губернатора (правителя губернии) максимальными полномочиями [12, с. 391].

Территориальная организация Российской империи, в 1760-е — первую половину 1770-х годов включавшая в себя губернии и провинции, постоянно изменялась под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. В 1775 году территория страны подразделялась на 23 губернии.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. № 11988, 11989, 11991.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. № 12137.

Для обеспечения законности как важнейшего принципа государственной жизни, провозглашенного Екатериной II по восшествии на престол, должна была функционировать система надзора за органами государственного управления как в центре, так и на местах. Эту роль в механизме российского государства начиная со времен Петра Великого играла прокуратура. К моменту вступления на престол Екатерины II прокуратура сформировалась как надзорная вертикаль, состоявшая из системы должностных лиц (прокуроров коллегий, присутственных мест, губернских прокуроров), субординационно связанных с генерал-прокурором [13, с. 42–48].

К началу 1760-х годов прокуратура была единственным государственным институтом, осуществлявшим надзор за местной администрацией. В этой связи для императрицы, безусловно, имела значение личность генерал-прокурора, в подчинении которого находились все нижестоящие прокуроры.

На момент вступления Екатерины II на престол во главе российской прокуратуры находился генерал-прокурор А.И. Глебов. Однако эта фигура явно не устраивала императрицу на столь значимой в государственном аппарате должности. Во-первых, А.И. Глебов был в хороших отношениях со свергнутым императором Петром III, пользуясь у последнего высокой степенью доверия, а во-вторых, генерал-прокурор чрезмерно увлекался коммерцией [144, с. 92–106]. Последнее обстоятельство и послужило причиной освобождения его от должности в начале 1764 года.

Еще в сентябре 1763 года императрица, вероятно не доверяя А.И. Глебову, издает указ, определяющий камер-юнкера графа Ф.Г. Орлова в Сенат за генерал-прокурорский стол³. При этом молодому графу (1741 года рождения) императрицей была утверждена ин-

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. № 11912.

струкция, в которой даны подробные указания об изучении сенатского делопроизводства и механизма принятия решений. Императрица поручила Ф.Г. Орлову докладывать ей о сенатских делах в случае отсутствия генерал-прокурора и обер-прокурора. После реформы Сената по указу от 15 декабря 1763 года Ф.Г. Орлов был назначен на должность обер-прокурора 4-го департамента Сената, занимал ее до 1770 года, после чего, оставив гражданскую службу, отправился служить на флот в эскадру адмирала Г.А. Спиридонова.

В начале 1764 года после отстранения А.И. Глебова обязанности генерал-прокурора было поручено исполнять князю А.А. Вяземскому. Императрица не случайно остановилась на этой кандидатуре. С одной стороны, А.А. Вяземский сумел себя проявить как хороший исполнитель поручений, даваемых ему императрицей. С другой стороны, будучи человеком хотя и знатного происхождения, он не обладал сколь бы то ни было серьезным влиянием в тогдашней придворной правящей элите. Таким образом, этот кандидат прекрасно подходил в качестве фигуры генерал-прокурора — одной из ключевых должностей в российском государственном аппарате. Будучи всецело обязанным императрице, он, в свою очередь, полностью от нее зависел. Как показала дальнейшая история, Екатерина II в своем выборе не ошиблась. А.А. Вяземский почти тридцать лет был во главе российской прокуратуры, став за более чем триста лет ее существования рекордсменом по пребыванию на должности руководителя надзорного ведомства. Что касается отношений А.А. Вяземского с императрицей, то к моменту своей отставки (по причине плохого состояния здоровья в 1792 году) он был единственным оставшимся у престола из тех, кто окружал императрицу в начале ее правления [14, с. 92 — 106].

В назначении на должность генерал-прокурора А.А. Вяземского напрашивается некоторая параллель с выбором Петром Великим кандидатуры генерал-прокурора П.И. Ягужинского. При всей разности личностей указанных генерал-прокуроров просматривается одна общая черта — отсутствие глубоких связей генерал-прокурора в придворном сообществе и отсюда личная преданность его монарху. Указанное обстоятельство дает основание рассматривать идею института прокуратуры (прокурорского надзора) как выполнение личных поручений монарха.

В связи с назначением на должность генерал-прокурора императрица пишет «Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому» (далее — Наставление), которое можно рассматривать как доктринальный источник, касающийся места генерал-прокурора в механизме государственной власти Российской империи¹.

Императрица в Наставлении развивает мысль о значимости высоко доверительных отношений, которые должны быть между генерал-прокурором и самодержицей («вреднее для общества ничего быть не может как генерал-прокурор такой, который к своему государю совершенного чистосердечия и откровенности не имеет»). При осуществлении своих полномочий генерал-прокурор должен действовать согласно интересам государства, опираясь на власть монархии. Независимость генерал-прокурора выражается в том, что он не должен примыкать к какой бы то ни было придворной партии, а руководствоваться в своих решениях лишь служением истине. При возникновении сомнений генерал-прокурор должен советоваться исключительно с императрицей.

¹ Собственноручное наставление Екатерины II князю Вяземскому при вступлении им в должность генерал-прокурора // Сборник Русского исторического общества. 1871. Т. 7. С. 345 — 348.

Затрагиваются в Наставлении вопросы работы Сената. В данном случае императрица развивает идеи, заложенные Петром Великим. Так, обращая внимание на сенатский надзор за исполнением законов, Екатерина II отмечает, что в процессе правоприменения в основном «форма лишь канцелярская исполняется», что, по мнению самодержицы, нарушает интересы государства. Аналогичная мысль о сведении исполнения законов к чистому формализму содержится в указах Петра I, касающихся деятельности генерал-прокурора и нижестоящих прокуроров.

Императрица обращает особое внимание на сенатскую канцелярию, которая находилась в подчинении генерал-прокурора. Затрагивая проблему «всесильности бюрократии», Екатерина II приводит пример кардинала де Ришелье (1585–1642 гг.) — первого министра Франции времен Людовика XIII. Могущественный государственный деятель говорил, что ему легче управлять государством, навязывая свою волю Европе, нежели совладать с «королевской антикаморою». По мнению императрицы, для того чтобы заставить эффективно работать сенатскую канцелярию, годится только один рецепт — *«переменишь всех сумнительных и подозрительных без пощады»*.

Наконец, в Наставлении императрица говорит о наиболее важных задачах, стоявших перед государством, к решению которых впоследствии был привлечен А.А. Вяземский. Это систематизация законодательства, наведение порядка в таких важнейших статьях государственных доходов, как соляные и винные откупы, а также дальнейшая интеграция Малороссии, Лифляндии и Финляндии в российскую политико-культурную среду путем их русификации и постепенной отмены конфирмованных им привилегий.

Генерал-прокурор, являясь, по замыслу Петра Великого, «оком государевым», осуществлял свои полномочия не один, он стоял во главе системы должностных лиц — обер-прокуроров, прокуроров центральных государственных учреждений и губернских прокуроров, являвшихся его «очами» в соответствующих учреждениях. Именно последние, осуществляя надзор за состоянием законности, защищали интересы государства на территории административных единиц, составлявших Российскую империю, решая таким образом задачи, поставленные верховной властью перед генерал-прокурором.

В 1760-е годы центральная власть осуществляла надзор на местах только посредством губернских прокуроров. В этой связи можно обратить внимание на то, что штаты 1763 года предполагали общее сокращение численности чиновников, однако количество прокуроров на территориях, напротив, увеличилось, так как появились должности прокуроров провинций.

Учреждение новых прокурорских должностей и приведение губернской и провинциальной прокуратур в соответствие со штатами дало возможность вновь приступившему к исполнению своих обязанностей генерал-прокурору провести ротацию прокурорских кадров. В связи с этим 14 апреля 1764 года исполняющий обязанности генерал-прокурора князь А.А. Вяземский, а также обер-прокуроры граф Ф.Г. Орлов, В.А. Всеволожский и М.Ф. Соймонов обращаются к Екатерине II со всеподданнейшим докладом, в котором просят произвести назначения на должности прокуроров губерний и провинций. Авторы доклада сообщают императрице о том, что в качестве кандидатур на прокурорские должности предлагаются лица, обладающие такими качествами, как честность и способность к выполнению должностных обязанностей про-

куроров. При этом была произведена своего рода ротация лиц, которые уже ранее находились на прокурорских должностях¹.

Так, можно обратить внимание на кандидатуру нового прокурора камер-коллегии Алексея Никитича Кожина. О последнем известно из донесений А.И. Бибикова о ситуации в местном самоуправлении в Казанской губернии в период около 1763 года. Сообщая о местном чиновничестве, А.И. Бибиков отмечает, что на всем «мрачном административном небосклоне Казанской губернии» можно было выделить только одного чиновника — это товарищ губернатора и одновременно директор Казанской гимназии надворный советник П.Н. Кожин [12, с. 386 — 387]. Вероятно, А.И. Бибиков перепутал А.Н. Кожина с другим персонажем — Петром Никитичем Кожиным, служившим, по крайней мере в 1764 году, капитаном Семеновского полка² и приходившимся братом Алексею Никитичу Кожину. Во всяком случае, в рассматриваемом здесь докладе императрице от 14 апреля 1764 года А.Н. Кожин упомянут как надворный советник, обретающийся в Казанской гимназии.

В том же донесении А.И. Бибиков дает характеристику действующему на тот момент прокурору казанской губернской канцелярии, говоря о его невысоких профессиональных способностях, но при этом отзываясь о нем как о честном человеке: «Коллежский советник Кудрявцев и прокурор Воронцов, кроме подписания своего имени, едва ли какое ни есть дело исправлять в состоянии, с той только разницей, что Кудрявцев, как сказывают, к мздоимству

склонен, а прокурор тому чужд» [12, с. 387]. Как видно из доклада императрице от 14 апреля 1764 года, казанского прокурора Гаврилу Воронцова сняли с должности прокурора, но поскольку был он человеком честным, то перевели в вотчинную коллегию служащим в четвертый департамент³. На должность казанского прокурора был назначен премьер-майор Иван Соболев, правда, занимал он эту должность недолго, в 1766 году прокурором казанской губернской канцелярии значится П.В. Екимов⁴.

Согласно данным, содержащимся в рассматриваемом докладе от 14 апреля 1764 года, можно увидеть следующую картину формирования кадрового состава местной прокуратуры.

Прокурорские назначения были проведены в девяти губерниях Российской империи, а также в 34 провинциях. Если на должности провинциальных прокуроров это было первое назначение, то в отношении прокуроров губерний имела место кадровая ротация. Во всех девяти губерниях, которые фигурируют в докладе, были назначены новые прокуроры. При этом только два губернских прокурора были назначены на вакантные должности (Московская и Нижегородская губернии), в одном случае прокурор был уволен и находился под следствием (Новгородская губерния — А.И. Ушаков), уже упомянутый прокурор Казанской губернии был уволен, судя по всему, за некомпетентность, в двух случаях имело место повышение (воронежский прокурор был назначен прокурором в главный магистрат, а астраханский — в штатс-контур), а причины увольнения иных губернских прокуроров неизвестны. Оренбургский

¹ Указы и повеления императрицы Екатерины II // Сенатский архив. 1910. Вып. 14. С. 191 — 196.

² Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1765 : показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании и в какой должности состоит. СПб., 1765. С. 13.

³ Там же. С. 56

⁴ Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1767 : показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании и в какой должности состоит. СПб., 1767. С. 155.

прокурор (М.С. Кольчугин), архангелогородский (Е.А. Наумов) и сибирский (С.С. Пестриков) сохранили свои должности [2, с. 11].

Таким образом, на основании высочайше утвержденного доклада от 14 апреля 1764 года был сформирован кадровый состав местной прокуратуры Российской империи. Согласно штатам 1763 года, прокуроры губерний были приравнены к подполковничьему рангу, а провинциальные — к майорскому. В обоих случаях статус прокуроров по табели о рангах был ниже, чем у руководителей губерний и провинций [2, с. 11].

О дальнейших кадровых изменениях в составе местной прокуратуры периода, предшествовавшего Губернской реформе 1765 года, можно судить исходя из анализа данных, которые содержатся в адрес-календарях Российской империи.

Если обратиться к такому показателю, как длительность нахождения на занимаемой должности, то можно увидеть следующую картину. Только трое из прокуроров, назначенных по высочайше утвержденному докладу от 14 апреля 1764 года, оставались на своих должностях в 1775 году (С.И. Сахаров, прокурор Елецкой провинции, С.С. Пестриков, прокурор Сибирской провинции, и П.И. Иванов, прокурор Иркутской провинции, ставшей с 1764 году Иркутской губернией). В среднем срок нахождения провинциального и губернского прокурора на должности был порядка трех-пяти лет. Ротация прокуроров могла быть связана с переводом на вышестоящую должность в системе прокуратуры. Так, прокурор Санкт-Петербургской губернии Ф.М. Колокольцев в 1775 году был назначен прокурором Адмиралтейской коллегии. Московский губернский прокурор С.В. Беклемишев в 1767 году был переведен на должность вице-президента Коммерц-коллегии¹,

¹ Там же. С. 120.

а на его место назначен И.И. Вердеревский², служивший до этого прокурором Костромской провинции, а освободившуюся должность занял князь В.А. Вяземский³. Прослуживший более десяти лет прокурором Юрьево-Польской провинции Д.В. Каховской в 1772 году был назначен прокурором вновь образованной Псковской губернии⁴. В 1768 году князь Г.И. Вяземский был назначен прокурором Слободской украинской губернии, а до этого он занимал должность провинциального прокурора Ахтырской провинции той же губернии⁵ [24, с. 169; 28, с. 197]. Случаев вакансий на прокурорских должностях было всего одиннадцать на протяжении одиннадцати лет, и длились они не более одного года (впрочем, отсутствие сведений о наличии прокурора на соответствующей должности вполне возможно объяснить недостатком конкретной информации у составителей адрес-календаря).

Служба на прокурорских должностях считалась престижной у представителей российского дворянства. Такое заключение можно сделать из того, что губернскими и провинциальными прокурорами служили представители знатных, в том числе княжеских, фамилий: князья Вяземские, Оболенские, Волконские, представители старинных дворянских родов Беклемишевы, Урусовы,

² Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1768 : показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании и в какой должности состоит. СПб., 1768. С. 128.

³ Там же. С. 136.

⁴ Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1774 : показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании и в какой должности состоит. СПб., 1774. С. 254.

⁵ Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1767 ... С. 169 ; Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1769 : показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании и в какой должности состоит. СПб., 1769. С. 197.

Кожины, Мусины-Пушкины, Ушаковы и другие.

Количество губернских и провинциальных прокуратур возрастало по мере развития территориального управления и появления новых административных единиц в составе Российской империи. Прокуроры отсутствовали в прибалтийских губерниях, Киевской губернии и иных территориях, где российская система местного управления вводилась постепенно. В этой связи можно вспомнить идеи Екатерины II о русификации малороссийских и прибалтийских территорий, изложенные в Наставлении А.А. Вяземскому. Изначально управление малороссийскими территориями осуществляла одноименная коллегия, в которой с 1764 года (возможно, и раньше) должность прокурора бессменно занимал А.Ф. Семенов до 1780 года¹. С 1771 года стал назначаться прокурор Киевской губернии. В 1772 году после второго раздела Польши во вновь образованных и измененных губерниях и провинциях были назначены губернские и провинциальные прокуроры².

Вопрос о субординации между губернскими и провинциальными прокурорами не имеет однозначного решения среди исследователей. Так, В.И. Веретенников полагал, что несмотря на то, что по своему статусу провинциальный прокурор находился ниже губернского, отношений начальства и подчиненности между ними не было. При этом исследователь приводит ряд свидетельств, показывающих, что провинциальные

прокуроры могли напрямую общаться с генерал-прокурором и обер-прокурорами соответствующих департаментов Сената [8, с. 86 – 100]³. Напротив, Ю.В. Готье на основании анализа значительного количества документов допускал подчиненность провинциальных прокуроров губернским, но при этом указывал на возможность прямого общения провинциальных прокуроров с генерал-прокурором [2, с. 42 – 43]. Надо полагать, что прав Ю.В. Готье. При этом возможность самостоятельных сношений генерал-прокурора с провинциальными прокурорами вовсе не исключает их подчиненность по многим вопросам губернским прокурорам.

К государственным мерам, направленным на помощь местным прокурорам в исполнении ими своих обязанностей, можно отнести закрепление за ними канцелярских служащих из числа служащих губернской канцелярии. Однако последние, в отличие от прокуроров, входили в состав губернской (или провинциальной) канцелярии и находились в подчинении у губернатора (воеводы). В этой связи администрации губерний могли по своему усмотрению менять канцеляристов, прикрепленных к прокурорам. Подобная ситуация могла негативно сказываться на деятельности прокуроров, для которой, безусловно, требовалась специализация лиц, ведущих делопроизводство. С целью недопущения произвольного перемещения канцелярских служащих, закрепленных за прокурорами на местах, Правительствующий Сенат 8 февраля 1766 года по обращению генерал-прокурора издал указ, запрещавший губернаторам и воеводам подобного рода действия. Кроме того, в указе обозначено, что местным прокурорам положен один канцелярист и один копиист⁴. Однако,

¹ Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1765 : показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании и в какой должности состоит. СПб., 1765. С. 117 ; Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1781 : показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании и в какой должности состоит. СПб., 1781. С. 399.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIX. № 13920, 13989, т. XVII. № 12565.

³ Рапорт астраханского губернской канцелярии прокурора от 15 марта 1766 года // РГА-ДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6482. Л. 239 – 241.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVII. № 12565.

как следует из имеющихся источников, практика администраций губерний забирать служащих канцелярий у прокуроров продолжалась¹.

С целью стабильности кадрового состава прокуроров на местах 13 декабря 1771 года был издан именной указ о запрете губернаторам переводить прокуроров в воеводы и в товарищи.

Увеличившаяся в своем составе местная прокуратура осуществляла деятельность на основе указа от 3 сентября 1733 года «О должностях прокурора»² и последующих правовых актов, принятых еще в елизаветинское время [13, с. 42–48].

В первое десятилетие обновленной с 1764 года прокуратуры принимаемые нормативные правовые акты, касающиеся ее деятельности, в основном затрагивали лишь отдельные полномочия местной прокуратуры, обусловленные теми задачами, которые ставила верховная власть.

В этой связи особо можно выделить сенатский указ от 31 декабря 1765 года «О существенных обязанностях всех чиновников и в особенности прокуроров при исправлении должностей своих в присутственных местах»³. Канцелярским служащим предписывалось добросовестно исполнять свои обязанности, избегать формализма при рассмотрении дел, обращать особое внимание на коррупционные («лихоимственные») дела, а также чтобы служащие исправно посещали присутственные места. Особо отмечалось, что лица, которые не могут надлежащим образом исполнять свои обязанности в силу старости или немощи, могут оставить государственную службу. Специально указывалось на роль прокурора в осуществлении надзора за надлежащим исполнением своих

обязанностей лицами, находящимися на государственной службе.

С целью усиления действенности прокурорского надзора 5 апреля 1767 года Сенат издает указ, согласно которому исполнение решений присутственных мест должно приостанавливаться в случае опротестования их прокурором⁴.

Постоянная потребность государства в пополнении казны приводила к тому, что к этим процессам привлекались прокуроры, перед которыми ставились задачи проверять исполнение местными органами власти требований, касающихся собираемости казенных сборов⁵. Особую значимость этой сферы управления императрица специально подчеркивала в Наставлении, данном А.А. Вяземскому перед назначением его на генерал-прокурорскую должность⁶.

В числе направлений деятельности прокуроров на местах был надзор за исполнением законодательства об ограничении пыток, в первую очередь тайной инструкции императрицы Екатерины II от 11 ноября 1767 года⁷. В этой связи заслуживает внимания находящееся в РГАДА дело 6477, включающее свод донесений губернских и провинциальных прокуроров, касающихся применения пыток при расследовании уголовных дел, в соответствии с упомянутой инструкцией Екатерины II. Например, прокурор галицкой провинциальной канцелярии И.К. Кожуховский сообщает о проведении пыток в отношении экономических крестьян и прилагает направленное по этому поводу представление губернатору Архангелогородской губернии⁸.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIX. № 14086.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. № 14281.

⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. № 14282.

⁷ Тайная инструкция императрицы Екатерины II от 11 ноября 1767 года // РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6477. Л. 10.

⁸ Донесение прокурора галицкой провинциальной канцелярии // РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6477. Л. 37–39.

¹ Рапорт астраханской губернской канцелярии прокурора ...

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. № 6475.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVII. № 12537.

Как отмечает Ю.В. Готье, с учреждением должностей провинциальных прокуроров прокурорский надзор в административно-территориальных образованиях формально не меняется, но происходят изменения в размахе прокурорской деятельности [2, с. 30]. Действия прокуроров становятся более энергичными, надзор приобретает наступательный характер. Здесь, несомненно, чувствовалась поддержка генерал-прокурора, который пользовался высоким доверием императрицы. Активная деятельность генерал-прокурора часто приводила к тому, что чрезмерно активные местные прокуроры, преследуя благие цели, выходили за пределы своих надзорных полномочий либо делали слишком резкие заявления. Так, прокурор Воронежской губернии князь С.И. Вяземский заявил протест против одновременного отъезда из губернии товарищей губернатора при отсутствии последнего. При этом в донесении своему родственнику и начальнику генерал-прокурору С.И. Вяземский слишком резко высказался о действиях губернских чиновников. За это генерал-прокурор послал своему подчиненному родственнику выговор за несдержанные выражения в донесении, которые «ему и званию его наносят предосуждения» [2, с. 32].

Часто инициатива местных прокуроров выходила за рамки их полномочий. Так, прокурор Симбирской провинции И.М. Толстой, выявив проблему, связанную с уплатой налогов, в своем донесении генерал-прокурору предлагал меру по оптимизации сборов с крестьян. Указанная инициатива получила поддержку у генерал-прокурора, поручившего другим губернским прокурорам предоставить сведения по выявленной проблеме. В итоге было принято соответствующее решение Сената [2, с. 31]. Алатырский провинциальный прокурор П.А. Лазарев, узнав о найденном месторождении руд, провел осмотр местности и направил донесение генерал-проку-

рору, а последний распорядился направить образцы полезных ископаемых в Санкт-Петербург [2, с. 31].

Значительное количество выполняемых местными прокурорами дел было связано с разовыми поручениями генерал-прокурора, обусловленными многочисленными вопросами, которые приходилось решать А.А. Вяземскому как одному из высших государственных сановников [2, с. 31]. Это обстоятельство часто приводило к тому, что местные прокуроры наряду с исполнением определенных законом обязанностей становились своего рода чиновниками особых поручений на местах [2, с. 34].

Активная деятельность прокуроров и их особый статус в губерниях и провинциях могли порождать конфликты с местными властями. Губернаторы, занимая более высокое относительно прокуроров положение по табели о рангах, часто смотрели на прокуроров как на своих подчиненных. Здесь также играло определенную роль «военное» мышление, основанное на более жесткой субординации среди армейских чинов, не находившихся в прямом подчинении. В возникающие конфликты приходилось вмешиваться А.А. Вяземскому, дававшему соответствующие разъяснения губернаторам, что начальником над местными прокурорами является исключительно генерал-прокурор [2, с. 34]. Однако, несмотря на указанную позицию А.А. Вяземского, на практике отношения между губернаторами и прокурорами отступали от принципа независимости последних, что часто являлось предметом рассмотрения в Сенате [2, с. 36].

Наконец, можно остановиться на личностных качествах прокуроров раннекатерининского периода. В законодательстве XVIII века, начиная с Петра Великого, содержатся положения, устанавливающие высокие требования к нравственным качествам лиц, находящихся на государственной службе. Среди требований к личностным характе-

ристикам государственных служащих присутствуют честность, усердие к исполнению своих обязанностей на благо государства. Особые требования к прокурорам, которые должны быть примером для поднадзорных им лиц, изложены в указаниях генерал-прокурора Н.Ю. Трубецкого, направленных прокурорам губерний в 1742 году. Как отмечалось выше, в высочайше утвержденном докладе от 14 апреля 1764 года также говорится о высоких морально-нравственных требованиях к губернским и провинциальным прокурорам. Приведенные выше примеры проявления местными прокурорами инициативы, их неравнодушие к решению государственно значимых проблем, занятия принципиальной позиции по отношению к нарушениям законности, последующего повышения прокуроров по службе свидетельствуют о том, что корпус местных прокуроров добросовестно подходил к исполнению своих обязанностей.

Несмотря на все упомянутые государственные меры, некоторым губернским провинциальным прокурорам были свойственны те негативные качества, которыми обладали отдельные российские чиновники.

Так, прокурор Алатырской провинции П.А. Лазарев незаконно присваивал деньги из казны. Белгородский губернский прокурор А.Ф. Брянчанинов устроил настоящую травлю путивльского воеводы, хотел на это место устроить своего брата. Прокурор Переяславль-Залесской провинции Ф.Ф. Смольянинов обвинялся в захвате чужих земель. Особенно отличился галицкий провинциальный прокурор И.К. Кожуковский, который сначала избил, а затем отправил под стражу крестьянина, не выполнившего оговоренную работу [2, с. 40–41]¹.

Однако отдельные негативные явления, имевшие место в прокурорской среде, не умаляют большого значения

прокурорского надзора в укреплении единого правового пространства Российского государства.

К концу 1760-х годов сложился определенный образ прокурора как защитника законности и справедливости. В этой связи представляет интерес наказ депутата от города Дерпта, зачитанный им 14 мая 1768 года и содержащий предложения по реформированию судебных мест. В своем наказе депутат отмечает следующее: «Понеже из искусства известно, что законы все в состоявшихся в высочайших указах учиненные строгие подтверждения о немедленном решении дела в судебных местах не производят столько силы, сколько одно только слово генерал-прокурора или других прокуроров ...»². Из данного наказа видно, что приведение в действие положений закона в сознании российского обывателя во многом осуществляется только благодаря вмешательству прокурора.

Таким образом, государственные преобразования первых лет правления Екатерины Великой затронули российскую прокуратуру. Императрица уделяла большое внимание развитию института прокурорского надзора, что могло быть обусловлено различными причинами. Несомненно, это было следование государственным традициям, заложенным Петром Великим. Но и сама Екатерина II была заинтересована в развитии прокуратуры как важнейшего элемента в механизме государственной власти Российской империи, основанного на законе (в том виде, как он понимался во второй половине XVIII столетия). В этой связи губернские и провинциальные прокуратуры, возглавляемые генерал-прокурором, будучи блюстителями законности на местах, составляют единую систему, ставшую «маховым колесом» механизма государственной власти.

² Подлинные мнения депутатов по поводу читанных в большом собрании законов // Сборник императорского русского исторического общества. 1881. Т. 32. С. 443–444.

¹ Донесение прокурора ...

Список источников

1. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины второй : Просвещенный абсолютизм в России. Москва : Юрист, 1993. 428 с.
2. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 303 с.
3. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. Москва : Российский гос. гуманитарный ун-т, 1999. 575 с.
4. Полежаев П. О губернском надзоре // Журнал Министерства юстиции. 1859. Ноябрь. С. 37 – 106.
5. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : Пособие для прокурорской службы / [Соч.] Н.В. Муравьева, прокурора Моск. судеб. палаты. Москва : Унив. тип., 1889. Т. 1.
6. Казанцев С.М. История царской прокуратуры / Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. 216 с.
7. Горячковская Ю.М. Прокуратура и прокурорский надзор России в XVIII – начале XX вв.: историко-правовое исследование : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... канд. юрид. наук / Горячковская Юлия Михайловна. Белгород, 2001. 195 с.
8. Веретенников В.И. Из истории института прокуратуры начала Екатерининского царствования // Русский исторический журнал. 1918 . Кн. 5. С. 86 – 100.
9. Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах : Рассуждение магистра гос. права Ивана Андреевского, представл. в Юрид. фак. Имп. С.-Петерб. ун-та при получении степ. д-ра гос. права. Санкт-Петербург : тип. Э. Праца, 1864. 156 с.
10. Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения / [Соч.] А. Лохвицкий, и. д. проф. Александров. лица. Ч. 1. Санкт-Петербург : тип. И. Бочкарева, 1864. 224 с.
11. Романович-Славятинский А.В. Исторический очерк губернского управления от первых преобразований Петра В. до учреждения губерний в 1775 году : диссертация Александра В. Славятинского для получения степени магистра государственного права. Киев : в Университетской типографии, 1859. 156 с.
12. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 742, [1] с.
13. Лавров В.В. Губернская прокуратура Российской империи 1731 – 1762 гг. // Журнал юридических исследований. 2025. Т. 10, № 4. С. 42 – 48.
14. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Око государево. Российские прокуроры, XVIII век. Москва : Российская политическая энциклопедия, 1994. 318, [2] с.

Информация об авторе

В.В. Лавров – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

V.V. Lavrov – Head at the Department of state law disciplines, St.Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Candidate of Science (History), Associate Professor.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 34

УЭСЛИ ХОФЕЛЬД И АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Николай Викторович РАЗУВАЕВ

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, nrasuvaev@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается философско-правовая концепция американского юриста Уэсли Ньюкомба Хофельда, в частности предложенная им логико-семиотическая трактовка категории субъективных прав. По мнению автора, будучи представителем аналитической философии права, занимающей господствующие позиции в американской юриспруденции, Хофельд пытался привнести в нее элементы аристотелевской идейной традиции, лежащей в основе континентальной европейской правовой мысли. Как продемонстрировано в работе, учение Хофельда о субъективных правах стало важным фактором, обеспечившим взаимовлияние и последующий синтез континентальной и американской философско-правовой мысли. Это обстоятельство предопределяет значение философско-правовых идей У. Хофельда в контексте постклассического правопонимания.

Ключевые слова: постклассическое правопонимание, аналитическая философия права, правовые традиции, субъективные права, логический квадрат

Для цитирования: Разуваев Н.В. Уэсли Хофельд и аристотелевская традиция в американской философии права // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 159 – 166.

Original article

WESLEY HOFELD AND THE ARISTOTELIAN TRADITION IN AMERICAN PHILOSOPHY OF LAW

Nikolay V. RAZUVAEV

*North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, St. Petersburg, Russia, nrasuvaev@yandex.ru*

© Разуваев Н.В., 2026

Abstract. This article considers the philosophical and legal concepts of American jurist Wesley Newcomb Hohfeld, focusing on his logico-semiotic interpretation of subjective rights. The author argues that, as a representative of analytic philosophy of law — the dominant paradigm in American jurisprudence — Hohfeld sought to incorporate elements of the Aristotelian intellectual tradition, which forms the basis of continental European legal thought, into his analytical framework. This study demonstrates how Hohfeld's doctrine of subjective rights played a crucial role in facilitating mutual influence and eventual synthesis between Continental and American philosophical-legal traditions. This highlights the significance of Hohfeld's ideas in the context of post-classical legal theory.

Keywords: post-classical legal cognition, analytic philosophy of law, legal traditions, subjective rights, logical square

Для цитирования: Razuvaev N.V. Wesley Hohfeld and the Aristotelian tradition in American philosophy of law. *Criminalist*. 2026;2(55):159-166. (In Russ.).

Введение. Постклассический поворот, ознаменовавший наступление современного этапа развития правового (в том числе философско-правового) мышления как в нашей стране, так и в общечеловеческом, всемирном масштабе, может быть охарактеризован как совокупность частных поворотов в различных сферах познания и культурного творчества, включая антропологический, лингвистический, культурологический, коммуникативный, мемориальный и иные повороты [1; 2]. Их результатом стала радикальная проблематизация онтологических оснований, на которых долгое время строилась картина реальности, являвшейся предметом познания, и, как следствие, методов познания, традиционно используемых не только философской, но и научной, в частности юридической, эпистемологией.

В первую очередь проблематизации подверглись нарративы, формировавшие классическую философскую мысль, представлявшую собой совокупность более или менее влиятельных школ, чьи положения, сформулированные в трудах основателей, передавались из поколения в поколение, обеспечивая когерентность школьного дискурса или, говоря иначе, «языковой игры», отличавшей одно идейное направление от другого. Не будет преувеличением утверждать, что философия с момента своего

зарождения мультиплицировала реальность в своих учениях, одновременно претендуя — самым парадоксальным, на первый взгляд, образом — на универсальность и общезначимость формулируемых пропозиций.

Постклассический поворот с его антиметафизической в целом направленностью наглядно продемонстрировал полную несостоятельность представлений о «философских методах познания» правовой реальности, не увязанных с конкретной философской системой. Одновременно и сама философская мысль, в том числе философско-правовая, стала рассматриваться как совокупность идейных традиций, неотделимых от своего исторического, цивилизационного и социокультурного контекста. Учитывая вышеизложенное, имеются все основания согласиться с мнением И.Л. Честнова, по словам которого, «постклассическая картина мира признает потенциальную неисчерпаемость, отсутствие единого референта у любого сложного социального явления или процесса, в том числе права... Отсюда — отказ или, по крайней мере, переосмысление с позиций постклассической эпистемологии сущности, истины, рациональности и т. п. онтических категорий права и в праве. Это не означает полный разрыв с классикой, но предполагает демонстрацию ее неполноты, ограниченности, односторонности» [3, с. 15–16].

Уэсли Хофельд как представитель аналитической философии права США. Примечательно, что основы постклассического мышления и постклассической картины мира впервые были заложены именно в англо-американской философской, в частности философско-правовой, традиции, что ярко характеризует социокультурные особенности и цивилизационное своеобразие последней. Уже в начале минувшего столетия, когда на Европейском континенте по-прежнему доминировали классические представления о познании с присущей им метафизической тягой к системосозиданию, наглядным примером чего стали великие философские учения Э. Гуссерля, Э. Кассирера, М. Хайдеггера и др., в англо-американской философии утвердилось антиметафизическая установка, нашедшая впоследствии наиболее полное выражение в концепции языковых игр позднего Л. Витгенштейна.

Одновременно происходит переход к постклассике и в англо-американской философско-правовой традиции, тесно связанной начиная с 30–40-х годов XX века с различными версиями аналитической юриспруденции (в том числе с правовым реализмом Р. Паунда, К.Н. Ллевелина и др.). Вместе с тем аналитическая философия права США, будучи весьма неоднородной по своему содержанию, не сводится исключительно к концепциям правового реализма, но охватывает широкий спектр позиций, представлявших различные идейные традиции, нередко противоречившие друг другу в момент своего возникновения. Соответственно социокультурный смысл аналитической философии права, заключаясь в сближении данных позиций, создавал предпосылки для их взаимодействия и взаимовлияния.

Одним из примеров подобного влияния служит судьба научного наследия У. Хофельда (1879–1918), вызывающего неоднозначное к себе отношение —

от активного неприятия современниками до широкого признания потомками, благодаря которому одна из немногих прижизненно опубликованных работ Хофельда «Основные юридические понятия» [4] стала едва ли не наиболее активно цитируемой в англоязычной философско-правовой традиции [5, с. 190]. Справедливости ради следует, однако, отметить, что и в позднейшей литературе встречаются, хотя и беглые, но весьма скептические оценки релевантности хофельдовских идей, обусловленные не только затруднительностью восприятия авторского дискурса, но и особенностями самой концепции Хофельда, в значительной степени развивающей традиции гегельянской, а еще более аристотелевской философии права в трудновосприимчивом с ними идейном контексте американской аналитической юриспруденции.

Так, по словам Т. Бетелла, «будучи добросовестным гегельянцем, Хофельд верил, что у всего есть своя “противоположность” или соотносительное понятие, а потому, рассуждал он, право одного человека — это обязанность другого и т. п. Его специфическая терминология и зеркальный лабиринт соотносительных понятий и противоположностей просветили одних и запутали других, так что без поддержки АИП (т. е. Американского института права, — *H.P.*) все его построения, вероятно, быстро забылись бы, как и другие гегельянские построения» [6, с. 35]. Приведенная цитата, грешащая, как и многие другие суждения данного автора [7], известной публицистической бойкостью и поверхностностью, заслуживает внимания сразу по нескольким причинам.

Во-первых, терминология Хофельда, кажущаяся автору «специфичной» (*special*) до такой степени, что вызвала у него вольные или невольные ассоциации с философско-правовыми построениями Г.В. Гегеля, является вполне

«нормальной» и даже естественной для развиваемого в континентальной Европе и особенно в России общего учения о правоотношении, определяемом как правовая связь двух или нескольких лиц, в которой субъективному праву одной стороны корреспондирует обязанность другой стороны [8, с. 82 и сл.]. Для англо-американской правовой (в том числе доктринальной и философско-правовой) традиции, ориентированной в большей степени на интерпретацию фактической составляющей правового порядка, а также его нормативных оснований, подобный подход, действительно, казался весьма непривычным и явно противоречащим основополагающим принципам аналитической юриспруденции, в той или иной степени разделяемым также и Хофельдом.

Нет ничего удивительного в том, что у ряда представителей аналитической юриспруденции в США этот подход вызывал сдержанную, а порой резко критическую реакцию. Известны, в частности, замечания, высказанные в адрес хофельдовской доктрины Р. Паундом, возражавшим против догматизма и недостаточного внимания к социологическим основаниям права, присущего формально-логическим дихотомиям элементов правоотношений, разработанным У. Хофельдом, хотя в огромном пятитомном сочинении Р. Паунда имя Хофельда упоминается всего лишь несколько раз в разделе, посвященном праву собственности [9, р. 126 – 127].

Во-вторых, воспринятая Паундом, Бетеллом и некоторыми другими как «покушение на устои» доктрина права собственности (*property law*), развиваемая Хофельдом, отнюдь не имела своей целью проблематизацию данного права, вопреки категоричному утверждению, будто академические круги помнят У. Хофельда исключительно «как просвещенного предтечу современного скептического отношения к собствен-

ности» [6, с. 36]. Основные усилия Хофельда были направлены на то, чтобы сблизить англо-американское *property law* как «пучка правомочий», посредством которых субъект осуществляет хозяйственное господство над объектом, с континентальной трактовкой права собственности как возможности управомоченного лица требовать от неограниченного круга обязанных лиц воздерживаться от совершения действий, препятствующих осуществлению этого господства.

Методологические особенности философско-правовой доктрины У. Хофельда. Право собственности, равно как и любое иное субъективное право, рассматривалось Хофельдом не как юридическая и фактическая возможность лица совершать те или иные действия с объектом, но как возможность требовать известного поведения от других лиц. При этом У. Хофельд вполне отдавал себе отчет в многообразии субъективных прав и потому полагал, что «попытки их формального определения всегда неудовлетворительны, если не бесполезны в целом. Соответственно самая многообещающая линия поведения состоит, видимо, в демонстрации всех различных отношений в схеме “противоположностей” и “коррелятов”, а затем в иллюстрации их индивидуальных свойств и применении в конкретных случаях» [10, с. 211]. Как видно из приведенной цитаты, хофельдовский метод исследования феноменов правовой реальности характеризуется двумя важными особенностями.

Первая из них состоит в формировании дескриптивной сети, «ячейки» которой образуются посредством логической классификации описываемых явлений, основанной на принципе *per genus proximum et differentiam specificum*, восходящем к формальной логике Аристотеля [11, с. 54 – 55]. При этом обращает на себя внимание и вторая особен-

ность, состоящая в том, что собственно родовые понятия, обладающие наиболее широким экстенционалом (такие как правоотношение, субъективное право, обязанность и т. п.), не становятся предметом непосредственного рассмотрения в работе Хофельда. По его мнению, чем более широким объемом обладает то или иное понятие, тем более бедным является его содержание, а потому любой род целиком и полностью сводится к видовым отличиям, характеризующим его исчерпывающим образом. Подобный подход перекликается с позицией римских юристов, избегавших давать общие определения понятий на том основании, что, «в цивильном праве всякое [общее] определение опасно, ведь недостаточно того, чтобы его нельзя было бы опровергнуть»¹.

Данная установка была обусловлена взаимопроникновением, смысловой когерентностью элементов правопорядка античного Рима, связанными с их синкретическим единством и целостностью, позволявшими формулировать определения указанных элементов лишь с большой долей условности, возрастающей по мере абстрагирования от эмпирического материала. Общая формулировка данного тезиса принадлежит именно Аристотелю, который утверждал, что не родовая принадлежность (имеющая, как правило, нулевой интенционал), а именно видовые различия выражают в себе сущность любого явления. По словам Стагирита (Arist. Metaph. III. 3, 998b 5–10), «роды не начала вещей. Но поскольку мы каждую вещь познаем через определения, а начала определений — это роды, необходимо, чтобы роды были началами и определяемого; и если приобрести знание вещей — значит приобрести знание для видов, сообразно с которыми вещи получают свои названия,

то роды во всяком случае начала для видов» [12, с. 107].

Таким образом, родо-видовая систематика, выстраиваемая Аристотелем, имеет иерархический характер, причем каждая последующая ступень в иерархии, будучи родовой характеристикой для категорий низшего порядка, сама выступает видовым признаком категории более высокого уровня. Движение вверх по этой иерархической понятийной лестнице приводит к семантическому исчерпанию понятий, нарастающему по мере восхождения к роду наивысшего уровня, о котором можно утверждать лишь то, что такое родовое понятие содержательно складывается из множества разнопорядковых видовых различий. Одновременно с этим Аристотель полагает, что определения выступают исходным началом познания вещей (индивидов), лишенных собственного бытия, раскрываемого через их видовые качества и свойства, что изначально предопределило критическое восприятие учения древнегреческого философа в контексте англо-американской философии права, ориентированной на эмпирическое описание конкретных феноменов.

Вот почему заслуга и одновременно идейное новаторство У. Хофельда состояли не просто в том, что он последовательно пытался привнести аристотелевский категориальный аппарат в американскую правовую доктрину, но в том, что, сделав эти категории доступными восприятию американскими юристами, Хофельд создал условия для взаимовлияния, взаимопроникновения и тем самым для последующего синтеза континентальной и англо-американской традиций философии права. При этом сам он, насколько можно судить, никогда не стремился встроить свои идеи в духовный контекст европейского аристотелизма, до конца сохраняя связь с американской культурной и правовой

¹ Iav. 11 epist., D. 50. 17. 202: *Omnis definitio in iure civili periculosa est: parum est enim, ut non subvertit posset.*

ментальностью: не случайно на страницах «Основных юридических понятий» мы не находим ни одного упоминания имени Аристотеля.

«Логический квадрат» и его модификация в учении Хофельда о субъективных правах и обязанностях. Тем не менее имеются основания полагать, что идеи Аристотеля и восходящее к ним богатое интеллектуальное наследие, включающее в себя, помимо прочего, работы римских юристов, а также западноевропейских глоссаторов и постглоссаторов, оказали ощутимое воздействие на доктрину У. Хофельда. Одним из подтверждений сказанного служит разработанная им логическая систематика субъективных прав и обязанностей, собственно исчерпывающая родовое понятие «правоотношения» в качестве его видовых признаков. На мой взгляд, это было связано с тем, что и само правоотношение, по мнению Хофельда, следует рассматривать не как связь субъектов в социологическом смысле, но исключительно как связь субъективных прав и обязанностей, по сути, их логический и формально-юридический коррелят. То есть, по мнению американского теоретика, правоотношения как компоненты правовой реальности занимают в ней особое место, имея не фактический, а сугубо ментальный характер [10, с. 225].

В отличие от многих других юристов, в том числе американских (полемика с которыми содержится на страницах «Основных юридических понятий»), полагающих, что субъективные права возникают лишь в рамках гражданских правоотношений, и на этом основании отличающих их от публично-правовых, Хофельд, вслед за Аристотелем, рассматривал субъективные гражданские права и публичные полномочия в качестве различных видов общего родового понятия, видя свою задачу в выявлении соотношения между указанными категориями [10, с. 227]. С этой целью он строит

серию бинарных оппозиций, элементами которых являются понятия: «право» (*right*), «неправомочие», или отсутствие права (*no-right*), «привилегия» (*privilege*), «обязанность» (*duty*), «власть» (*power*), «неполномочие», или отсутствие власти (*disability*), «иммунитет» (*immunity*) и «ответственность» (*liability*).

Нетрудно заметить, что указанные понятия связаны между собой отношениями контрадикторности, что позволяет рассматривать их в виде модифицированного логического квадрата, впервые, как известно, использованного в пропозициональной логике Аристотеля [13, с. 96–98]. Одновременно те же понятия Хофельд рассматривает в контексте «корреляций», т. е. контрарных конъюнкций, каковыми будут являться пары: «право» / «обязанность», «привилегия» / «неправомочие», «власть» / «ответственность» и «иммунитет» / «неполномочие» [10, с. 212]. Нетривиальность логического квадрата Хофельда состоит в том, что, включая в себя большее число категорий, чем требует классическая логика Аристотеля, и охватывая более сложные соотношения между ними, он представляет собой разновидность так называемых «логических би-симплексов», ставших предметами исследования лишь гораздо позднее, когда благодаря развитию неклассической логики и семиотики был пролит свет на знаково-символическую природу высказываний, в том числе высказываний юридических [14; 15; 16].

Пионером этих исследований с достаточным на то основанием можно считать У. Хофельда, первым из американских юристов эксплицировавшего представление о правовой реальности как семиотическом конструкте, причем не будет преувеличением утверждать, что истоки данного представления также коренятся в философии Аристотеля. Как известно, важная идея аристотелевской этики и философии права состоит в существова-

нии двух видов справедливости, а именно уравнивающей и распределяющей. По мнению Аристотеля, уравнивающая справедливость состоит в равномерном распределении благ и их взаимном обмене, исходя из их имущественной стоимости. Соответственно уравнивающая справедливость реализуется в гражданском (частном) праве и лежит в основе отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

В отличие от уравнивающей, распределяющей справедливость состоит в предоставлении общественных благ исходя из достоинств субъекта и его заслуг перед обществом. Предметами распределяющей справедливости являются награды, должности, власть и т. п., иными словами, распределяющая справедливость, по мысли Аристотеля, реализуется в публично-правовой сфере, в сфере политического властвования [17, с. 149–150]. Учитывая принципиально различные предметы применения уравнивающей и распределяющей справедливости, они будут иметь диаметрально противоположные регулятивные принципы и, соответственно, оперировать различными категориями, на что обращали внимание Аристотель и римские юристы.

Однако в англо-американской правовой традиции, где, как известно, отсутствовал дуализм частного и публичного права, указанная дихотомия не могла быть последовательно реализована, в том числе на терминологическом уровне, и Хофельду, равно как и другим его соотечественникам, приходилось рассматривать эти понятия в их семантическом, логическом и формально-юридическом единстве. Как следствие, ученым была предпринята попытка совместить две логически автономные системы категорий в рамках единого терминологического аппарата, приведшая к радикальной

трансформации основных конструкций пропозициональной логики Аристотеля, в частности «логического квадрата», и последующему их переосмыслению в духе неклассической логики.

Заключение. Из всего ранее сказанного следует вывод о том, что концепция Хофельда, став одной из первых и наиболее последовательных попыток привнести аристотелевскую традицию в философию права США, открыла многообещающие перспективы для сближения и последующего синтеза основных идей континентально-европейской и англо-американской юриспруденции. Не будет преувеличением утверждать, что «Основные юридические понятия» радикально преобразили американский юридический дискурс, создав предпосылки для переосмысления его постулатов в духе постклассической рациональности, в начале XX века формирующейся и на европейском континенте, особенно в России, которой, по многим причинам, принадлежит безусловный исторический приоритет [18, с. 112–134].

Представляется особенно примечательным, что в настоящее время хофельдовская доктрина приобрела поистине интернациональное значение, привлекая к себе повышенное внимание юристов в континентальной Европе, а также в нашей стране. По словам А.А. Гайдамакина, «простая и ясная модель правоотношений, построенная Хофельдом, легла в основу многих исследований, проводимых в странах континентальной Европы» [5, с. 190]. Таким образом, идеи Уэсли Хофельда стали важным фактором развития не только правовой, но и межкультурной коммуникации (опосредствованно повлияв в том числе на концепцию «языковых игр» позднего Витгенштейна), а потому заслуживают дальнейшего углубленного изучения.

Список источников

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
2. Хренов Н.А. Эстетика и культура: культурологическая интерпретация эстетических трансформаций в XX веке // *Studia culturae*. 2023. № 58. С. 167 – 131.
3. Честнов И.Л. Постклассическая философия права в эпоху постметафизики // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций / под ред. Д.А. Пашенцева, А.А. Дорской. Москва ; Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 12 – 29.
4. Hohfeld W.N. Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning // *Yale Law Journal*. 1913. Vol. 23. P. 16 – 59.
5. Гайдамакин А.А. Уэсли Хофельд и аналитическая юриспруденция // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 3. С. 189 – 202.
6. Бетелл Т. Собственность и процветание. Москва : ИРИСЭН, 2008. 480 с.
7. Bethell Th. Darwin's Mistake // *Harper's Magazine*. 1976. Vol. 252. № 1509. P. 70 – 75.
8. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. Москва : Юрид. лит., 1982. 360 с.
9. Pound R. Jurisprudence. Vol. V. The System of Law. Index. St. Paul: West Publishing Co., 1959. 776 p.
10. Хофельд У.Н. Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 3. С. 203 – 227.
11. Аристотель. Категории // Сочинения. В 4 т. Т. 2. Москва : Мысль, 1978. С. 52 – 90. (Филосовское наследие).
12. Аристотель. Метафизика // Сочинения. В 4 т. Т. 1. Москва : Мысль, 1976. С. 64 – 367. (Филосовское наследие).
13. Аристотель. Об истолковании // Сочинения. В 4 т. Т. 2. Москва : Мысль, 1978. С. 92 – 116. (Филосовское наследие).
14. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. : пер. с англ., фр., нем., чеш., польск., и болг. яз. / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полянова. Москва : Прогресс, 1975. С. 114 – 163.
15. Греймас А.Ж. Структурная семантика. Поиск метода. Москва : Академический Проект, 2004. 368 с.
16. Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационно-связи. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1993. 388 с.
17. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения. В 4 т. Т. 4. Москва : Мысль, 1983. 800 с. (Филосовское наследие).
18. Лисанюк Е.Н. У. Хофельд и Л. Петражицкий о нормативных отношениях и нормах // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 1. С. 112 – 134.

Информация об авторе

Н.В. Разуваев – заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N.V. Razuvaev – Head at the Department of civil and labor law of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 34

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Илья Львович ЧЕСТНОВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, ichestnov@gmail.com*

Аннотация. Автор статьи показывает перспективы развития идей выдающегося теоретика права начала XX века Л.И. Петражицкого. Востребованность идей Петражицкого сегодня обусловлена изменениями, происходящими в мире, и поиском новых типов правопонимания. Наиболее важным в творческом наследии Петражицкого, по мысли автора, является включение психологии в мир права, что позволяет глубже и адекватнее представить его многомерность. В то же время изменения в науке, прежде всего в когнитологии, которые происходят в конце XX — начале XXI века, предполагают его вписание в новый контекст. Наиболее перспективным в этой связи представляется дополнение идей Петражицкого критическим дискурс-анализом.

Ключевые слова: Л.И. Петражицкий, постклассическая юриспруденция, критический дискурс-анализ

Для цитирования: Честнов И.Л. Перспективы развития идей Л.И. Петражицкого в пост-классической юриспруденции // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 167 – 173.

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF L.I. PETRAZHITSKY'S IDEAS IN POST-CLASSICAL JURISPRUDENCE

Ilya L. CHESTNOV

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, ichestnov@gmail.com*

Abstract. This article explores the prospects for the development of the ideas of the eminent legal theorist of the early 20th century, L.I. Petrazhitzky. The contemporary relevance of Petrazhitzky's ideas is driven by ongoing global changes and the search for new approaches to legal understanding. According to the author, the most significant aspect of Petrazhitzky's legacy is his incorporation of the psyche into the realm of law, which allows for a deeper and more adequate representation of its multidimensional nature. Simultaneously, developments in science, particularly in cognitive science, occurring at the turn of the 21st century, suggest the need to integrate his ideas within a new context. In this regard, the most promising avenue appears to be supplementing Petrazhitzky's concepts with critical discourse analysis.

Keywords: L.I. Petrazhitzky, post-classical jurisprudence, critical discourse analysis

Для цитирования: Chestnov I.L. Prospects for the development of L.I. Petrazhitzky's ideas in post-classical jurisprudence. Criminalist. 2026;2(55):167-173. (In Russ.).

На протяжении последних лет двадцати пяти, как минимум, в нашей стране, а также за рубежом, прежде всего в Польше и Италии, наблюдается своеобразный ренессанс творческого наследия Л.И. Петражицкого. Об этом свидетельствуют конференции, проводимые в честь выдающегося теоретика права, публикации (переиздания) его работ, в том числе ранее не известных отечественному научному сообществу [1], выносимые на защиту диссертации, посвященные его творчеству (в этой связи необходимо отметить, в частности, докторскую диссертацию Е.В. Тимошиной) [2]. Почему Петражицкий оказался востребованным сегодня? Ответ очевиден: его идеи очень хорошо вписываются в основную веху времени: поиск новых подходов. Практически всем очевидны изменения, происходящие в современном глобализирующемся, постиндустриальном социуме; однако необходимость изменений в праве не всеми принимается, а предлагаемые новые подходы и вовсе вызывают отторжение среди некоторых представителей нашего юридического сообщества (О.В. Мартышин, В.М. Сырых и др.). Полагаю, что новая концепция права жизненно необходима, так как право должно быть адекватно социокультурным реалиям общества пост-постмодерна. Это не отрицает важность сохранения классической теории права (и юриспруденции), но говорит о том, что сложность и неопределенность постсовременного мира не может быть объяснена юридической научной теорией, сложившейся в XIX в. Да, конечно, простые дела (а их подавляющее большинство в современной юридической практике) и сегодня хорошо разрешаются традиционными юридическими средствами. Тем не менее нельзя не признать, что новые общественные отношения, новая социокультурная реальность, важным аспектом которой является правовая, требуют новых идей

и выработки новых норм права. И в этом может оказать неоценимую помощь развитие новаторских идей Петражицкого.

Заслуга Петражицкого заключается, в первую очередь, во включении психологии в мир права, в обнаружении другой (по сравнению с «объективной» составляющей) его стороны. Право не может быть сведено только к законодательству, а теория права (шире — юриспруденция) — к анализу и истолкованию законов. Иначе невозможно объяснить, почему одни и те же или близкие правовые институты по-разному работают (применяются на практике) в тех правовых системах (так называемых «незападных»), в которые они имплементируются. Более того, как считал Петражицкий (это доказывают исследования Е.В. Тимошиной), право не может быть редуцировано к определенной совокупности внешних проявлений [3, с. 171]. В этом, полагаю, проявляется ситуативная контекстуальность права или социокультурная и историческая обусловленность, а также его человекомерность. Система права включает не только мир должного, как утверждал Г. Кельзен, но и мир сущего, а он образуется психическими явлениями и процессами. Право существует через человека (или благодаря, или вместе с человеком), через его действия по конструированию мира права и его воспроизведению практиками (ментальными и поведенческими). Все внешние аспекты бытия (бытия — события, как выражался М.М. Бахтин) права, включая нормативную и поведенческую составляющие, опосредованы ментальными, психическими феноменами. Понять, как именно психика участвует (или включена) в воспроизводстве правовой реальности, помогает обращение к трудам Петражицкого. Об этом же пишет А.В. Поляков: «Петражицкому удалось выявить и обосновать необходимую связь между правом и человеческой личностью.

Право в этом постклассическом ракурсе предстает не как внешняя человеку и не зависящая от него реальность, а как реальность „очеловеченная“. Право создается (конструируется) и воспринимается человеком благодаря специфическим возможностям человеческого сознания» [4, с. 144 – 155].

В своей докторской диссертации Е.В. Тимошина обоснованно утверждает, что идеи Петражицкого стали предтечей постклассического правопонимания, если не проводить строгого различия между неклассическим и постклассическим подходами к осмыслению права. Для постклассического правопонимания характерны человекомерность, конституированность, текстуальность, смысло-содержательность, процессуальность и существование через интерпретационные дискурсивные практики субъектов. Теоретико-правовое знание интерпретируется ею как обладающее свойствами контекстуальности, историчности, вариативности и принципиальной незавершенности. Теория права тем самым рассматривается уже не как возвещающее истину о праве абстрактное знание, но прежде всего как инструмент выбора решения в проблемной юридической ситуации. Все это связывается с исходными мировоззренческими и философскими постулатами Л.И. Петражицкого, что дает основание Е.В. Тимошиной считать его родоначальником неклассического стиля юридического мышления.

В то же время неклассическая психологическая теория права скорее ставит вопросы, чем их решает, в частности: как именно человек воспринимает социальную (и правовую) реальность (попутно — существует ли таковая вне восприятия человека)? как происходит наделение некоторых социальных явлений и процессов юридическим значением (как социальный факт становится юридическим)? как осуществляется процесс интериоризации социальных

значений в личностный смысл и мотивацию или, по Л.С. Выготскому, как возможна взаимодополнительность интерсубъективного интрасубъективным (как возможен переход от индивидуальной психики к социальной — к общезначимому: как возможно общее понятие права как идеи класса переживаний)? [3, с. 251] и т. д. С момента появления неклассических идей Петражицкого прошло много времени, когнитивная наука (развитие которой идет в сторону междисциплинарности) не стояла на месте, появились новые подходы, которые можно отнести к постклассическим и которые более адекватно характеризуют право как социо-культурно-психический феномен. Речь идет о конструктивистской психологии К. Джерджена, теории психических прецедентов Дж. Лакоффа, дискурс-анализе в его критической версии Т. ван Дейка, теории социальных представлений С. Московичи, психолингвистике А.А. Леонтьева.

Что нового привносит постклассический подход (постструктурализм, конструктивистская психология, критический дискурс-анализ и другие его направления) в исследование права? [5] Социальный мир (и мир права) — это не только люди, их действия, предметы, но и значения и смыслы, которые приписываются (конструируются) людям, их действиям, самим себе, предметам, миру. Именно анализ значений и смыслов, которыми опосредуется внешняя («объективная») сторона правовой реальности, и отличает не- или постклассический подход в юриспруденции. Кто и как формирует социальные представления — значения, которые квалифицируются как юридические, как они осмысляются, интериоризируясь в индивидуальном правосознании, как мотивируют человека на совершение юридически значимого поведения (которому социально значимый Другой приписывает именно юридическое значение) —

вот проблемы, которые остались нам в наследство после Петражицкого и без ответа на которые невозможна адекватно фундированная юридическая наука.

Наиболее убедительным подходом, описывающим социо-культурно-психические процессы (социальность не может быть отделена от культуры и от психического: эти аспекты, или стороны, человеческого бытия не существуют отдельно друг от друга), который перспективно (эвристически ценно) использовать в юриспруденции (и уже используется), является дискурс-анализ. Будучи развитием лингвистического поворота в социо-гуманитарном знании, он акцентирует внимание на знаковом содержании мышления и поведения человека.

Дискурс-анализ — это изучение текста в его прагматико-функциональном измерении (а не идеи Ж.-Ж. Руссо, как ничтоже сумняшеся полагал О.В. Мартышин). Дискурс конструирует социальный мир, сам при этом являясь результатом предшествующих дискурсивных практик. Р. Вудак считает, что дискурс как социальная практика предполагает диалектическую взаимосвязь между определенным дискурсивным событием, ситуацией и институтом, социальной структурой. Структура обуславливает, можно сказать детерминирует, дискурсивное событие, но, в свою очередь, дискурсивное событие формирует и воспроизводит структуру. Таким образом, дискурс социально конституирован, и одновременно он конституирует ситуации, объекты знания, социальные идентичности людей, групп и их взаимоотношения. Одновременно он конституирует, т. е. поддерживает и воспроизводит социальный статус-кво и в то же время способствует его трансформации [6, р. 15]. Все это свидетельствует о том, что дискурс-анализ позволяет более точно и адекватно эксплицировать механизм конструирования и воспроизводства социальной (и правовой)

реальности. Делиберативная теория Ю. Хабермаса или концепция правовой аргументации как дискурсивной практики Р. Алекси наглядно демонстрируют перспективность использования дискурс-анализа в юриспруденции. Однако в этих работах, ставших классическими, не учитывается роль манипулирующей власти-знания или идеологии, а также новых «мягких» технологий властвования в процессе общественной делиберации, благодаря которой вырабатываются нормы, претендующие на то, чтобы быть общезначимыми. Это как раз и стремится преодолеть критический дискурс-анализ. Собственно говоря, дискурс-анализ в его постклассической версии критического дискурс-анализа как раз направлен на выявление механизмов власти и гегемонии в социальных практиках с помощью анализа текстов и использования языка. Так, Р. Вудак выделяет следующие принципы критического дискурс-анализа: 1) критический дискурс-анализ — это всегда анализ лингвистической (или языковой) составляющей социальных и культурных процессов, которые не существуют вне знакового (языкового) опосредования; 2) проговаривание любой фразы — это всегда власть над контрсубъектом, который воспринимает фразу; ответ контрсубъекта являет его власть над слушающим его; 3) общество и культура диалектически, имманентно связаны с дискурсом: они формируются дискурсом и в то же время конституируют дискурс. Каждый случай применения языка воспроизводит или трансформирует общество и культуру, включая отношения власти; 4) использование языка всегда может быть и по сути является идеологическим. Для того чтобы определить идеологическую составляющую дискурса, необходимо проанализировать генезис текста, исследовать то, как он интерпретируется, воспринимается и, что принципиально важно, какое социальное влияние оказы-

вает; 5) дискурсы всегда историчны, их можно рассматривать только в историческом контексте; 6) связь между текстом и обществом является не прямой, а сложно опосредованной социо-когнитивными механизмами; 7) критический дискурс-анализ подразумевает системную методологию, т. е. связь между текстом и его социальными условиями, идеологиями и отношениями власти. Интерпретации всегда динамичны и открыты для новых контекстов и новой информации; 8) дискурс — это форма социального поведения [6, р. 17–20].

Критический дискурс-анализ как методологическая программа (хотя, по заявлению Т. ван Дейка, «не существует “одного” дискурс-анализа как некоего метода» [7, с. 19]), которую можно использовать в юриспруденции, представленная, например, исследованиями Н. Фэркло, предполагает, во-первых, анализ дискурсивной юридической практики, т. е. связи текста (в нашем случае — текста права) и правовой практики. Тем самым критический дискурс-анализ направлен на выявление того, как именно юридическая практика производит и интерпретирует текст. Богатый материал такого рода практик содержат исследования школы критических правовых исследований США, которые наглядно продемонстрировали, что фактически законодателем в англосаксонском мире сегодня является судебная власть, так как интерпретация законов (включая судебные прецеденты) судьями определяет их содержание и перспективы практической реализации. Во-вторых, утверждается важность проведения интердискурсивного анализа исследуемого юридически значимого текста, т. е. его когерентности — его включенности в систему других текстов, жанров и практик. В-третьих, критический дискурс-анализ направлен на те исследования дискурсивных событий, образующих юридическую практику, в которых проявляются

отношения текста и власти, текста и идеологии [8, р. 23].

Эти идеи активно развивает в нашей стране известный и оригинальный специалист в области уголовного процесса А.С. Александров. По его мнению, «“реальное право” есть результат речевого взаимодействия; это эффект дискурса, т. е. психо-лингвистический феномен, который существует в психике говорящего и слушающего. Психо-лингвистический феномен права неотделим от языка-речи в смысле совокупности возможных контекстов интерпретации текста закона. Интерпретация, понимание, доказывание в суде по своей природе риторичны; задействуют фигуративный строй языка, а также идеологию. <...> В области уголовного судопроизводства нет иной реальности, кроме текстовой. Поэтому следует говорить о языке уголовного судопроизводства вместо „права“, понимаемого, как устойчивая система нормативно-тождественных форм, с раз и навсегда вложенным в них содержанием — системой правовых норм. Язык уголовного судопроизводства „права“ говорит в контексте конкретного речевого взаимодействия и порождает „право-тут“. Оно воплощено в судебной истине, которая, таким образом, — вся в словах. Язык заставляет речеделятелей проговаривать „истину“, признаваемую таковой слушателями — аудиторией. В отсутствие языка, речи сама постановка вопроса об истине невозможна. <...> Судебная истина — это то, что принимают за истину говорящие на данном языке; она обусловлена состоянием речевого знания в данную эпоху. Судебная истина есть одно из средств, употребляемых властью для упорядочивания общественных — речевых отношений. Само уголовно-процессуальное право, упорядочивающее судебную речь, выработалось в ходе развития речеделятельности в обществе. Полагаем, социальность имеет языковую природу.

Нормативность производна от грамматичности, истинность — от риторичности» [9, с. 16].

Перспективную версию «практического юридического дискурса (юридической дискурсивной практики)» в рамках антропологической концепции права предлагает В.И. Павлов. Юридическую дискурсивную практику он определяет как «совокупность языковых практик и внешних к ней проявлений — практик языка юридической рациональности для понимания текста и связанного с ним значимого поведения правового деятеля, формирующих представление о правовой реальности и определяющего способы работы с ней» [10, с. 341]. «Юридическая дискурсивная практика... это в первую очередь опыт правового деятеля по реальному становлению и процессу создания нормативного пространства правовой регламентации при разрешении конкретной юридически значимой ситуации» [10, с. 343].

Все это наглядно свидетельствует о том, что постклассическое правопонимание предполагает, в том числе на уровне приземленной практичности, анализ того, как действует и мыслит (одно неотделимо от другого!) человек — носитель статуса субъекта права. Для прояснения этого сложнейшего вопроса уместна «прививка» психологической социологии Петражицкого (так квалифицирует концепцию Петражицкого Е.В. Тимошина) к социальной фе-

номенологии и дискурс-анализу, теории прототипов Дж. Лакоффа: акцент на повседневности, в которой реализуется номинация, категоризация, классификация и квалификация социального мира (или аскрипция, по терминологии Г. Харта, — приписывание некоторым социальным явлениям и процессам юридического значения). Одновременно это предполагает анализ роли стереотипов восприятия права, «прецедентности» юридического мышления, как профессионального, так и обыденного, использования правовых образов (юридические фреймы, или скрипты, типизаций).

Изучение ментальной, психической составляющей права, того, как люди воспринимают себя, окружающих, взаимодействия, превращая их в юридически значимые события, невозможно без привлечения знаний из современной («постсовременной») когнитивной науки, прежде всего психолингвистики, психосемантики, понимающей социологии, из междисциплинарных подходов к анализу человеческой психики, в связи с поведением человека.

Полагаю, что вышеизложенное дает основание заключить, что постклассический подход, развивающий оригинальные неклассические идеи Л.И. Петражицкого, — наиболее эвристически ценное направление в современной юриспруденции, нуждающееся в дальнейших разработках.

Список источников

1. Петражицкий Л.И. Теория и политика права : избранные труды / науч. ред. Е.В. Тимошина. Санкт-Петербург : Унив. изд. консорциум «Юридическая книга», 2010. 1031, [1] с.
2. Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... д-ра юрид. наук / Тимошина Елена Владимировна. Москва, 2013. 556 с.
3. Тимошина Е.В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л.И. Петражицкого. Москва : Юрлитинформ, 2012. 296 с.
4. Поляков А.В. Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 5. С. 144 — 155.

5. Честнов И.Л. Перспективы постклассических исследований права // Постклассические исследования права: перспективы научно-исследовательской программы : коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. С. 19 – 28.
6. Wodak R. Disorders of Discourse. London, Longman, 1996. 200 p.
7. Ван Дейк Т. Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
8. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. London, Routledge, 1995. 268 p.
9. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Нижний Новгород : Нижегород. правовая акад., 2003. 420 с.
10. Павлов В.И. Антропологическая концепция права в современном фундаментальном правоведении: теоретико-методологическое содержание и инструментальное значение : монография. Минск : Академия МВД, 2025. 622 с.

Информация об авторе

И.Л. Честнов – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

I.L. Chestnov – Professor at the Department of theory and history of state and law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.16

КАНЦЕЛЯРИЯ ПРОКУРОРА МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИЙ

Виталий Алексеевич МАКСИМОВ¹, Ксения Александровна ТАРАСЕВИЧ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ maximovva@mail.ru

² 89219505168lgu@gmail.com

Аннотация. В статье авторы комплексно исследовали правовые основы деятельности прокурора, а также Канцелярии прокурора Международного уголовного суда (далее — МУС). Основываясь на детальном исследовании международных актов и внутриорганизационных документов МУС, авторы, установив двойственность значения используемого понятия «прокурор», определяют место Канцелярии прокурора в структуре МУС и его ключевые функции. Особое внимание в работе уделяется детальному описанию внутренней структуры Канцелярии прокурора МУС, анализу принципов ее деятельности, а также критериям отбора дел с учетом приоритетности.

Ключевые слова: Международный уголовный суд (МУС), Канцелярия прокурора, прокурор, правовой статус, структура Канцелярии прокурора, Римский статут, международные преступления, стратегия развития прокурорской деятельности

Для цитирования: Максимов В.А., Тарасевич К.А. Канцелярия прокурора Международного уголовного суда: институционально-правовой анализ структуры и функций // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 174 – 182.

Original article

THE OFFICE OF THE PROSECUTOR OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT: AN INSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS OF STRUCTURE AND FUNCTIONS

Vitaly A. MAKSIMOV¹, Ksenia A. TARASEVICH²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ maximovva@mail.ru

² 89219505168lgu@gmail.com

© Максимов В.А., Тарасевич К.А., 2026

Abstract. In article, the authors conducted a comprehensive examination of the legal foundations of the prosecutor's activity, as well as the Office of the Prosecutor of the International Criminal Court (hereinafter referred to as ICC). Based on a detailed study of international acts and the ICC's internal organizational documents, the authors, having established the ambiguous meaning of the term «prosecutor», define the position of the Office of the Prosecutor within the ICC structure and outline its core functions. Particular attention is paid to a detailed description of the internal structure of the Office of the Prosecutor of the ICC, analysis of the principles of its activity, as well as criteria for case selection based on priority.

Keywords: International Criminal Court (ICC), the Office of the Prosecutor, prosecutor, legal status, structure of the Office of the Prosecutor, Rome Statute, international crimes, prosecutorial development strategy

For citation: Maksimov V.A., Tarasevich K.A. The Office of the Prosecutor of the International Criminal Court: an institutional and legal analysis of structure and functions. *Criminalist*. 2026;2(55):174-182. (In Russ.).

Единственным постоянно действующим органом международной уголовной юстиции, установленным Римским статутом Международного уголовного суда (далее — Статут)¹, является Международный уголовный суд (далее — МУС, Суд), созданный с целью осуществления юрисдикции в отношении лиц, ответственных за международные преступления: агрессию, геноцид, военные преступления и преступления против человечности.

Бесспорно, борьба с международными преступлениями немыслима без эффективной работы специально созданного органа в составе Международного уголовного суда — Канцелярии прокурора. В соответствии с функциональными полномочиями и под непосредственным руководством прокурора МУС ею осуществляются расследование, поддержание обвинения и доказывание вины лиц, совершивших международные преступления.

Система органов прокуратуры или их аналогов существует в подавляющем

большинстве стран. И это неудивительно, ведь на прокуратуру возлагается ряд важных задач. Так, Парламентская ассамблея Совета Европы в Рекомендации № 1604 (Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Recommendation 1604 (2003). Role of the Public Prosecutor's Office in a Democratic Society Governed by the Rule of Law) подчеркивает важную роль прокуратуры в обеспечении безопасности и свободы посредством охраны верховенства закона, защиты от преступных посягательств против прав и свобод подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также надзора за надлежащим функционированием органов, ответственных за расследование преступлений и уголовное преследование. Несмотря на недружественный характер отношений с отдельными государствами, входящими в состав Европейского союза², и выраженное намерение Российской Федерации

¹ Римский статут Международного уголовного суда : принят в г. Риме 17 июля 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/crome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/crome_statute(r).pdf) (дата обращения: 10.04.2026).

² Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р : текст с изм. и доп. на 29 окт. 2022 г. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitalstva-rf-ot-05032022-n-430-r-ob-utverzhdenii/> (дата обращения: 10.04.2026).

не присоединяться к Римскому статуту¹, анализ данного правового опыта представляется целесообразным и заслуживающим внимания.

В Статуте, Правилах процедуры и доказывания (The Rules of Procedure and Evidence are reproduced from the Official Records of the Assembly of States Parties to the Rome Statute of the International Criminal Court, First session, New York, 3-10 September 2002), Регламенте МУС (Regulations of the Court), Регламенте Канцелярии прокурора МУС (Regulations of the Office of the Prosecutor of the International Criminal Court), Соглашении о привилегиях и иммунитетах МУС (The Agreement on the Privileges and Immunities of the International Criminal Court) и других внутриорганизационных документах МУС неоднократно упоминается о прокуроре. Так, в Статуте о прокуроре говорится в статьях 13–15, 18, 19, 34, 38, 41–49, 51–58, 60, 61, 65, 66, 68, 72, 76, 81–84, 93–95, 99, 100, 112; в Правилах процедуры и доказывания – в правилах 6, 8, 9–11, 17, 18, 23, 29, 30, 33–37, 41, 44–58, 61, 62, 67–69, 72–74, 76–83; 87–89, 91, 92, 96, 99, 100, 103–119, 121–129, 131, 132, 134, 136, 139–141, 143, 146, 147, 152, 165, 166, 169, 174, 176, 186, 191, 194, 206, 209, 210, 214, 224, 225; в Регламенте МУС – в положениях 1, 3–6, 24, 32, 38, 42, 45, 46, 48–50, 63, 86, 87, 101, 107, 117, 119, 121, 124; в Соглашении о привилегиях и иммунитетах МУС – в статьях 1, 15, 16, 26, 28, 29; Регламент Канцелярии прокурора посвящен исключительно ее деятельности во главе с прокурором МУС.

¹ О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда : Распоряжение Президента Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 361-рп // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102415199> (дата обращения: 10.04.2026).

В результате анализа вышеуказанных норм мы приходим к выводу, что понятие «прокурор» употребляется в двух значениях:

для обозначения должностного лица – Главный Прокурор МУС (например, пп. 2–9 ст. 42, ст. 45–49 Статута);

для обозначения заместителей и иных лиц, работающих в Канцелярии прокурора, в чьи полномочия входят уголовное преследование и поддержание обвинения в Суде (например, ст. 53–56, 61, 65, 66, 68, 72, 76, 81–84 Статута).

Правовой статус прокурора МУС не ограничивается процессуальными полномочиями в сфере уголовного преследования, а включает в себя полномочия, связанные с руководством Канцелярией прокурора, осуществлением сотрудничества (от собственного имени) с широким кругом лиц и др. Данный вывод о двойственности понятия «прокурор» следует учитывать при дальнейшем рассмотрении выбранной темы.

В целях определения места Канцелярии прокурора в системе органов МУС необходимо прежде всего кратко исследовать институционально-правовую структуру МУС. Так, в соответствии со ст. 34 Статута Суд состоит из Президиума, Секретариата, трех судебных отделений (Предварительного, Судебного и Апелляционного производства), Канцелярии прокурора.

Президиум МУС. В него входят: Председатель, первый и второй заместители, которые избираются из состава судей МУС абсолютным большинством голосов судей сроком на три года или до завершения срока их полномочий как судей в зависимости от того, какой из этих сроков наступит раньше. В том случае, когда член Президиума отсутствует или дисквалифицирован (отозван), его обязанности как члена Президиума в соответствии с п. 11 Регламента МУС выполняет другой свободный судья, имеющий право старшинства. Анало-

гичное правило применяется в случае отсутствия или дисквалификации (отзыва) Председателя, первого или второго заместителя Председателя. В этом случае функции Председателя осуществляются другим свободным судьей, имеющим право старшинства. Старшинство судей определяется согласно п. 10 Регламента МУС в соответствии с датой начала срока их полномочий. Если судья переизбирается на должность, то он сохраняет свое старшинство. В случаях, когда судьи вступили в должность в одно и то же время, их старшинство определяется по принципу старшинства по возрасту.

Президиум несет ответственность за выполнение:

- судебных функций;
- административных функций;
- внешних сношений.

Выполняя судебные функции, Президиум может назначать Палаты МУС. В отношении административных функций Президиум несет ответственность за управление делами МУС, за исключением вопросов, относящихся к компетенции Канцелярии прокурора. По тем вопросам, которые представляют взаимный интерес, Президиум координирует свою деятельность и заручается поддержкой прокурора МУС. К полномочиям Президиума МУС в сфере внешних сношений относятся поддержание от имени МУС отношений с государствами и другими субъектами.

Секретариат МУС. Секретариат как административный орган МУС [1, р. 402] отвечает за несудебные вопросы, не входящие в сферу компетенции Канцелярии прокурора. Деятельность Секретариата характеризуется нейтральностью, необходимой для обеспечения равноправного выполнения всех функций МУС. Секретариат возглавляет секретарь, который в соответствии с п. 2 ст. 43 Статута является главным административным должностным лицом Суда,

выполняет свои полномочия под руководством Председателя МУС [2, р. 29]. Секретарь избирается путем тайного голосования абсолютным большинством голосов судей МУС на основании рекомендации Ассамблеи государств-участников. Срок его полномочий — пять лет.

Секретарь МУС может иметь заместителя, избираемого на пятилетний или более короткий срок. Продолжительность срока полномочий может быть обусловлена необходимостью выполнения функций заместителя Секретаря по мере возникновения соответствующей потребности.

Отделения МУС. Функции судопроизводства МУС осуществляет в своих отделениях, из состава судей которых формируются палаты. В Суде действуют три отделения: Предварительного производства (Pre-Trial Division), Судебного производства (Trial Division) и Апелляционного производства (Appeals Division), в основу их образования положена стадийность производства по делу. В состав отделений МУС входят 18 судей. Назначение судей в каждое из отделений осуществляется с учетом специфики функций, возлагаемых на каждое отделение, а также квалификации и опыта избранных судей. Этот процесс направлен на формирование в каждом отделении оптимального сочетания специалистов в области уголовного права и процесса, а также международного права. Судьи избираются на заседании Ассамблеи государств-участников путем тайного голосования на девятилетний срок. Избранными в состав Суда считаются те кандидаты, которые получили наибольшее количество голосов и большинство, по крайней мере, в две трети, голосов государств-участников, присутствующих и участвующих в голосовании. Если достаточное количество судей не будет избрано в ходе первого тура голосования, то проводятся следу-

ющие туры для заполнения вакантных мест. В состав Суда не могут входить граждане одного и того же государства.

Канцелярия прокурора МУС. Данный орган, учитывая возложенные на него задачи, занимает ключевое место в системе Международного уголовного суда [3, р. 510; 4, р. 1; 5, р. 31]. Именно Канцелярия прокурора во главе с прокурором может запустить механизм уголовного преследования в МУС [6, р. 95]. В соответствии с п. 1 ст. 42 Статута на Канцелярию прокурора возложены три группы задач: получение и изучение любой информации о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию МУС, проведение расследования и поддержание обвинения в Суде.

Детального перечня полномочий Канцелярии прокурора как отдельного органа МУС не содержат ни Статут, ни Регламент Канцелярии прокурора. Такие полномочия представляется возможным выявить только путем обобщения полномочий его структурных органов.

Анализ Регламента Канцелярии прокурора МУС позволяет прийти к выводу, что Канцелярия прокурора имеет следующую организационную структуру: Исполнительный комитет и подразделения (отделы и секции).

Исполнительный комитет Канцелярии прокурора является ответственным за разработку и принятие стратегии, политики и бюджета, обеспечение стратегического руководства и координацию деятельности Канцелярии. В состав Исполнительного комитета входят прокурор и главы подразделений МУС.

Канцелярия прокурора состоит из трех отделов: отдела юрисдикции, координации и сотрудничества, следственного отдела и отдела уголовного преследования (обвинения), каждому из которых посвящено отдельное правило Регламента Канцелярии прокурора МУС.

Отдел юрисдикции, координации и сотрудничества (далее — ОЮКС) выпол-

няет три функции: 1) оценка и проверка информации о возможности проведения расследования; 2) проведение анализа и предоставление рекомендаций по вопросам юрисдикции; 3) предоставление рекомендаций по сотрудничеству.

1. Оценка и проверка информации о возможности проведения расследования. ОЮКС осуществляет предварительную проверку и оценку информации согласно ст. 15, п. 1 ст. 53 Статута и пр. 48 и 104 Правил процедуры и доказывания МУС. После проведения проверки ОЮКС готовит доклад и рекомендации для прокурора относительно того, существуют ли разумные основания для проведения расследования. Вместе с тем следует отметить, что представленный доклад не является окончательным. В случае изменения фактических обстоятельств и появления новых достаточных оснований заключение о необходимости проведения расследования, изложенное в докладе, подлежит пересмотру и дополнению [7, р. 370].

2. Анализ и предоставление рекомендаций по вопросам юрисдикции. ОЮКС осуществляет правовой анализ и дает рекомендации Исполнительному комитету по вопросам юрисдикции и допустимости на всех стадиях расследования и судебного рассмотрения дела.

3. Предоставление рекомендаций по сотрудничеству. В соответствии со ст. 86 Статута государства-участники осуществляют всестороннее сотрудничество с МУС по проведению им расследования преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, и уголовному преследованию. ОЮКС предоставляет правовые рекомендации Исполнительному комитету по сотрудничеству, координирует такое сотрудничество и передает запросы о сотрудничестве, сделанные Канцелярией прокурора в соответствии с положениями части 9 Статута. ОЮКС от имени прокурора МУС занимается разработкой проектов соглашений и догово-

воренностей, направленных на оптимизацию взаимодействия с государствами, межправительственными организациями и иными лицами. Кроме того, в его компетенцию входит координация сотрудничества и организация обмена информацией посредством электронных коммуникационных сетей.

На следственный отдел возлагается выполнение следующих задач: подготовка необходимых программ безопасности и политики защиты для обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей, сотрудников Канцелярии и лиц, подвергающихся опасности в связи с их взаимодействием с МУС; проведение следственной экспертизы; подготовка и согласование сфер деятельности сотрудников Канцелярии; установление обстоятельств преступления, анализ сведений и доказательств в поддержку предварительных следственных действий. Структуру отдела образуют следственные группы, в состав которых привлекаются консультанты с профессиональными знаниями в таких сферах, как военное дело, политика и экономика [8, с. 118].

Отдел уголовного преследования (обвинения) отвечает: за предоставление юридических консультаций по вопросам, возникающим в ходе расследования и потенциально влияющим на судебную перспективу дела; разработку стратегии судебного разбирательства для последующего утверждения Исполнительным комитетом и ее реализацию в палатах МУС; поддержание обвинения, в том числе в ходе судебного разбирательства в палатах МУС; координацию деятельности и поддержание взаимодействия с Секретариатом МУС по вопросам, относящимся к судебному рассмотрению дела.

Таким образом, можно констатировать, что деятельность каждого из отделов Канцелярии прокурора направлена на выполнение конкретной задачи, предусмотренной п. 1 ст. 42 Статута.

В структуру Канцелярии прокурора также входят две секции, работа которых носит вспомогательный характер и направлена на выполнение основных задач. Компетенция обслуживающей секции определяется п. 10 Регламента Канцелярии прокурора МУС и включает в себя: подготовку бюджетной документации Канцелярии прокурора; консультирование по вопросам контроля за расходами; обеспечение синхронного перевода в ходе расследований и осуществление письменных переводов, необходимых для деятельности Канцелярии; организацию процесса регистрации и хранения доказательств и информации; разработку, внедрение и поддержку специализированных средств и практик управления информацией, используемых Канцелярией. Секция правовых консультаций выполняет следующие функции: предоставление юридических консультаций по запросу прокурора, Исполнительного комитета и руководителей отделов Канцелярии; разработка, внедрение и поддержка научно-исследовательской деятельности; организация специализированных юридических тренингов для сотрудников Канцелярии по запросу прокурора; развитие системы привлечения специалистов в области теоретической и практической юриспруденции в Канцелярию.

Согласно п. 2 ст. 42 Статута руководство Канцелярией прокурора осуществляет прокурор МУС, который вправе иметь одного или нескольких заместителей. Прокурором и заместителем прокурора могут быть лица, обладающие высокими моральными качествами, высокой квалификацией и имеющие широкий практический опыт в сфере уголовного преследования или судебного рассмотрения уголовных дел. Кроме того, они должны в совершенстве знать хотя бы один из рабочих языков МУС и свободно разговаривать на нем. Важно отметить, что прокурор и его заместите-

ли должны быть гражданами разных государств. При этом Статут не содержит аналогичного ограничения в отношении гражданства судей и прокуроров МУС. Последнее положение, отмечает У. Шабас, вызвало острые дискуссии в ходе разработки Римского статута МУС, так как эта норма допускает возможность совмещения обвинения и рассмотрения дела представителями одного государства [9, р. 377].

Прокурорская стратегия. Важное значение в эффективном выполнении функций прокурора имеет планирование его деятельности. Работа Канцелярии прокурора осуществляется с учетом стратегических направлений его деятельности, которые содержатся в Стратегии развития (стратегическом плане) и де-факто являются принципами и направлениями работы Канцелярии прокурора. Стратегия разрабатывалась (принималась) шесть раз. Так, впервые основные направления были сформулированы в Докладе о стратегии развития 2006 года (Report on Prosecutorial Strategy, 14 September 2006). В настоящее время деятельность Канцелярии прокурора регулируется Стратегией развития на период 2023 – 2025 годы (The strategic plan of the Office of the Prosecutor 2023 – 2025).

Работа Канцелярии прокурора основывается на четырех фундаментальных принципах:

- позитивной взаимодополняемости национальных юрисдикций;

- сфокусированного расследования и уголовного преследования;

- достижения максимального влияния деятельности Канцелярии;

- обеспечения интересов потерпевших.

Принцип позитивной взаимодополняемости национальных юрисдикций является определенным компромиссом между обязанностью государства нести первичную ответственность за привлечение виновных лиц к уголовной от-

ветственности на своей территории и деятельностью МУС, призванного обеспечить скоординированные и эффективные действия по устранению проблемы безнаказанности [10, р. 187]. Вместе с тем Канцелярия прокурора начинает свою деятельность на территории государства только в исключительных случаях, когда такое государство не желает или не в состоянии провести эффективное уголовное преследование.

Принцип сфокусированного расследования и уголовного преследования, обусловленный ограниченностью ресурсов Канцелярии прокурора, предполагает выбор дел в соответствии с приоритетностью материалов, поступающих в МУС [11, р. 44]. Такого рода вопросы в Канцелярии прокурора МУС регламентируются на основании Программного документа по отбору дел и расстановке приоритетов (Policy paper on case selection and prioritisation of the Office of the Prosecutor of the International Criminal Court). Данный документ устанавливает критерии прокурорского усмотрения при отборе и определении приоритетности дел в рамках расследования и уголовного преследования. Документ определяет политику и практические подходы Канцелярии прокурора в отношении выбора инцидентов, лиц и деяний, подлежащих расследованию и уголовному преследованию в конкретной ситуации. Кроме того, в соответствии с п. 34 упомянутого Программного документа Канцелярия прокурора при отборе дела для расследования и уголовного преследования должна учитывать тяжесть преступления, степень ответственности предполагаемых преступников (прежде всего речь идет о лицах, финансировавших или организовавших эти преступления [12, р. 47]) и потенциальное наказание.

Следует подчеркнуть, что такая приоритетность носит достаточно гибкий характер. В соответствии с положени-

ями вышеупомянутого Программного документа процесс отбора дел и определения приоритетов должен регулярно обновляться на основе информации и доказательств, полученных в ходе расследования продолжающихся преступлений, а также с учетом изменений в оперативной обстановке, которые могут повлиять на эффективность работы Канцелярии прокурора в части проведения расследования и судебного преследования. В рамках этого процесса возможен не только пересмотр решений об отборе или приоритетности дел, но и корректировка следственных действий с учетом собранных доказательств. Таким образом, отбор дел и определение приоритетов должны рассматриваться как динамичный процесс, направленный на постоянное совершенствование направленности расследований Канцелярии прокурора.

Третий принцип заключается в максимальном влиянии деятельности Канцелярии на достижение целей правосудия. Одной из целей МУС является предупреждение международных преступлений, обеспечение мира и безопасности [13, р. 289]. В этой связи Канцелярия прокурора осуществляет превентивные меры на каждом этапе своей деятельности, начиная с предварительной проверки информации, расследования, судебного разбирательства и заканчивая вынесением приговора (Prosecutorial Strategy 2009 – 2012, 1 February 2010). Большое превентивное влияние на совершение уголовных преступлений оказывают информирование о деятельности МУС, система управления информацией, поддерживающая расширенный подход к сбору больших

массивов данных, а также мониторинг информации.

Кроме того, в процессе рассмотрения дел в МУС соответствующие органы и должностные лица обязаны учитывать интересы и потребности потерпевших лиц (Report of the Court on the strategy in relation to victims, 10 November 2009). Данное положение распространяется и на Канцелярию прокурора. Реализация этого принципа предполагает учет интересов потерпевших на всех этапах рассмотрения дела. На этапах предварительного расследования и судебного разбирательства потерпевшие вправе предоставлять информацию о предполагаемых преступлениях и направлять прокурору ходатайства по вопросам, затрагивающим их интересы в ходе расследования. При принятии решения о начале расследования прокурор в соответствии со ст. 53 Статута учитывает интересы потерпевших. В ходе производства по делу Канцелярия прокурора осуществляет постоянное взаимодействие с потерпевшими в целях установления полной картины преступления.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного мы приходим к выводу, что Канцелярия прокурора МУС выступает самостоятельным органом Суда, чья сложная внутренняя организация и деятельность являются необходимым условием эффективного отправления международного уголовного правосудия для стран – участниц Римского статута Международного уголовного суда. В свою очередь, анализ ее структуры, полномочий и стратегий представляет научную ценность, актуальную для понимания механизмов международной уголовной юстиции.

Список источников

1. Sadat L., Carden R. The New International Criminal Court: An Uneasy Revolution // The Georgetown Law Journal. 2000. Vol. 88. P. 381 – 474.
2. Olasolo H. The triggering procedure of the International Criminal Court. Martinus Nijhoff Publishers, 2005. 400 p.

3. Danner A.M. Enhancing the legitimacy and accountability of Prosecutorial discretion at the International Criminal Court // The American Journal of International Law. 2003. Vol. 97. P. 510 – 552.
4. Novak A. The International Criminal Court: An Introduction. Springer, 2015. 116 p.
5. The International Criminal Court and Global Social Control: International Criminal Justice in Late Modernity. Routledge, 2015. 174 p.
6. Wenqi Z. On co-operation by states not party to the International Criminal Court // International Review of the Red Cross. 2006. Vol. 88. Number 861. P. 87 – 110.
7. Doria J., Gasser H., Bassiouni M.C. The legal regime of the International Criminal Court: essays in honour of Professor Igor Blishchenko: in memoriam Professor Igor Pavlovich Blishchenko (1930 – 2000). BRILL, 2009. 1121 p.
8. Вэньци Ч. О сотрудничестве с Международным уголовным судом государств, не являющихся участниками Статута // Международный журнал Красного Креста. 2006. Т. 88, № 861. С. 107 – 136.
9. Schabas W. An Introduction to the International Criminal Court. Cambridge University Press, 2011. 594 p.
10. Pichon J. The Principle of Complementarity in the Cases of the Sudanese Nationals Ahmad Harun and Ali Kushayb before the International Criminal Court // International Criminal Law Review. 2008. Vol. 8. P. 185 – 228.
11. Politi M., Gioia F. The International Criminal Court and National Jurisdictions. Ashgate Publishing, Ltd., 2008. 177 p.
12. Courting history: the landmark International Criminal Court's first years. Human Rights Watch, 2008. 244 p.
13. Fitzmaurice M. Treaty interpretation and the Vienna Convention on the Law of Treaties: 30 years on. Edited by M. Fitzmaurice, O.A. Elias, P. Merkouris. BRILL, 2010. 382 p.

Информация об авторах

В.А. Максимов – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

К.А. Тарасевич – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V.A. Maksimov – Associate Professor at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

K.A. Tarasevich – Senior Lecturer at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Candidate of Science (Law).

РЕЦЕНЗИИ ОБЗОРЫ МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Обзорная статья
УДК 34

ОБЗОР IV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ (ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ)»

Николай Валентинович КУЛИК¹, Дмитрий Анатольевич СЫЧЕВ²,
Максим Михайлович КОНОНЕНКО³

^{1,2,3} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ kulik-n@mail.ru,

² ds999rus@rambler.ru,

³ m.m.kononenko6040@gmail.com

Аннотация. В статье представлен обзор IV Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс: от истоков к современности». Изложены основные положения докладов ведущих ученых, выступивших на конференции.

Ключевые слова: уголовный процесс, научно-практическая конференция, исследования

Для цитирования: Кулик Н.В., Сычев Д.А., Кононенко М.М. Обзор IV Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс: от истоков к современности (проблемы уголовно-процессуального доказывания)» // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 183 – 191.

Review article

REVIEW OF THE IV ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «CRIMINAL PROCEDURE: FROM THE ORIGINS TO THE PRESENT (PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURE EVIDENCE)»

Nikolay V. KULIK¹, Dmitry A. SYCHEV², Maksim M. KONONENKO³

^{1,2,3} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ kulik-n@mail.ru,

² ds999rus@rambler.ru

³ m.m.kononenko6040@gmail.com

© Кулик Н.В., Сычев Д.А., Кононенко М.М., 2026

Abstract. The article provides a review of the IV All-Russian scientific and practical conference «Criminal procedure: from the origins to the present». It outlines the main points discussed in the presentations by leading scholars who participated in the conference.

Keywords: criminal proceedings, scientific and practical conference, legal research

For citation: Kulik N.V., Sychev D.A., Kononenko M.M. Review of the IV All-Russian scientific and practical conference «Criminal procedure: from the origins to the present (problems of criminal procedure evidence)». Criminalist. 2026;2(55):183-191. (In Russ.).

В Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации (далее также — Институт) 5 декабря 2025 года состоялась IV Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовный процесс: от истоков к современности». Она была посвящена исследованию широкого спектра вопросов, связанных с проблемами уголовно-процессуального доказывания. В работе конференции приняли участие практические работники органов прокуратуры, члены судейского сообщества, представители ведущих юридических вузов России: Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (г. Санкт-Петербург), Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, Балтийского федерального университета имени И. Канта, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургской и Луганской академий Следственного комитета Российской Федерации, Кемеровского государственного университета, Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии

Российской Федерации, Московского и Санкт-Петербургского университетов МВД России, Донбасского государственного университета юстиции и других органов и организаций, а также профессорско-преподавательский состав филиалов Университета прокуратуры Российской Федерации, аспиранты, слушатели факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Института. В ходе научно-практической конференции были заслушаны доклады, посвященные актуальным проблемам уголовно-процессуального доказывания и функционирования прокурора в уголовном судопроизводстве, в которых предпринята попытка определить пути дальнейшего изучения и развития этой важной области, а также способы совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Участники конференции с большим интересом обсудили предложенные идеи и договорились продолжить научные исследования, чтобы как можно скорее найти решение обозначенных проблем.

Особый интерес вызвали доклады известных ученых-процессуалистов Н.В. Азарёнка, Н.А. Даниловой, В.Н. Исаенко, Н.П. Кирилловой, К.А. Корсакова, В.Л. Кудрявцева, Н.А. Назыровой, Т.Г. Николаевой, Е.В. Сидоренко, С.В. Страховой, В.С. Шадрина, Е.Г. Шадриной, специалистов-практиков А.В. Резцова и Г.К. Жукова и др. Широко была представлена молодежная секция конференции, в работе которой приняли участие аспиранты и студенты различных вузов.

Заместитель директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент А.А. Сапожков в приветственном слове участникам конференции отметил ее уникальность, поскольку традиционно в работе конференции принимают участие как ведущие теоретики уголовно-процессуальной науки, так и правоприменители, что способствует «перекрестному опылению» идеями и практическими находками в устранении законодательных пробелов и в итоге положительно сказывается на выработке адекватных подходов к разрешению имеющихся проблем.

Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент Е.Б. Серова, открывая работу конференции, отметила, что доказывание является средоточием уголовно-процессуальной деятельности, и выразила надежду, что высказанные участниками конференции предложения найдут отражение как в законотворческой деятельности, так и в правоприменительной сфере.

С пленарным докладом на тему «Современные проблемы истины в уголовном судопроизводстве» на конференции выступил заслуженный юрист Российской Федерации профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Шадрин Виктор Сергеевич. В своем докладе он подчеркнул, что историческое разворачивание цели доказывания в российском уголовном судопроизводстве проходило в направлении достижения объективной истины. В этом отношении Уголовно-процессуальный

кодекс РСФСР был преемственен Уставу уголовного судопроизводства 1864 года (УУС), несмотря на разделяющий их слом социального и государственного уклада.

Разработчики Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), опираясь на требования принятого в 1993 году нового Основного закона, провозгласившего Россию демократическим правовым государством, а права человека и гражданина высшей ценностью, и опыт состязательных уголовных производств западных демократий, сочли необходимым возвести состязательность и презумпцию невиновности в ранг принципов уголовного судопроизводства. Уголовный процесс также пополнился специальными процедурами, такими как особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (раздел X, главы 40 и 40.1 УПК РФ), исключаящими предметное исследование совокупности собранных доказательств, и производство по уголовным делам с участием присяжных заседателей. Анализ особенностей данных порядков вполне определенно приводит к выводу, что при их применении, которое стало осуществляться в довольно значительном объеме, не ставится и не решается задача достижения объективной истины, а значит, такому принципу нет места в УПК РФ, откуда заодно исчез сам термин «истина», упоминавшийся ранее в ст. 243 УПК РСФСР применительно к обязанностям председательствующего в судебном заседании по ее установлению.

Зарубежные эксперты, в частности профессор С. Тейман из США, оказавшие существенное влияние на текст УПК РФ, попутно решали задачу культурного реформирования русского национального правового сознания, утверждая: «Для западной культуры вполне естественно признание за исти-

ной формы договора... сделка о признании выглядит вполне естественной, единственно разумной формой достижения такой договоренности... надо привыкать к тому, что судебная истина дискурсивна, риторична... она не научная, „объективная“ истина, а род соглашения» [1, с. 37].

Уязвимость, небезупречность особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, порождающая обоснованные сомнения в целесообразности его введения и существования в российском уголовном судопроизводстве, пять лет назад вполне ожидаемо привела к тому, что Федеральным законом от 20 июля 2020 года № 224-ФЗ круг уголовных дел, которые могут рассматриваться в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, был ограничен лишь делами о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Отказ от закрепления в УПК РФ и должной реализации в практике уголовного судопроизводства требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, олицетворяющего принцип объективной истины, в пользу фактического признания допустимости принятия решений по делу на основе истины судебной (она же договорная, конвенциональная и т. п.), по существу, не отвечает главной идее преобразований в сфере уголовного судопроизводства, вытекающей из положений ст. 2 Конституции Российской Федерации, — защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе права не быть подвергнутым ограничению и тем более лишению свободы в виде уголовного наказания, назначаемого судом, без достаточной обоснованности выводов о виновности подсудимого, и в известной мере посягает на суверенитет, прививая нам культурно чуждую правовую инвазию.

В выводах о разумной и необходимой дальнейшей корректировке УПК РФ в направлении устранения издержек реализации при его разработке не вполне продуманных решений, в том числе выразившихся в устранении из уголовно-процессуального закона вполне оправдавших себя ранее формулировок, касающихся достижения истины как цели доказывания, профессора В.С. Шадрина в своем выступлении на тему «Российский уголовный процесс: прошлое, настоящее, будущее (проблема истины)» поддержал директор Института юстиции, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса им. П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук, доцент Н.В. Азарёнок.

Конференцию продолжило выступление профессора кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) доктора юридических наук, профессора В.Н. Исаенко на тему «Допустимость доказательств в предмете прокурорского надзора в досудебном уголовном судопроизводстве». Докладчик обратил внимание на то, что проблема обеспечения допустимости доказательств в ходе расследования еще продолжает присутствовать и является существенной. В связи с чем основной задачей прокурорского надзора в досудебном производстве остается обеспечение проведения доказывания в строгом соответствии с законом как в узком, так и в широком смысле. Соблюдение установленного порядка расследования как элемента предмета надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания подразумевает не только соблюдение последовательности его осуществления, но и соблюдение установленного порядка собирания до-

казательств в соответствии с общими и частными условиями производства следственных действий, подготовки и назначения судебных экспертиз, установленных в главах 23 – 27 УПК РФ, правилами оценки полученных таким образом сведений. Недостатком действующего УПК РФ является то, что критерии оценки допустимости доказательств названы лишь в общем виде с приведением отдельных видов недопустимых доказательств и оснований их признания таковыми, определение же самого понятия допустимости доказательств отсутствует вообще. Поэтому при оценке доказательств с данной точки зрения прокуроры и другие участники уголовного судопроизводства руководствуются разъяснениями, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым доказательства признаются недопустимыми, если при их получении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина, допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законом порядка их собирания, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами¹.

Формирование института допустимости доказательств с опорой на часть вторую ст. 50 Конституции России, ее включенность в предмет прокурорского надзора в досудебном уголовном судопроизводстве придает последнему конституционно-правовое содержание и значение.

¹ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (п. 16) и от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» (п. 13).

Опираясь на изложенное, оратор подверг критике существующий дефицит полномочий прокурора, не позволяющий эффективно реагировать на выявленные нарушения закона, диссонанс положений ч. 2 ст. 37 с ч. 4 ст. 221 УПК РФ относительно полномочий прокурора по направлению указаний следователю, унижительный с позиции назначения и роли прокурора акцент законодателя на мотивированности постановлений последнего, а также широкие возможности поднадзорных органов и лиц по обжалованию действий и решений прокурора, приостанавливающему их исполнение.

Отдельно докладчик остановился на проблеме навыка прокуроров (как «надзорников», так и государственных обвинителей) оценивать выводы экспертизы, навыка комплексного подхода к ней с точки зрения системно-структурного анализа не только резолютивной, но и исследовательской ее части, что имеет непреложное значение для формирования внутреннего убеждения в обоснованности и достоверности заключения эксперта, отсутствии противоречий между заключением и другими доказательствами, возможности его использования как при формулировании обвинительного тезиса на предварительном следствии, так и при поддержании государственного обвинения в суде.

В заключение профессор В.Н. Исаенко указал, что даже в существующих правовых условиях прокурор обязан по максимуму использовать свои надзорные полномочия, в том числе по выявлению недопустимых доказательств с последующим принятием соответствующего процессуального решения. Несоблюдение данного требования может повлечь направление в суд уголовного дела, обвинительный тезис в котором обоснован недопустимыми доказательствами или недостаточной их совокупностью. В подтверждение заявленных

доводов были приведены примеры реабилитирующих решений¹.

Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Института доктор юридических наук, профессор Н.А. Данилова в своем выступлении, посвященном противоречиям и взаимопроникновению уголовного процесса и криминалистики, подчеркнула, что взаимосвязь этих научных дисциплин не является идеальной.

С одной стороны, криминалистика стремится к повышению эффективности противодействия современной преступности, которая характеризуется постоянным совершенствованием методов подготовки, совершения и сокрытия противоправных деяний, а также значительным ростом преступлений повышенной общественной опасности, таких как экстремистские и террористические акты, преступления в сфере высоких технологий и новые формы экономических преступлений. В связи с этим любые изменения и дополнения уголовно-процессуального законодательства активно используются представителями криминалистической науки для их максимально эффективного применения в правоприменительной практике.

С другой стороны, уголовный процесс зачастую демонстрирует пренебрежительное отношение к собственной законодательной базе, в частности к ее криминалистическому аспекту. Иными словами, уголовный процесс нередко не учитывает потребности криминалистики, возникающие вследствие изменений в уголовно-процессуальных нормах, что препятствует разработке актуальных криминалистических рекомендаций

и их внедрению в правоприменительную практику.

Н.А. Данилова резюмировала, что для оптимизации правоприменительной практики в области уголовного судопроизводства необходимо не только углублять интеграцию в уголовный процесс криминалистики, но и оперативно устранять существующие между ними противоречия.

Доклад профессора кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) доктора юридических наук, доцента В.Л. Кудрявцева был посвящен анализу уголовно-процессуального доказывания в рамках междисциплинарного исследования, объединяющего науки уголовно-процессуального права и криминалистики. Докладчик при исследовании научно-методологических оснований такого подхода рассмотрел три концепции соотношения этих дисциплин в контексте доказывания. Особое внимание было уделено понятиям механизма преступления и механизма доказывания, их взаимодействию и влиянию на процесс установления истины в уголовном судопроизводстве. В результате исследования В.Л. Кудрявцев приходит к следующим выводам:

1. В ряде случаев сложно однозначно определить вклад каждой из наук в процесс доказывания.

2. Наблюдается высокий уровень полисемии ключевых категорий, обусловленный сложностью и многоаспектностью доказывания.

3. Имеет место искусственное расширение границ научных дисциплин в междисциплинарных исследованиях.

4. Выявлена разница между декларируемым и фактическим соотношением уголовно-процессуального права и криминалистики в контексте доказывания.

5. Отмечено запоздалое или полное отсутствие внедрения разработанных междисциплинарных доктринальных

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2023 г. № 53-УД23-9-К8 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.04.2026) ; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 августа 2024 г. № 82-УД24-7-А2 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.04.2026).

положений в научный оборот и образовательный процесс по соответствующим дисциплинам.

Как итог анализа междисциплинарного подхода в уголовно-процессуальном доказывании сформулирован вывод о его реализации и перспективах дальнейшего развития.

Доклады доцента кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена кандидата юридических наук, доцента Е.Г. Шадринной, заведующего кафедрой организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидата юридических наук Н.А. Назыровой, заведующего кафедрой уголовного процесса факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации кандидата юридических наук, доцента А.Г. Хара-тишвили были посвящены особенностям доказывания в суде с участием присяжных заседателей.

Докладчики обратили внимание на комплекс проблем, связанных с функционированием данного суда, включая внепроцессуальное воздействие на обвиняемого, сложности формирования коллегии присяжных заседателей из-за неявки кандидатов, тенденциозность коллегии, а также с осуществлением доказывания в данной форме судопроизводства как на досудебной стадии, так и в суде.

Одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем, на которую обратили внимание участники конференции, является определение пределов доказывания обвинения в суде присяжных. В связи с этим было высказано предложение внести изменение в ч. 8 ст. 335 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать пре-

дубеждение присяжных заседателей в отношении подсудимого, не подлежат оглашению в их присутствии и не могут быть исследованы с их участием, за исключением случаев, когда исключение таких сведений приведет к искажению представления о ключевых обстоятельствах дела».

В рамках дискуссии о методологии и специфике доказательственной деятельности в суде с участием присяжных заседателей заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент Е.Б. Серова представила информационно-аналитический обзор, который сосредоточен на анализе профессиональной деятельности прокуроров в данной правовой форме. Обзор был подготовлен с опорой на результаты комплексных исследований, проведенных на кафедре уголовного процесса и криминалистики Института, и корреспондировал тем проблемным вопросам, которые поднимали участники конференции.

В своем выступлении В.В. Михайлов акцентировал внимание на важных аспектах представления государственным обвинителем коллегии присяжных доказательств, собранных следователем в рамках предварительного следствия, а также на мерах по устранению возможных пробелов в доказательной базе, обеспечению представления дополнительных доказательств, которые могут опровергнуть аргументы защиты, включая версию об алиби подсудимого. На примерах было убедительно продемонстрировано, что государственные обвинители обязаны обладать глубокими теоретическими и практическими знаниями в области криминалистики, чтобы адекватно оценивать возможности следственных органов по сбору доказательственной базы и эффективно направлять их усилия на этом этапе досудебного производства. В дополне-

ние к этому, по мнению выступающего, обвинитель должен быть способен обосновать причины, по которым в рамках данного уголовного дела не были собраны все потенциально возможные доказательства, что требует от него высокого уровня профессионализма, аналитических способностей и прежде всего опыта применения криминалистических знаний. Тем самым была подчеркнута центральная идея выступлений большинства участников конференции.

Ретроспективному анализу Концепции судебной реформы 1991 года было посвящено выступление А.В. Резцова — прокурора отдела управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу. Им подмечено, что ныне подзабытая Концепция судебной реформы в РСФСР, одобренная парламентом страны 24 октября 1991 года, явилась прародительницей отдельных правовых институтов действующего уголовно-процессуального законодательства, таких как состязательность, независимость судебной власти, равенство сторон, презумпция невиновности, неприкосновенность личности, контроль суда за соблюдением конституционных прав граждан на предварительном расследовании и т. д., структуры судебной системы и отчасти органов уголовного преследования и послужила стимулом к новому витку развития отечественной уголовно-процессуальной науки [2, с. 42].

Вместе с тем А.В. Резцовым убедительно показано отсутствие прямой корреляции между качественными результатами перестройки системы уголовного судопроизводства и судостроительства и динамикой статистических показателей преступности, на которые указывалось при разработке Концепции как на показатели системного кризиса юстиции в стране.

В качестве выводов предложена постановка вопроса о научно обоснованном отборе критериев и предпосылок,

указывающих на необходимость реформирования уголовно-процессуального законодательства, а также критериев оценки произведенных изменений.

Нельзя не отметить практическую актуальность выступлений С.А. Полякова на тему «Цифровизация уголовного процесса как фактор, влияющий на обеспечение национальной и международной безопасности», С.В. Страховой на тему «К вопросу об основаниях возвращения уголовного дела прокурором для производства дополнительного дознания, дополнительного следствия», А.Б. Судницына на тему «Ложные показания обвиняемого: от допустимости к запрету», С.В. Цедрика на тему «Особенности первичных следственных действий при выявлении фактов оказания опасных услуг посредством воздушного транспорта», которые вызвали заинтересованность слушателей.

Дискуссионная часть конференции была отмечена выступлениями сотрудников кафедры уголовного процесса и криминалистики Института, также Г.К. Жукова, А.С. Суходолова, А.М. Ибрагимовой, Е.А. Комаровой, Е.О. Коршиковой, О.Е. Федяковой, Е.В. Сидоренко, Г.Н. Кируши и др.

Особый интерес участников конференции вызвало выступление К.А. Корсакова на тему «Уголовное судопроизводство как система», который представил последовательные тезисы, акцентирующие внимание на проблематике понятийного аппарата, описывающие строение системы уголовного судопроизводства и раскрывающие значение практики как критерия истины в отечественном уголовном судопроизводстве.

Докладчик отметил, что достижение истины является основной целью российского уголовного судопроизводства, и пришел к выводу, что выработанная в настоящее время система деятельности, при которой каждый предшествующий субъект каждому последующему доказывает правильность, достоверность (истинность) результатов познания и при-

нятых решений, в наибольшей степени обеспечивает получение истинных знаний о произошедшем и принятие законного, обоснованного и справедливого решения на основе практической деятельности.

Доклады на заседании молодежной секции также были посвящены анализу отечественного опыта в уголовном судопроизводстве и были во многом когерентны выступлениям заслуженных ученых, выступивших в пленарной части конференции. Отдельного внимания заслуживает выступление студентов Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации П.С. Анискович и Т.А. Барышниковой на тему «Состязательность в российском уголовном процессе: между романтической целью и реалиями розыскной модели».

Тем самым выявленная проблематика становится очевидной не только пред-

ставителям науки и практики, но и студентам.

Предложенные докладчиками инициативы по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в аспекте осуществления доказывания вызвали активную научную дискуссию и повышенный интерес участников мероприятия.

Доклады продемонстрировали преимущество отечественных подходов в науке и богатую историю разработки оригинальных решений, таких как интеграция криминалистики в уголовный процесс. Данная способность сохраняется благодаря ранее сформировавшимся, в том числе в стенах Института, научным школам, чьи концептуальные подходы обладают значительным потенциалом для интеграции в уголовно-процессуальную доктрину, открывают новые перспективы для углубленного анализа и дальнейших научных исследований.

Список источников

1. Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. 1998. № 10. С. 35 – 37.
2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. 8-е изд., перераб. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. 783 с.

Информация об авторах

Н.В. Кулик – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Д.А. Сычев – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук;

М.М. Кононенко – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

N.V. Kulik – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

D.A. Sychev – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law);

M.M. Kononenko – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Обзорная статья
УДК 34

ОБЗОР НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
«КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ» (ПОСВЯЩЕННОГО ПАМЯТИ
В.С. БУРДАНОВОЙ) «ОСОБЕННОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ»

Елена Борисовна СЕРОВА¹, Елена Владимировна ЕЛАГИНА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ serova@yandex.ru

² yelagina@bk.ru

Аннотация. Представлен обзор научно-практического семинара «Криминалистические чтения» (посвященного памяти В.С. Бурдановой) «Особенности судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и коррупционной направленности». Конспективно изложено основное содержание отдельных докладов и выступлений участников научно-практического мероприятия.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, преступления в сфере экономической деятельности, преступления коррупционной направленности, криминалистика, предварительное расследование, криминалистическое обеспечение

Для цитирования: Серова Е.Б., Елагина Е.В. Обзор научно-практического семинара «Криминалистические чтения» (посвященного памяти В.С. Бурдановой) «Особенности судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и коррупционной направленности» // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 192 – 200.

Review article

REVIEW OF THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL SEMINAR «CRIMINALISTIC
READINGS» (DEDICATED TO THE MEMORY OF V.S. BURDANOVA):
«SPECIFIC FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES
INVOLVING ECONOMIC CRIMES AND CORRUPTION-RELATED OFFENCES»

Elena B. SEROVA¹, Elena V. ELAGINA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia

¹ serova@yandex.ru

² yelagina@bk.ru

Abstract. This article presents a review of the scientific and practical seminar «Criminalistic Readings» (dedicated to the memory of V.S. Burdanova) «Specific features of criminal proceedings in criminal cases involving economic crimes and corruption-related offences». This review summarizes the main reports delivered by participants at the seminar.

© Серова Е.Б., Елагина Е.В., 2026

Keywords: criminal proceedings, economic crimes, corruption-related crimes, forensics, preliminary investigation, forensic support

For citation: Serova E.B., Elagina E.V. Review of the scientific and practical seminar «Criminalistic readings» (dedicated to the memory of V.S. Burdanova) «Specific features of criminal proceedings in criminal cases involving economic crimes and corruption-related offences». Criminalist. 2026;2(55):192-200. (In Russ.).

5 марта 2026 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации (далее также – Институт) проведен научно-практический семинар «Криминалистические чтения» (посвященный памяти В.С. Бурдановой) «Особенности судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и коррупционной направленности». Мероприятие организовано кафедрой уголовного процесса и криминалистики Института.

Ежегодное проведение научно-практического семинара «Криминалистические чтения» (посвященного памяти В.С. Бурдановой) наряду с Всероссийским криминалистическим форумом «Санкт-Петербургская школа криминалистики» свидетельствует о преемственности традиций и сохранении теоретической базы научной школы криминалистики и уголовного процесса, сформировавшейся на протяжении многих десятилетий в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации, ее развитии и интерпретации в современных условиях.

Данное научное мероприятие посвящено памяти Виринеи Сергеевны Бурдановой, поскольку она являлась инициатором и организатором криминалистических семинаров, проводимых в Институте еще в 80-х годах XX века. Исследования В.С. Бурдановой отличались пропорциональным сочетанием теории и практики. Наряду с тщательным изучением вопросов, имеющих непосредственное отношение к совершен-

ствованию уголовного преследования, Виринея Сергеевна не менее скрупулезно изучала проблемы правоприменительной практики.

В работе семинара приняли участие слушатели факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Института, обучающиеся по программе повышения квалификации прокуроров городов, районов и приравненных к ним специализированных прокуроров, представители управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу, Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, прокуратуры Ленинградской области, Северо-Западной транспортной прокуратуры, Главного управления внутренних дел по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Западного межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации, Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербургского университета МВД России, Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Донбасского государственного университета, Ульяновского государственного университета, Московской академии Следственного

комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева, Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Центра профессиональной подготовки УМВД России по Псковской области, Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, адвокатского сообщества и других органов и организаций, профессорско-преподавательский состав и аспиранты Института, обучающиеся образовательных организаций Санкт-Петербурга (в качестве слушателей).

Гибридный формат обеспечил возможность дистанционного участия всех, кого заинтересовало данное научное мероприятие.

Участники научно-практического семинара выступили с докладами, посвященными актуальным вопросам теории и практики противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности и коррупционной направленности: осуществлению оперативно-разыскной деятельности и использованию ее результатов в доказывании по уголовным делам; возмещению вреда, причиненного преступлениями коррупционной направленности; подготовке к поддержанию государственного обвинения по уголовным делам о взяточничестве; доказыванию взяточничества при отсутствии результатов оперативно-разыскной деятельности, доказыванию умысла по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности; ошибкам, допускаемым при производстве экономических экспертиз; реализации специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности; значению психолого-лингвистической экспертизы по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности;

выявлению прокурором преступлений, совершаемых при выполнении государственных и муниципальных контрактов, экономических преступлений в сфере ЖКХ; выявлению хищений в сфере государственных и муниципальных закупок и другим вопросам.

Открывая работу научно-практического семинара «Криминалистические чтения» (посвященного памяти В.С. Бурдановой), к участникам мероприятия обратилась Е.Б. Серова, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. В своем обращении она кратко ознакомила участников с историей данного мероприятия, подчеркнула значение противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности и коррупционной направленности, охарактеризовала отдельные проблемы производства по уголовным делам данной категории, отметила необходимость разработки эффективного криминалистического инструментария, совершенствования взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, выразила уверенность в том, что выступления будут значимы как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Предложенные докладчиками пути совершенствования судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и коррупционной направленности вызвали у участников мероприятия большой интерес и многочисленные вопросы, оживленную, содержательную дискуссию, продолжившуюся и по окончании официальной части мероприятия.

Выступая с докладом «Противодействие преступлениям экономической направленности: традиции и современность», Н.А. Данилова, профессор

кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, отметила ошибочность представления, что экономическая и коррупционная преступность имеют мало общего. Рыночная экономика повлекла за собой появление многих новых направлений экономической деятельности, которые представляют интерес для криминального элемента, прежде всего для организованной преступности. Одновременно с организованной экономической преступностью появляется преступность коррупционной направленности.

В настоящее время остро стоит вопрос обеспечения экономической безопасности России. Не менее важно обеспечить нравственную безопасность страны, а одно из наиболее «противонравственных» явлений современного общества — коррупция, борьба с которой представляет значительную сложность.

В качестве основных причин, осложняющих привлечение к ответственности экономических преступников и коррупционеров, докладчиком были указаны: бланкетность правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность; различия в трактовках одних и тех же понятий в уголовном и, например, гражданском законодательстве, наличие в них противоречий и несоответствия; низкий уровень квалификации правоприменителя, причем речь идет не только о следователях, расследующих указанные преступления, но в ряде случаев и их руководителях, оперативных работниках, прокурорах, судьях. Привлечение к уголовной ответственности за рассматриваемые преступления невозможно без знания гражданского и смежных с ним отраслей права, позволяющих разграничить уголовно нака-

зуемые деяния и гражданско-правовые деликты.

А.В. Резцов, прокурор отдела по надзору за исполнением федерального законодательства, за оперативно-разыскной и процессуальной деятельностью управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу, старший советник юстиции, в докладе «Новаии постсоветского уголовного процесса: регламентация расследования преступлений в сфере экономической деятельности» обратил внимание на отсутствие единого подхода к определению преступлений в сфере экономической деятельности, что находит отражение и в формулировках правовых норм (например, ч. 3 ст. 20, ст. 81.1, 108 164 УПК РФ), и в научных определениях.

Докладчик отметил, что имеющееся в настоящее время легальное определение экономической деятельности чрезвычайно широкое и не может быть в полной мере применимо в сфере уголовного производства. Проследил трансформацию законодательства об ответственности за экономические преступления и преступления коррупционной направленности в современной России, сравнил правовые нормы российского законодательства и законодательства РСФСР, подчеркнув преемственность правовых норм, в том числе в части процессуальной регламентации производства по уголовным делам о преступлениях экономической направленности. В частности, сослался на Инструктивное письмо уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР 1926 года № 1, отдельный раздел которого посвящен ошибкам применения процессуального закона при производстве по уголовным делам о хозяйственных преступлениях. В письме было указано на недопустимость «привлечения и осуждения за заключение невыгодных

договоров, которые были выгодны в момент их заключения», а также «вынесения обвинительных приговоров за бесхозяйственность, в то время как убытки учреждения являются следствием объективных условий рынка». Уголовно-кассационная коллегия обосновывала это тем, что социальная опасность подобных действий минимальная и не требует применения уголовной репрессии. В качестве одной из особенностей производства Уголовно-кассационной коллегией была названа необходимость формирования специального состава народных заседателей из местных хозяйственников-общественников.

Е.В. Сидоренко, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, старший советник юстиции (в отставке), почетный работник прокуратуры Российской Федерации, выступая с докладом «Подготовка к поддержанию государственного обвинения по уголовным делам о взяточничестве», отметила сложность поддержания государственного обвинения по таким делам, подчеркнув, что, к сожалению, по этим делам нередко приходится сталкиваться с «обидными» оправдательными приговорами.

Докладчик констатировала бесспорность того, что взяточничество — сложное в доказывании преступление. В то же время следователь на момент возбуждения уголовного дела нередко не видит возможности осложнения следственной или судебной ситуации, соответственно, полагает, что нет необходимости проявлять активность, искать дополнительные доказательства, прогнозировать возможные версии защиты. Анализ судебной практики показывает, что примерно четверть лиц, подозреваемых во взяточничестве, на момент возбуждения

уголовного дела признавали свою вину, однако большинство из них в дальнейшем от своих показаний отказывались, выдвигали трудно проверяемые в суде версии защиты.

Напомнив, что Генеральный прокурор Российской Федерации в своем приказе от 30 июня 2021 года № 376 (ред. от 3 июля 2024 года) «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» предписывает поручать поддержание государственного обвинения по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, прокурорам, обладающим соответствующими личностными и профессиональными качествами, Е. В. Сидоренко высказалась о необходимости неуклонного соблюдения этого подхода применительно к уголовным делам о взяточничестве. Поддержание государственного обвинения по делам о взяточничестве следует поручать государственным обвинителям, которые обладают глубокими теоретическими знаниями, жизненным опытом, знают правоприменительную практику, в том числе и негативную, владеют информацией о методике расследования данных преступлений, особенностях проведения оперативно-разыскных мероприятий, специфике формирования доказательственной базы, умеют прогнозировать возможные версии защиты. Высказала обоснованное мнение о целесообразности поддержания государственного обвинения тем же прокурором, который осуществлял надзор в досудебном производстве, несмотря на организационные трудности, неизбежно возникающие при реализации данного положения.

Е.В. Сидоренко в качестве факторов, осложняющих деятельность государственного обвинителя в суде по делу о взяточничестве, назвала то, что позиция защиты нередко не проявляется ранее судебного следствия, а также слож-

ность оценки показаний свидетелей, которые, являясь взятокодателями, сами заинтересованы в исходе дела и склонны замалчивать негативную их характеризующую информацию.

Значительную роль в доказывании, считает Е.В. Сидоренко, играет оперативно-разыскная деятельность, которая должна быть осуществлена безукоризненно, чтобы не ставить под удар все результаты расследования. Государственный обвинитель должен взаимодействовать и со следователем, и с оперативными работниками, что позволит своевременно решать возникающие проблемы.

Завершая доклад, Е.В. Сидоренко отметил, что успех поддержания государственного обвинения во многом зависит от качества подготовки прокурора к судебному процессу, изучения всех материалов дела, включая вещественные доказательства, аудио- и видеоматериалы, имеющиеся в деле. В случае неожиданного заявления стороной защиты ходатайства не надо бояться заявить ходатайство об объявлении перерыва в судебном заседании для обдумывания возникшей проблемы и принятия законного и обоснованного решения.

Заместитель начальника УЭБиПК ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области полковник полиции В.А. Пак в докладе на тему «Оперативно-разыскная характеристика коррупционных преступлений в бюджетной сфере как инструмент защиты национальной безопасности» подчеркнул, что коррупция — одна из ключевых угроз национальной безопасности России. Борьба с коррупцией связана с оперативно-разыскной деятельностью по выявлению коррупционных правонарушений в бюджетной сфере. Эти посяательства нередко совершаются организованными преступными группами, имеющими сложную, разветвленную

структуру, с использованием специфических способов, которые трудно выявлять и доказывать. Способствуют этим преступлениям и представители органов государственной власти.

Исследуемые преступления причиняют значительный ущерб экономике страны. Это и прямые потери бюджетов разного уровня, и косвенный ущерб в виде нарушения прав граждан и снижения обороноспособности страны.

Эффективность выявления и расследования указанных преступлений обеспечивается использованием специальных знаний в области экономики. Специалисты финансово-экономического профиля сотрудничают с представителями правоохранительных органов при проведении проверок, взаимодействуют со следователями и прокурорскими работниками в ходе досудебного производства.

Проведение оперативно-разыскных мероприятий позволяет выявить преступление, получить необходимую информацию о нем. Важно не допустить провокации со стороны оперативных подразделений.

В продолжение обсуждения вопросов осуществления оперативно-разыскной деятельности, затронутых в докладе В.А. Пака, выступил С.Б. Мартыненко, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», кандидат юридических наук, доцент. Докладчик охарактеризовал значение результатов оперативно-разыскной деятельности и особенности их использования при возбуждении уголовных дел о взяточничестве, остановился на особенностях проведения оперативно-разыскных мероприятий по делам

о взяточничестве, обозначил недостатки действующего законодательства и предложил свое видение отдельных норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 1 апреля 2025 года) «Об оперативно-розыскной деятельности», в частности обратил внимание на возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств, если они получены в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, хотя это не может быть реализовано в силу различий в процессуальной и внепроцессуальной (оперативно-розыскной) деятельности.

Отметил, что вынесение оправдательных приговоров по делам о взяточничестве чаще всего связано с провокацией взятки либо признанием результатов оперативно-розыскной деятельности недопустимым доказательством.

Высказал мнение о необходимости тщательной проверки всех доказательств, собранных по делу, и содержащейся в них информации с точки зрения соответствия их закону по форме, правильности представления их следователю и наличия процессуальной проверки.

В завершение доклада С.Б. Мартыненко обратил внимание на целесообразность введения ответственности (в том числе уголовной) родственников и близких лиц взяточполучателей, которые пользуются результатами преступной деятельности и не могут не знать о противоправном происхождении соответствующих материальных благ. Данный тезис вызвал активную дискуссию, в ходе которой участники отметили важность определения правомерности / неправомерности действий указанных лиц.

Логичным завершением условного блока докладов, посвященных про-

блемам оперативного сопровождения расследования преступлений в сфере экономической деятельности и коррупционной направленности, стал доклад заведующего кафедрой уголовного процесса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации кандидата юридических наук, доцента, полковника юстиции А.Г. Харатишвили «Особенности доказывания взяточничества при отсутствии результатов оперативно-розыскных мероприятий», основное содержание которого было посвящено возможности доказывания коррупционного преступления, не зафиксированного в ходе оперативно-розыскной деятельности.

Докладчик подчеркнул, что основная масса преступлений выявляется в ходе оперативно-розыскной деятельности, для осуществления которой должны быть основания, причем это должны быть конкретные основания, а не «ловля на живца».

Поделится опытом использования в следственной практике психолого-лингво-фоноскопических экспертиз, которые не должны отвечать на вопрос о наличии провокации в исследуемых объектах, но могут ответить на вопросы о дословном содержании разговора, записанного на носитель, коммуникативной активности его участников и т. п.

Обратил внимание на возможность проведения в отдельных случаях повторных оперативных экспериментов.

Касаясь роли следователя на первоначальном этапе расследования, сделал акцент на негативной практике совпадения по времени оперативно-розыскных мероприятий и осмотра следователем места происшествия, что влечет за собой признание доказательств недопустимыми.

Отдельное внимание в докладе было уделено сложности корректного изъятия предмета взятки. В случае, если предмет взятки уже передан, доказывание факта

преступления существенно затруднено, но возможно с помощью показаний свидетелей. Важно при этом доказать, что у заявителя нет оснований для оговора должностного лица в получении взятки.

Теоретические положения, высказанные в докладе, были проиллюстрированы примерами из правоприменительной практики.

Поскольку расследование преступлений в сфере экономической деятельности и коррупционной направленности невозможно без использования результатов применения специальных знаний, большой интерес у аудитории вызвали доклады экспертов одного из ведущих государственных судебно-экспертных учреждений Санкт-Петербурга — ФБУ «Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации» (СЗРЦСЭ Минюста России). М.А. Григоренко, ведущий государственный судебный эксперт отдела судебных экономических экспертиз ФБУ СЗРЦСЭ Минюста России, старший преподаватель кафедры судебной экспертизы Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, рассказала о типичных ошибках, допускаемых при производстве экономических экспертиз, уделила внимание вопросам назначения и производства судебно-экономической экспертизы, а также возможности исследования криптовалюты. А.С. Медведева, ведущий государственный судебный эксперт ФБУ СЗРЦСЭ Минюста России, кандидат психологических наук, выступила на тему «Значение психолого-лингвистической экспертизы в рамках расследования преступлений коррупционной направленности», подробно осветив возможности данного вида судебной экспертизы, высказала рекомендации по подготовке материалов, подчеркнула недопусти-

мость поручения производства психолого-лингвистической экспертизы негосударственным судебно-экспертным учреждениям (организациям).

Большой интерес у участников научного мероприятия вызвал доклад «процессуального оппонента» Е.А. Гусаровой, адвоката филиала Ленинградской областной коллегии адвокатов «Закутайло и партнёры», которая выступила на тему «Заклучение специалиста как инструмент защиты прав участников уголовного судопроизводства».

Е.А. Гусарова рассмотрела конкретный пример — участие адвоката в производстве по арбитражному делу, наглядно продемонстрировав, как тщательное изучение заключения судебно-экономической экспертизы позволило выдвинуть обоснованное предположение о ее заведомой подложности, в связи с чем следственными органами было возбуждено уголовное дело в отношении эксперта.

Обратила внимание на возможность привлечения специалиста для оказания внепроцессуальной консультации в части формулирования вопросов, подлежащих разрешению в ходе производства судебной экспертизы.

Т.А. Бадзгарадзе, заместитель начальника кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции, выступила с докладом «Совершенствование методико-криминалистического обеспечения расследования и судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности». Докладчик отметила, что в настоящее время нет легального определения экономических преступлений, ученые, предлагая свои определения, подходят к решению этого вопроса по-разному. Призвала присутствующих

практических работников чаще обращаться к научным, учебным и методическим трудам.

Отметим проявленный слушателем факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Института интерес к докладам, выразившийся в активной дискуссии по большинству вопросов.

Формат обзорной статьи, к сожалению, не позволяет даже тезисно изложить содержание иных, не менее

интересных выступлений участников научно-практического семинара, но с отдельными из них, как и с содержанием докладов, рассмотренных в данной публикации, можно ознакомиться в сборнике материалов по итогам работы данного научно-практического семинара «Криминалистические чтения» и научно-практического семинара «Проблемы поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей».

Информация об авторах

Е.Б. Серова — заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Е.В. Елагина — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E.B. Serova — Head of the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

E.V. Elagina — Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.